

НАЧАЛО ВЕКА 1/2014

НАЧАЛО ВЕКА

Литературный и краеведческий журнал

1

2014

НАЧАЛО ВЕКА 2014/1

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Выходит с января 2007 года

ИЗДАНИЕ ТОМСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Главные редакторы:

Геннадий СКАРЛЫГИН
Владимир КРЮКОВ

Редколлегия:

АЛЕКСАНДР КАЗАРКИН
ГАЛИНА КЛИМОВСКАЯ
ВЕНИАМИН КОЛЫХАЛОВ
ВАЛЕРИЙ МАРКОВ
ВАЛЕРИЙ СЕРДЮК
НИКОЛАЙ СЕРЕБРЕННИКОВ
ВАЛЕНТИН РЕШЕТЬКО
СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВ

Адрес редакции:

634069, г. Томск,
ул. Шишкова, д. 10.
Тел. 528-369,
e-mail: tooooospr2013@yandex.ru

Электронная версия журнала:

<http://www.lib.tomsk.ru>
(электронная библиотека)

При перепечатке материалов
ссылка на журнал
«Начало века» обязательна.
Мнения авторов не обязательно
совпадают с мнением редакции.

На обложке:

Анатолий Шумилкин.
Пейзаж.

Журнал выходит
при поддержке
Администрации Томской
области

В НОМЕРЕ:

ГОСТЬ НОМЕРА

Николай СЕРЕБРЕННИКОВ
Интервью. Рассказ. Стихи..... 2

КЛЮЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Александр КАЗАРКИН
Все пророчества сбылись..... 10

ПРОЗА

Николай ХОНИЧЕВ
Родолена..... 13
Владимир КОЗУБОВ
Форс-мажор... .. 64

ПОЭЗИЯ

Владимир КРЮКОВ..... 81
Геннадий СКАРЛЫГИН..... 87

ПАМЯТЬ

Иван ИСАЕВ..... 94
Зоя КИРИЛЛОВА..... 103

ПРОЗА

Татьяна МЕЙКО
Сказки среднего мира..... 108
Сергей КУКЛИН
Домой!..... 118

ПОЭЗИЯ

Никита ЗОНОВ..... 128
Анна САВЧЕНКО..... 135

ПРОЗА

Виктор ЛОЙША
ООО, или Моя онкология..... 140

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЁБА

«Гармония»..... 150

ЧТО СМЕШНОГО

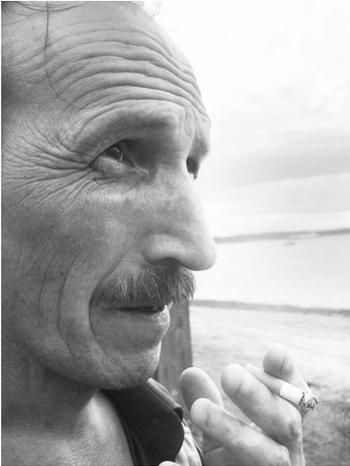
Михаил КРИВОШЕИН
По щучьему велению. Притча..... 155

НАМ ПИШУТ..... 157

АВТОРЫ НОМЕРА..... 158

СУДЬБА, ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРА...

Несколько вопросов Николаю Серебренникову

– Николай Валентинович, какие события своей жизни Вы считаете этапными?

– День рождения – это начало первого этапа? По другому этапу я пошёл в 1973 году, когда совершил «гражданское самоубийство» и плотно прикоснулся к диссидентству. В 1994-м призвали к университетскому преподаванию, и этот этап я только что благополучно миновал.

– А кто Вы по образованию? Нет здесь расхождения – между родом занятий и специальностью? И кем Вы работали?

– Я работал и грузчиком, и сторожем, и дворником, и археографом, и бетонщиком – кем только не работал! А в 1994-м возникла забавная ситуация: меня вдруг пригласили в Новгород преподавать литературоведение. Думали, что я доцент-филолог, а я был студентом-заочником истфака. Сдал экстерном экзамены за оставшиеся курсы, защитил диплом, уехал в Новгород, и обе

диссертации написал литературоведческие. Мне как куратору литературного музея историко-филологическое образование очень помогает. Жалко, что историко-филологические факультеты разделили, это была умная система сообщающихся сосудов.

– Вы преподавали в трёх вузах. А что было причиной ухода?

– Из Новгорода потянуло домой.

Лес шумит. Река играет.

Я пришёл.

*В глубине родного края
хорошо!*

Преподавал литературоведение в ТГУ, по совместительству вёл курс этнологии в педагогическом, последние три года в политехническом объяснял иностранным студентам особенности русской культуры. Формально всё нормально, однако итог моих университетов (получается не три, а четыре) печальный. Потанин говорил, что университет должен быть не только учебным заведением, но и духовно-образовательным центром своей области, а этого нет. В ТГУ даже не удалось ввести курс литературы Сибири как обязательный, выпуск «Сибирского текста в русской культуре» прекратились, в издание пяти книг «Сибирского архива» под грифом ТГУ университет отказался вложить хоть бы грош. Зато везде премного возросла работа в жанре планов и отчётов. Короче, нашла коза на камень. И пошла себе дальше.

– А сколько книг Вы издали, своих и чужих?

– Если считать и совместные, то 27. Из них чужих – 20. Но Батюшков говорил: «Чужое – моё сокровище!» Издать неизвестные произведения Потанина, Шпета или стихи покойного друга нужней и приятней, чем заказные сборники или своё завалищае.

– Теперь, из нового столетия, из дебрей рыночного общества, как Вы оцениваете драму молодости – аресты, преследования по работе, заключения в психбольницу? Не кажется ли порой, что всё было зря, что на место одних мародёров пришли другие, а диссиденты оказались утопистами?

– Почти все диссиденты поддерживали теорию конвергенции, органичного сближения экономических и правовых систем капитализма и социализма. Это должно было работать.

Западу верили, ведь там свобода мнения, Запад не зашорен, он не обманет. На деле Запад не был заинтересован в сохранении социалистических гарантий, в бесплатном медицинском обслуживании, в умно продуманных программах среднего и высшего образования. Запад использовал диссидентов как агентов доверия и свёл Россию на уровень третьесортной страны. Получили продажных кумиров и засилие платных сортиров разного рода. Лично я потерял двадцать лет и здоровье, зато со стороны красиво смотрелось, как шагнул из сумасшедших в доктора наук. Я изучал областническую доктрину и пришёл к выводу, что она чрезвычайно работоспособна, но именно сейчас применять её нельзя, иначе державу расшатают, как больные зубы, – можете поставить минус ещё в двадцать лет. Хотя выгляжу, опять-таки, красиво: выпустил на эту тему ряд книг и статей, считаюсь завзятым сибиреведом. Вывод один, для сорокалетнего опыта маловатый: прежде чем толкать телегу под гору, стоит подумать, надо ли это делать.

– Газетный вопрос: как Вам видится, есть ли будущее у русской культуры? Вынесли мы хоть какой-то позитивный опыт из национальной катастрофы или будем и дальше погружаться в клоаку?

– Вряд ли страна готова окунуться в слишком памятные 1990-е. Но история учит, что подлинные реформы приходят тогда, когда ведущей силой становится поколение, воспитанное на иных идеалах. Мы с вами этого не дождёмся.

– Что в нынешней русской литературе считаете значительным и перспективным? Как относитесь к постмодернистам?

– Мне многое не нравится, но это не значит, что я прав. У нас нет должного отстранения от эстетики своего времени, и быть не может нужной исторической перспективы. Например, в 1913 году, по статистике академических «Известий», лучшими русскими писателями считались Бальмонт и Якубович-Мельшин, а в почётном ряду были Вера Рудич, Семён Фруг, Леонид Афанасьев, Ада Чумаченко и прочие из тех, кто совершенно забыт. А в постмодернизме и пост-постмодернизме (ясно определить себя они не могут!) даже за самым умелым словопотоком в лучшем случае очевидны стёб по поводу классики и подгонка мифологем под требования рынка. Судьба ныне растиражированных писателей – оказаться там же, где Фруг и Чумаченко, но некую плодотворную тенденцию, способную изменить положение, я пока не ощущаю. Мы в переходном периоде.

– Создание литературного музея – Ваша безусловная заслуга. А что это было: призвание, ощущение дефицита, что ли, или так уж получилось?

– Это не моя заслуга. Я был приглашён для конкретной работы. Занятно, что меня прочили заведовать этим музеем в начале 1990-х, когда он планировался как филиал краеведческого. Так и случилось, согласно призванию.

– Что из себя представляет томский литературный музей? Насколько он сегодня необходим? И что нужно, чтобы он развивался?

– Музей находится при Доме искусств. Похвалиться есть чем. У нас прекрасный предметный фонд философа Шпета, первоиздания книг Гребеншикова, Клюева и иных писателей. Профессор Л.Ф. Пичурин сдал сформированный им большой и интересный фонд Галины Николаевой. Тут хранятся и материалы о Георгии Маркове и других томских литераторах, и подлинники из уголовных дел 1980-х годов о распространении самиздата. Хотелось бы познакомить гостей со всем спектром томской литературы, но площадь для экспозиций и хранения архивов и библиотеки мала, сразу показать всё интересное не получается. А помощь мы ощущаем постоянно: приносят книги, старую местную периодику, фотографии, предметы быта. Это музей общественный, он пополняется только благодаря добротным даяниям. Он растёт уверенно, только клетка ему не по размерам оказалась. Необходимость же его очевидна, ведь духовная жизнь прошлого сохраняется прежде всего в литературе, а без настоящего знания и сбережения своих корней мы рискуем вырастить уродливое будущее.

– И стандартно-заключительный вопрос – о планах и замыслах.

– У меня длинный ряд долгов по подготовке книг (кстати сказать, при музее изданы две книги – Шишкова и о Шишкове). Но ирландцы говорят: если хочешь рассмешить Бога, расскажи Ему о своих планах.

*Беседовал с писателем Александр Казаркин,
профессор ТГУ, доктор филологических наук*

Вот и всё

Рассказ

Второй чёрт был ещё гаже первого. Я закрыл глаза, а когда открыл – он тоже смылся, зато стул с моим пиджаком поплыл за потолок и опять и опять плыл и плыл, догоняя сам себя, словно один и тот же кадр в кино, медленно запущенном наоборот, и я снова зажмурился и провалился в тяжёлую дрему.

Проснулся я от шума, еле поднялся и прибрёл на кухню. На столе кот жрал консервы и хрюкал от удовольствия, но им оказался не наш милый Аксессуарий, а соседский Пол Пот, наглая морда. Он наорал на меня и сиганул в форточку.

– Секс, Секс, – слабо позвал Васята.

– Его нет.

– А кто это где? – поутру у Васяты речь бывала невразумительной, однако я чётко ответил:

– Не знаю. Его Пол Пот съел.

– Пол Пот съел Аксессуария? – Васята почти поверил.

– Нет. Я не знаю, где он. – Я Васяту пожалел. Я вообще страдаю из-за своего гуманизма. Как-то возле пивной супружеская пара продавала вяленую воблу, и у них никто не покупал, потому что оба на лицо были ужасно фиолетовые, и мужики боялись, что если съедят рыбу, то станут такими же фиолетовыми, а я купил, и она долго лежала на комод, и не помню, куда делась.

– Ищи кота, – велел Васята.

Я пошарил вокруг в поисках чем-либо похмелиться и выпил заварку из чайника.

– Наверно, они-с у Константина Петровича, – я пошёл в чулан к Петровичу, сходил в туалет, вернулся и попил воды из бачка. – Нету никого.

– Кого никого? – Васята изнемог. – Ну почему всегда я?

Я не обиделся. Это у Васяты генетическая обиженность: у его деда фамилия была *Ленин*, а секретарь губкома на всякий случай приказал её сменить, а разозлённый дед взял фамилию этого секретаря, а того вскоре арестовали, он помер на Беломорском канале имени Сталина, а деда, якобы родственника, на всякий случай сослали в Томск. Зря перестраховывались: актёр Ленин, который в кино Колчака играл, даже орденом Ленина награждён. Да и ничего особенного: моя знакомая Надюха Киселёва вместо того, чтоб новых детей рожать, каждый год прежних переименовывает.

– Погуляет и вернётся, – я присел отдохнуть.

– Аксессуарий из дома никогда! – загудел Васята.

– Тут просто так не разберёшься, – но я подумал, что после разберёмся. Я как-то ехал в поезде с беззубым пассажиром и не сразу уяснил, про какого «файфа» он толковал: оказывается, про зайца, и я всё вполне уразумел, тем более что старик хотел просто выговориться.

– Достань в сапоге вон, – Васята ткнул пальцем в угол. – Там водки грамм двести.

Я сунулся в правый сапог и ничего не обнаружил, запустил руку в левый и нашёл бутылку сухого болгарского:

– Ты перепутал?

– Ну ни фигя себе! А водка-то где?

– Ладно, – я размышлять не усиливался, – по результату то на то и будет.

Если Васята упёрся, то его не сдвинуть. Один сумасшедший при мне как-то заявил: «Мир создал Пушкин, это общеизвестно», – и спорить было бесполезно. Всем свойственно ошибаться. Однажды я шёл в Дачный городок, гляжу: поперёк моста через Кисловку лежит поэт Евгений Зимин и воду созерцает; я восхитился, какой он эстет, а на деле получалось, что его шурин вчера тут бутылку водки в тину воткнул охлаждаться, бутылку течением унесло, вот поэт и надеялся, что она ещё тут.

В дверь постучали.

– Если это Аксессуарий... – ляпнул Васята. – Открой.

Я б не удивился, если б постучал Константин Петрович. В чертей мне верить не хочется, я человек добрый, а в домовых верить нравится. Когда черти стащили с меня одеяло и унесли его в сортир, Константин Петрович укрыл меня Васятиной шубой, а ведь ни Васята, ни я на это б не сподвиглись.

На пороге стоял Васятин приятель, фотограф. Он помахал мне рукой, будто отгонял видение.

– Чувствительно взволнован, – я судорожно соображал, как его зовут, но зато вспомнил, куда три года назад дел заначку: сунул в «Двенадцать стульев» и, дурень забывчивый, кому-то книгу подарил.

– А вот и я, – объявил Васяте фотограф и подсел к бутылке. – Можно у тебя комнату снять для хорошего человека?

– Это ты? – подозрительно спросил Васята.

– Это Сергей Денисов, уникальная личность! Он пишет роман про Франциска Ассизского! Он в тайге два года один жил!

Васята тупо уставился на меня, у него затуманилось сомнение, тот ли я, за кого себя выдаю: ведь это я целый год вкалывал на лесосеке и это я писал повесть про святого Франциска. А Денисов в студенчестве жил у меня забесплатно, оправдываясь тем, что иногда покупает спиртное, причём деньги на это скапливал из утаченных у меня же, а по анкете он – нет, не состоял, не участвовал, образование юридическое. Раньше у меня воровали деньги и вещи, теперь украли и исправили биографию. Я молчал, я никому ничего не должен доказывать, но не уверен, сила это или слабость. Я знал ворона, который пострадал из-за чрезмерной галантности: он жил у Песчаного озера и любил общаться с отдыхающими – подлетал поодаль, чистил свой костюмчик, подходил, кланялся и говорил: «Григорий», – его угощали и гладили, а какая-то хищная скотина его увезла.

Васята решил помыть стаканы и сполоснул их под умывальником, повозив внутри каждого грязным пальцем. Я подумал, не навести ли на столе порядок, но если хозяин сохранил сей натюрморт, то лучше ничего не касаться. У меня жила паучиха, которая совсем не понимала в искусстве: однажды муха, не понято почему, прилипла к стене и померла, я сделал рамочку, и внутри неё муха смотрелась очень картинно, а глупая паучиха мою муху съела, и ей ничего нельзя было объяснить.

– А ты б не смог снять меня для паспорта? – спросил я фотографа. – А то всегда сам на себя не похож, ретушировать надо.

Тот счёл вопрос не заслуживающим внимания и помалкивал. Я терпелив и привык не обижаться, всех по своему лекалу не скроить. Всё в этом мире необычно – и человек, и морковка. Например, мои сограждане всю зиму мёрзнут в Сибири, а летом летят в жаркие страны. Например, завалят морковку ядом так, что сорняки гибнут, а нежной морковке как бы хоть бы что.

– Куда я пуцу? – произнёс Васята. – У меня живёт вон.

– Сергей Денисов, уникальная личность... – повторил фотограф.

– Я, – Васята не сдавался, – даже в чулан не могу твоего Ассизского, – и вновь вззрился на меня. Как он видит эту ситуацию, оставалось тайной и для него самого. Был в моей жизни леденящий душу факт: когда на Черемошниках квартировал, каждое утро из помойного ведра мышей выплёскивал, потому что они к тёплой пище лезли и в этом хлёбале тонули, но можно ж думать, что они от холода с горя топились, такое мнение тоже имеет право на существование.

– В чулан нельзя, – подтвердил я, – там Константин Петрович.

– Какой Константин Петрович?

– Домовой.

Фотограф впился в меня взглядом, прочесть что-то в коем было решительно невозможно. Бывают ситуации, когда и прочтёшь, да не поймёшь. Так, на Степановке есть магазин подводников, а какие в том лесу могут быть подводники, ума не приложу, и может быть, это от слова «подвода».

Васята налил вино в три стакана, мы выпили и ощутили себя немножко лучше.

Я – человек хороший, это объективный факт. У моей подруги Наташи Яшиной аллергия на плохих людей – страшный чих, а поскольку она журналистка, то чихает постоянно, но со мной она отдыхает.

– Может, добавим? – фотограф покосился на последние сто граммов.

– Сейчас утро или вечер? – спросил меня Васята.

Я пожал плечами. Я не сторонник избыточной информации. Если узнать, какая в квартире температура, теплее не будет. Вот у доцента Дороева была жизненная необходимость помнить, который час: перед открытием пункта приёма пустых бутылок, без десяти минут десять он высовывался из окна и кричал очереди: «Я первый!»

– Девять утра, – молвил фотограф.

– А что так рано припёрся?

– Тебя застать, – он достал из сумки три бутылки водки. – Скорая помощь.

– Так рано водку нельзя, – капризно заявил Васята. С логикой у него обстояло, как у моей бывшей соседки Вики: «Я, – плачет, – его выгнала, а он взял и ушёл».

– Да можно.

– Мне работать надо.

Он постоянно утверждал, что ему надо трудиться, и даже как будто писал статьи. По его библиотеке вряд ли б поняли, чем он занимается, настолько она разношёрстна, зато служила вместо платяного шкафа, ибо за корешки книг цеплялись вешалки для пиджака и рубашек. Однако у него на столе среди случайного хлама картинно валялись листы рукописей с рисунками на полях, и этого творчества Васяте для самоутверждения с лихвой хватало.

Пробивной, как сперматозоид, фотограф спокойно откупорил первую бутылку, мы выпили, закусили недоеденными консервами, и он повёл прежнюю агитацию. Со второй рюмкой не задержались, и я выключился из разговора, тем паче, что казался лишним.

Я подумывал, куда делся Аксессуарий, и он прыгнул мне на колени. «Здравствуй, Секс, – обрадовался я. – К кошке бегал? Чёрненькая такая? Красивая, одобряю. Это фигня, что коты несемейные. Я знал кота, который так любил свою кошку, что кусочки мяса ей приносил. Они жили в разных квартирах в одном коридоре. Кот обычно там и спал, в коридоре на шкафу. Когда кошка родила, она вытащила всех котят за шкуру и коту показала. Он сильно впечатлился. И ты веди себя достойно. Хорошо, что коты приручили человека, с тех пор и человек получшал. А у меня вот паучиха жила, хоть и дура, муху мою съела, но она ж в этом не виновата, она так воспитана. А ты умница, ты свой горшок занавеской вытираешь. Ты не уходи надолго, а то мы волнуемся. Я одного ворона знал, благородного такого, он, брат, пропал. А Константин Петрович где?» Аксессуарий глядел сквозь меня, и я почувствовал, что Аксессуария нет.

Я напрягся думать, что он и Петрович должны вернуться. Чудеса возможны: я как-то шёл по улице и мечтал, найти бы рубль, поворотил за угол, а рубль тут и лежит.

Я потянулся за рюмкой, однако мне уже не наливали. Фотограф нагло раздвоился, потом расчленился, потом вовсе разъехался в стороны, как гармошка, и взялся играть на нервах. Он оживлённо обсуждал с Васятой продажу дома, и Васята многодумно мычал, готовый согласиться. У людей бывает странное понимание ценностей: однажды в Берлинке во время наводнения я видел, как полуголый мужик выскочил на крышу с чайником и вряд ли сам сознавал, зачем ему на крыше чайник.

– Давай про это потом, – попросил Васята.

– Потом суп с котом, – фотограф улыбнулся. Его лицо напомнило мне Рончика Голенберга, мастера по швейным машинкам, когда он старые иголки менял на старые же.

Я вдруг ясно осознал, что всё бесполезно, я здесь не нужен. Раньше я знал, что если, глядя на меня, начинали причёсываться, то с моей головой что-то не в порядке, а теперь на меня смотрели как на пустое место. Меня и прежде не шибко слушали, а теперь вообще не слышали. Я ретировался к себе, рухнул на кровать и в сон и улетел в длинную трубу.

Меня выплюнуло на пустом вокзале. В зале ожидания сидел один очень молодой человек, и это был я. «Ты умер, – сказал мне я, – ты прожил жизнь не так, как я хотел, и умер не так, как я хотел, и уже ничего не изменить. У нас есть время, чтобы поговорить, и я уйду». Но мы молчали, только глядели друг на друга и плакали.

* * *

– Скажи мне, почему я говорю
и говорю, хоть возлюбил молчанье?
– Ты родину учил по букварю
и глубже слова ничего не чаешь.
– Скажи мне, почему не замолчу
и почему размениваю Слово?
– Ты говоришь, покуда Я молчу,
и нету для тебя пути иного.

Су Ши плачет по жене

Ты умерла давно, уже так много
минуло лет, а память всё жива.
Я не найду те нужные слова,
чтоб высказать, как мне тут одиноко.
Да ты б меня сейчас и не узнала:
я поседел, как будто я в пыли
от той далёкой и родной земли,
где ты лежишь одна. Уже немало
минуло лет, и сон приснился мне,
что я вернулся, что прошла разлука, –
и мы молчали, глядя друг на друга,
и плакали. И вовсе не во сне
печальный льётся свет там, где луна
над сосняком и кладбищем. И долго
я вижу, как она над тёмным долом
плывёт туда, где ты лежишь одна.

* * *

Как во городе да во Казани
поженились телеги с возами
перед чинными пред образами
хомута, колеса и оглобли, –
али дьяк их писал, али поп ли, –
старый мерин венчал под берёзой
с браги полуведра и тверёзый.

После в городе да во Казани
народились грибы со глазами –
со глазами грибы со слезами, –
а их люди ловили и ели,
а грибы на них грустно глядели.
А за что им сие наказание –
на базаре про то не сказали
как во городе да во Казани.

* * *

Васька каяться решил –
мол, изрядно нагрешил –
и в Ёрусалим собрался помолиться от души.
И отец не убедил
каяться, где наследил:
«Людам кайся прежде Бога, себе под ноги гляди, –
хоть цена тебе пятак,
пропадёшь за просто так,
вот тебе святое слово – сломишь голову в кустах».
Васька плюнул старику
(чиста правда, что реку)
и из Каспия скрозь горы переплыл в Ёрдань-реку.

Вот уж парень ликовал,
ликовал-козляковал:
«Я, мол, Васька Новгородский! Не убьёте наповал!
Мне, мол, всяко по плечу!
И покаяться хочу,
и монахов поувечу, и черницам засвечу!..»
Ах ты, братья, караул!
Васька голову свернул –
оступился, вышиб душу – камень не перешагнул,
помер за пожалуйста.
Это, братья, неспроста.
И лежит теперь на Ваське камешек взамен креста.

Портос

Звали его Исаак Порто,
было в семье его десять ртов,
с поля имел он плохой доход –
тысячу ливров за каждый год,
Но иногда шли дела на лад, –
он содержал оружейный склад
и возле крепости свой подвал,
где чем ни попадя торговал.
Видел ли он свой иной удел
днями, когда из окна глядел,
или ночами, когда во сне
он убирал прошлогодний снег?
На именины, в слепую ночь,
вышел барон за ворота прочь
и не вернулся. Но ходит слух:
между баронских крестьян и слуг
что-де хозяин на зов души
дерзкие подвиги совершил,
и многочисленный род Порто
знает с подробностями про то.

Снова всё движется чередом,
вновь перестроили старый дом,
и наплывают опять сюда
ночи такие же, как тогда.

Семейная ссора

Однажды во имя грядущего блага
поссорились насмерть Перо и Бумага:
Перо не ушло с боевого поста,
Бумага навеки осталась чиста.
Коль вам эпиграмма не кажется меткой,
смените героев на Штепсель с Розеткой.

Александр Казаркин

«ВСЕ ПРОРОЧЕСТВА СБЫЛИСЯ»

(О судьбе главной поэмы Николая Клюева)

В зачине «Песни о Великой Матери» есть предвидение личной судьбы, и от него невольно вздрагиваешь: «*Ах, заколот вещей лебедь На обед вороньей стае, И хвостом ослиным в небе Дьявол звёзды выметает!*» В этой поэме семь пророчеств сменяют друг друга, и два из них – о судьбе героя-автора, последнего певца Руси:

*Он будет нищ и светел –
Во мраке вещей петел –
Трубить в дозорный рог,
Но бесы гнусной грудой
Славянской песни чудо
Повернут у дорог.*

Поэма эта взлетает и над сталинской эпохой, и над всем веком. Она ставит вопрос о религиозном смысле российской катастрофы. «*Гарью адских перепутий*», «*через предательства поток, сквозь лес лукавых размышлений*» дано пройти герою-автору. И дано ему увидеть знаки светлого преображения падшей страны. Я уверен: это одна из главных русских поэм, последняя из великих. Но на пути понимания позднего Клюева стоит неодолимый барьер – нынешняя эпоха, далёкая и от фольклора, и от литературной классики.

«*Три тысячи сосен – печальных сестёр*» – это двойной символ превращения: сосны уподобляются девушкам, уходящим в монастырь, а церковь, создаваемая из их тел, обречена огню. Это будет торжество несоохраняемых. Начало поэмы – жизнь на родной земле по заветам старины, а ближе к финалу – «на Богом проклятой земле». Но и падшая страна всё же «святая Русь».

80 лет назад, при аресте 1934 года в Москве, поэма была отнята, и никто не читал её больше полвека. В письме из Томска (в июле 1935 года) ссыльнопоселенец Клюев жаловался: «Пронзает моё сердце судьба моей поэмы «Песнь о Великой Матери». Создавал я её шесть лет. Сбирал по зёрнышку русские тайны... Нестерпимо жалко». А через год, при аресте 1936 года, у него отняли и написанное в томской ссылке. Можно гадать с разной степенью «научности», что изъято и уничтожено, но скорее всего в Томске поэт восстанавливал и дорабатывал главную свою «песнь». Оборвалась ли работа над поэмой 80 лет назад или возобновилась в Томске?

Р. Иванов-Разумник, идеолог «скифства», был, кажется, единственным, кто помнил о поэме в эмиграции после войны: «Лучшую и крупнейшую свою вещь, поэму «Песнь о Великой Матери» в трёх частях, Клюев дописывал в ссылке». Это всего лишь предположение, но догадка более чем вероятная. Подтверждение – в воспоминаниях Веры Ильиной: «В то время он работал над поэмами «О матери» и «Беломорканал»».

Виталий Шенталинский, нашедший арестованную «Песнь» в архивах НКВД, оценил её предельно высоко: «Исключительные художественные достоинства поэмы, масштаб и значительность, редкостная судьба таковы, что невольно приходит на ум сравнение со вторым рождением другого памятника нашей словесности – «Слова о полку Игореве» (XII в.)» («Рабы свободы», 1995). Перехватил в похвалах? Может быть, отчасти, но задал национальный горизонт осмысления. В истории стихотворно-песенного русского эпоса «Слово о полку Игореве» – начало, а «Песнь» смотрится как его завершение.

Основные мотивы «Песни» – хвала и сокрушение. Первые слова – хвала народному духу: «*Нет премудрее народа, У которого межбровье – Голубых лосей зимовье*». Но последние слова вступления – полный контраст с величальным зачином:

*Но допрядены, зная, сроки,
Все пророчества сбылись,
И у русского народа
Меж бровей не прыщут рыси!*

Зачин поэмы – в интонации «Калевалы»: «Эти притчи – в день Купалы Звон на Ку'жах многоглавых, Где в горящих покрывалах, В заревах и рыбьих славах Плещут ангелы крылами». Ключев восстанавливает национальный образ мира, презираемый и забываемый. Не случайно же он назвал себя «олонецким Лонгфелло», то есть указал на другой высокий образец – на «Песнь о Гайавате», на попытку восстановить эпос уничтожаемого народа. По трагической апокалиптике близких параллелей в песенном эпосе XX века нет.

В зачине поэмы, в первой части, ключевой образ – деревянный храм, церковь *Покров у лебяжьих дорог*. Такого изображения церкви, высокого и горестно-раздумчивого, пожалуй, нет во всей русской поэзии:

*Церковное место на диво красно:
На утро – алтарь, а на полдень – окно,
На запад врата, чтобы люди из мглы,
Испив купины, уходили светлы.*

Но церковь-лебедь обречена «дувану адскому». Герою-автору дано понять этот контраст по свершении катастрофы, святым же, в их числе матери, это открыто изначально.

Сюжетное событие поэмы – открытие святости обезображенной родины. В первой части поэмы мастера строят церковь, названную акафистом: «С товарищи мастер Аким Зяблецов Воздвигли акафист из рудых столбов». А в финале «отец кулацкого стиля» предрекает восстановление истинной России. История резко поставила вопрос: о самоликвидации или временном заблуждении русского народа следует говорить?

Переход от семейного предания к притче-иносказанию – таковы ступени сюжета. Этому и подчинён контраст двух планов. Стилевой принцип «Песни» – лирическое многоголосье: автор монтирует голоса былого. Герои размышляют о близком прошлом, предугадывают будущее и пророчествуют. Апокалиптическая символика нужна для осмысления современности, стилизованные реминисценции почти всегда цитатны, мотивированы сюжетной ситуацией.

Видения и сны – дверь в иное измерение. Так, Сирин появляется в мире Ключева в поворотные моменты. Первая часть начинается в духе идиллии («А жили по звёздам...»), дальше нанизывание видений и пророчеств, подтверждением которых стало «гнездо третье». Доживший «до сатанинского покоса» поэт в одиночестве возвращается памятью к былому «на остуженной печи». Ближайшая задача его – воскрешение образа матери («среди могильных повилик Купавой материнский лик»). Образ Матери здесь неотделим от образа родины, и цель автора – рассказать высоким слогом,

*Как жила Русь, молилась мать,
Умея скорби расшивать
Шелками сказок, ярью слов
Под звон святых колоколов.*

Здесь материнский образ – реакция на отлучение от рода-племени, несогласие с тем, что родное превращают в чуждое. Ключевский «переразвитый» комплекс матери глубоко связан с образом земли. Мир отца лишён тайны, сакрализация рода-племени – сакрализация родящего начала земли.

В «Песни» надо различать несколько планов: мать (Прасковья Дмитриевна), Родина, Мать Сыра Земля, Богоматерь. Сакрализация образа матери есть уже в «Гагарьей судьбине» («...мне же она день и час сказала, когда за её душой ангелы с серебряным блюдом придут»), но мотив святости растворён там в еретических уклонах. В

«Погорельщине» – последняя оглядка на языческие истоки образа праматери. Кружевница Проня – вариация образа пряжи-ткачихи, это преддверие завершающего образа Матери (вариации имени: Проня – Параня – Прасковья – Параскева). Да и сама Россия предстаёт у Клюева пряхой: «*То вещая пряжа Россия Прядёт бубенцы и метели*». В «Погорельщине» есть отзвук изначальной архаики, тотемистической: «*Стала ялова праматерь на удои*». А в цикле «Медный кит» есть авангардистский выпад: «*Вселетая Матерь сбежала с иконы, Чтоб вьюгой на Марсовом поле рыдать*». Ведь христианская Богоматерь не может «сбежать с иконы».

О символике матери, по поводу «Погорельщины», хорошо сказал Н.И. Толстой: «Славянский земледелец, русский пахарь в течение многих веков сохранил культ Матери Земли (мать – сыра земля), сочетавшийся со слабее выраженным культом Отца Неба и ярким и многообразным культом природы». Ещё больше это относится к «Песни», пожалуй, самому яркому в русской литературе произведению, в основе которого – культ матери. Мать соединила язычески-низовой образ (мать сыра земля) с небесным, христианским – с Матерью Божьей.

Подспорьем истолкования послужат широкие сопоставления. Полезно сравнить «Песнь» не только с розановским «Апокалипсисом нашего времени» (трагический обрыв российской истории), но и с ахматовской «Поэмой без героя», и с «Чевенгуром» Платонова. Платоновский роман-трагедия сосредоточен на причудливых отклонениях русского ума, взбаламученного утопиями, но Апокалипсиса, в старообрядческом и соловьёвском смысле, у Платонова нет: он космист. Он понял революцию как вызов природе, Клюев же – как вызов Богу. У Клюева русская катастрофа увиденна глазами *ликвидируемых*. Финал романа А. Платонова – возврат к природе, так что революция выглядит лишь вывихом, зигзагом в народной жизни, но не мистерией. А сравнение с М. Булгаковым показывает, насколько далеко литературное завещание Клюева от романной установки: нет мотивировок, нет и реально противоборствующих персонажей. И, всего важнее, нет обеленья дьявольщины. В русской литературе XX века вряд ли найдётся другое произведение, где бы апокалиптическая символика варьировалась столь же настойчиво и разнообразно.

Ничто не мешает видеть в «Песни» литературное завещание поэта. Под ним обычно понимают поздние, вершинные или самые зрелые сочинения писателя. Таковыми нам придётся считать законченное стихотворение «Есть две страны...» и незавершённую «Песнь о великой матери». Клюев – человек третьей фазы национальной культуры, эпохи завершения надлома. Но он же – один из вдохновителей неопочвенников, поэмы его интересны как попытка восстановления национального песенного эпоса.

Неповторимый клюевский стиль – наложение модернизма на средневековое мировосприятие. Одним *полушарием* Клюев в средневековье, другим – в модернизме. Совмещение этих комплексов и дало барочный образ мира. Какая-то тёмная мистическая притягательность была и остаётся в клюевских сочинениях революционной поры. Но тут – не весь Клюев, это ещё не итог его пути. В нём ярко выразились две определяющие черты русского ума – утопия и эсхатология. До определённого времени Клюев был традиционалистом в языке и модернистом в вере. Революцию поэт уподобил самокастрации народа и в последних поэмах укрупнил мотив тёмной одержимости.

Крестьянским поэтам в полную меру довелось пережить ломку национальной культуры. Символизм в их творчестве сходит на нет, теряет свою энергию, но так или иначе пришлось им реагировать на эпохальные утопии и ереси. Клюев не только начинает новую крестьянскую поэзию, прикоснувшись к модернизму, но и завершает её после Есенина. Ученик колебался: вперёд к сгущённому модернизму или назад к некрасовскому реализму? Учитель сформировал крестьянское ответвление в школе символизма. Для позднего Клюева, как и для Вячеслава Иванова, искусство – путь возрождения религиозного сознания. Но читатель видит в позднем Клюеве почвенника, а в пути его – часть русской национальной трагедии, из которой Иванов выпал. Последние поэмы Клюева можно назвать вершиной крестьянского символизма. Но в пору коллективизации голосом Клюева говорила глубинная Россия, сложенная, но не полностью сдавшаяся.

Наследие Клюева возвращает нам память и даёт иммунитет. «Песнь о Великой Матери» помогает видеть знаки катарсиса – просветление в трагедии.

Николай Хоничев

РОДОЛЕНА

(городская сказка о любви)

Глава 1. ЖЕНЩИНА ИЗ БОТАНИЧЕСКОГО САДА

Инженер Каштанов достал из кошелька небольшую связку ключей. Одним открыл железную дверь подъезда, другим – железную дверь на этаже и третьим – дверь собственной квартиры. Он зверски устал, оформив на работе довольно сложный пакет документов для отправки в Москву. Каждое слово выверял, каждую фразу проговаривал про себя. Усталость была на клеточном уровне. С удовольствием снял костюм, надел трико и поставил разогревать сковороду с тушёной цветной капустой в панировочных сухарях. Залил воды в белый «Филипс» и тоже включил. Засыпал в заварной чайник лепестки каркаде. После чего прошёл в гостиную, нажал кнопку пульта телевизора и сел на диван.

Когда минут через пятнадцать ужин был готов, Каштанов услышал поскрёбывание ключа в двери.

– Это я, – донёсся знакомый женский голос. Невысокая молодая худенькая зеленоглазая женщина проскользнула в кухню и потянулась губами к лицу Каштанова. Он откликнулся, провёл пальцем по знакомому желобку на её спине. Женщина задрожала и обняла его за шею. Потом возмущённо заговорила:

– Представляешь, завкафедрой поставил Людке часов на треть меньше, чем мне. Издевательство! Они думают – я ломовая лошадь. За день в трех корпусах занятия – пойди, побегай! – Женщина заговорила быстрее, маленькие руки отчаянно жестикулировали. Она заметалась по комнате, и Каштанов с досадой подумал, что всё будет как обычно. Не догадывался только, что так скоро...

– Гори они все синим пламенем! – воскликнула женщина и вдруг заполыхала сама. Только не синим, а каким-то странным, металлически-зелёным огнем. Голос её становился всё глуше, пламя сильней, но вещи в квартире не горели. Столб зелёного пламени поначалу взметнулся до потолка, но потом становился всё ниже, пока не исчез.

Казалось бы – без следа. Но след был.

Зелёное, похожее на изумруд ромбовидное восьмигранное зёрнышко, было бережно поднято Каштановым с пола и положено на стол. С великим вздохом инженер пошёл в ванную, принес эмалированный таз и поставил в гостиной. Потом ещё раз сходил в ванную и пришёл с большим зелёным ковшом воды. Осторожно положил в центр таза изумрудное зёрнышко и стал поливать его водой из ковша. Зёрнышко посветлело, набухло. Пробился росток. Он рос и рос, приобретая очертания обнажённой женской фигуры. Каштанов продолжал поливать, пока женщина полностью не возродилась.

Инженер принёс металлически-зелёное шёлковое покрывало, бережно накинул ей на плечи. Она открыла глаза и положила руки, в свою очередь, на плечи ему. Он поцеловал ей ладони, разложил диван, взял её на руки.

– Нельзя так волноваться, – сказал Каштанов и очень осторожно опустил её на диван. Лёг рядом.

Женщина глубоко вздохнула.

– Вот опять новое платье покупать. Разоришься ты на мне.

– Что же с вами, с женщинами-растениями, делать? Учись владеть эмоциями.

– Не могу, родной, сам знаешь. Эмоции, загнанные вглубь, сушат и старят. Ты же не хочешь жить со старой шваброй.

– Не хочу – пробормотал Каштанов, целовывая капельку воды с юного и прекрасного лица. – Слушай, а откуда у тебя такое имя странное – Родолена?

– С Мадагаскара, – улыбнулась женщина.

– А похоже на что-то славянское.

Каштанов стал вспоминать.

Женщины-растения очень влюбчивы и ласковы, но требуют ухода. Как никто нуждаются в нежности и ласке. Внимания требуют тоже постоянного. От сильного волнения, вызванного грубостью и несправедливостью, сгорают в зелёном огне. Возрождаются при поливе. Одежда сгорает тоже, поэтому супруг должен иметь энное количество денег про запас всегда.

Откуда занесло это волшебное зёрнышко, которое Каштанов целовал, благодарил Бога за счастье – великое, неизбывное?

Он помнил свой животный ужас, когда после очередного самовозгорания Родолены у него случайно разбились очки, а зёрнышко откатилось куда-то. Каштанов долго не мог его найти, пока не отыскал запасные очки.

Вскоре после знакомства Родолена поступила в педагогический институт и окончила его. Была оставлена в аспирантуре, очень быстро защитила кандидатскую диссертацию. Ботанику она знала идеально. Каштанов научил её готовить семь разновидностей супов, которые он освоил за годы холостяцкой жизни.

Долгое время друзья и знакомые считали инженера Каштанова старым холостяком, тюфяком, а он был просто стеснительным человеком, побаивающимся активных женщин. Студентом в университете Каштанов стеснялся своей близорукости, потом – маленькой инженерской зарплатой. Хотя внешне Каштанов был симпатичным. Даже красивым. Высокий рост. Густые тёмные волосы. Тёмные прямые брови. Серо-голубые глаза с очень густыми, длинными ресницами. Пару раз пробовал отращивать усы, один раз – бороду, но всегда сбрасывал. Любил быть молодым.

В студенческие годы девушки на него заглядывались. Но он любил одну. Потом она бросила его. Каштанов ушёл в работу.

Жизнь изменилась после тридцати лет.

Каштанов тянулся к природе.

Однажды сотрудники его отдела провели культурное мероприятие – сходили в ботанический сад. Экскурсия плавно перетекала из субтропического зала – в тропический, из субэкваториального – в экваториальный. Каштанов вдыхал неведомые ароматы. И как-то машинально поднял с пола странное изумрудное зёрнышко. Он завернул его в кусочек бумаги и положил в левый боковой карман рубашки.

Тот июньский день вообще был странным. Полил сильный дождь, и у Каштанова резким порывом ветра вывернуло зонт-полуавтомат. Как назло, плащ инженер не надел. Промокнув до нитки, Каштанов уже добежал до своей улицы. И вдруг почувствовал, что возле сердца что-то давит. Инженер обалдел от удивления, ибо из левого кармана прямо на глазах росло что-то живое. Потом карман лопнул. Каштанов почувствовал резкий толчок и упал. Как на полотне импрессиониста, сквозь мокрые очки он увидел обнажённое женское тело.

– Согрей меня! – протянула она руки, и он стал лихорадочно снимать мокрую рубаху и накидывать ей на плечи. Они помчались к его подъезду. Благо, соседей не встретилось.

Они вбежали на третий этаж, инженер открыл дверь.

– Ты кто? – уже в квартире спросил Каштанов.

– Родолена, – устало выдохнула она...

Хуже всего было, когда отключали воду. Без воды Родолена, как Ихтиандр, жить не могла. Резко становилась вялой и неразговорчивой. Каштанов брал большую канистру и шёл за водой к ближайшей колонке.

На вопрос «Где ты нашёл эту женщину», он хотел всю оставшуюся жизнь отвечать так, как отвечал немногочисленным друзьям:

– В ботаническом саду.

Глава 2. В ПАРИЖЕ

Женщина-растение Родолена от сильных эмоций могла сгорать в зелёном огне и возрождаться от полива. Но в силу того, что она была женой инженера Каштанова, кандидатом биологических наук, преподавателем, ей приходилось эти самые эмоции контролировать. Когда она их контролировать не могла – другое дело. Но имелась одна примета, один индикатор, по которому Каштанов определял – загорится она или нет.

Волосы. Дело в том, что естественным цветом волос Родолены был зелёный. Причём ярко-зелёный. Но даже в наше демократическое время приходиться преподавателю на занятие с таким диким цветом волос было нежелательно. И Родолена красила волосы в золотистый или в чёрный цвет. Но во время кризисов, перед сгоранием, краска с волос исчезала. Минуты на две, на три. И они становились своего естественного, ярко-зелёного цвета.

Кроме того, Родолена способна была мёрзнуть от косых взглядов. И ей зачастую было зябко даже летом. Особенно у неё мерзли руки. Поэтому она носила перчатки до самого конца мая и с самого начала сентября. А в холодные дни и летом. На спектакли или концерты, куда иногда ходила с Каштановым, – бальные до локтей, на улицу – кожаные, замшевые или шёлковые.

И если не брать во внимание такие тонкости, во всём остальном это была замечательная женщина, умная, тонкая, красивая, с мелодичным голосом. Очень ласковая, преданная, оплетающая партнера, как вьюн. Всему, что её интересовало, она обучалась быстро и легко. Если бы ей попался свободолюбивый мужчина, которому друзья важнее семьи, она не смогла бы с ним жить. Но инженер Сергей Каштанов был застенчивым, семейным человеком, сторонящимся шумных компаний. Друзья ему были, по большому счёту, не нужны. Пиво и водку он не пил, не курил, футбол или хоккей не любил. Из алкогольных напитков предпочитал в небольших количествах тонкое мускатное вино, причём пить его любил вместе с Родолоной. И слушать её рассказы. Сам голос жены настраивал Каштанова на спокойное и уверенное состояние. Когда Родолена жаловалась или обижалась на кого-то, Сергей Каштанов, наоборот, говорил с ласковой иронией.

Больше всего она знала о растениях. О них Родолена могла рассказывать бесконечно и очень увлекательно.

Родолене подруги оказались тоже не нужны. Говорить о том, что с тобой происходит, даже одной подруге – нежелательно. Зачем лишние сплетни?

Студенткой, послушав лекции или выполнив практическую работу, она бежала домой. Став преподавателем – аналогично.

А в жизни Каштанова произошла приятная перемена – на работе в системе лесного хозяйства его повысили до начальника отдела. Денег стало, соответственно, больше, и супруги начали подумывать о заграничной поездке. Предпочтение было отдано Франции.

Каштанов сходил в три туристические фирмы, и в последней ему понравилось. Вместе с женой Каштанов выбрал подходящий автобусный тур. Она прикинула, когда пойдет в отпуск, он – тоже, и вопрос был решён.

Больше всего Сергей Каштанов волновался, чтобы Родолена не запыхалась в дороге или, упаси Бог, в Париже. Но он подумал, что радость от дворцов и парков будет настолько великой, что жена сможет удержать свои эмоции.

Началось оформление документов. Слава Богу, российский паспорт у Родолены был. Его пришлось оформлять, как только они сошлись, то есть как только Сергей Каштанов нашёл в ботаническом саду зелёное зёрнышко, ставшее его женой. Ну, с датой рождения оказалось всё в порядке – записали день, когда он это зёрнышко нашёл, минус двадцать лет. С отчеством сложнее. Родолена смутно помнила, что выращивал её в столице Мадагаскара садовник-итальянец Николо. Он и послал в ботанический сад несколько зёрнышек, из которых предполагалось вырастить растения. Почему Родолена не попала на грядку – вот вопрос. Местом рождения Каштанов посоветовал записать их город, потому что Антананариву (столица Мадагаскара) – название, которое без бутылки не выговоришь.

Таким образом, на свет появилась двадцатилетняя Родолена Николаевна Каштанова, 27 июня родившаяся. Менять свое имя на Елену или Алёну она отказалась категорически, а Сергей Каштанов не стал настаивать. А если есть российский паспорт – нетрудно сделать и заграничный.

Супруги на поезде добрались до Москвы.

В Москве в начале четвёртого, туристическая группа собралась возле поезда «Москва–Брест». Через некоторое время, когда состав уже всюю катил к Бресту, Каштановы прошли инструктаж.

Все было замечательно, кроме одного – Родолена решила не краситься. Впервые, постоянное перекрашивание волос могло провоцировать вспышки. А во вторых, Родолена полагала что Париж – свободлюбивый город, и там не будут обращать внимание на такие пустяки, как зелёные волосы. И причёска её пылала яркотравным огнём.

Рано утром группа вышла из поезда и разместились в автобусе.

Когда прошли границу Белоруссия–Польша и катили по аккуратным польским дорогам, Родолена пожаловалась:

– На предпоследнем кресле старушка наградила меня таким взглядом, что стало морозно, как на Северном полюсе. Б-р-р. Что людям надо?

– Она тебе завидует – пошутил Каштанов и забеспокоился:

– Костюм надела тёплый?

– Тёплый. Юбка и жакет велюровые. С зелёными волосами не каждый костюм смотреться будет. К нам в супермаркет в прошлом месяце завозили нежно-нежно шоколадный с оранжевым оттенком – хватило ума купить. Я, наверное, единственная в автобусе, кто в июне берет собачью подстежку под костюм. Но холод – он тоже собачий. Согрей меня.

Каштанов привычно обнял левой рукой плечи жены, в правую руку взял обе её руки и начал усиленно согревать дыханием.

Родолена постепенно отогрелась до того, что сняла нежно-зелёные шёлковые перчатки.

И всю поездку казалось, что кризиса не будет. В Париже их поселили в отеле «Централь» в номере со светло-лиловыми стенами и балочным потолком.

Утром они спускались на лифте в подземный этаж и садились на венские стулья за стол с желто-оранжевой клеёнкой. Родолена заказывала зелёный чай, а

Каштанов – какао. Съедали по круассану, по два бутерброда со сливочным маслом и джемом, благодарили официантку и шли гулять по Парижу.

Каштановы плавали на кораблике по Сене, поднимались на лифте на второй уровень Эйфелевой башни. Листали старые журналы и просматривали афиши прошлых лет у букинистов. Обедали в недорогих кафе Латинского квартала. Предпочитали вкусное эскарго из улиток и луковый суп. Ездили на экскурсии в Версаль, Нормандию и Фонтенбло.

Наступил предпоследний день в столице Франции. Они самостоятельно сходили в бесплатный музей Карнавале, несколько часов гуляли по двум старинным особнякам этого удивительного музея, посидели на лавочке площади Вогезов у памятника Людовику Тринадцатому.

Когда проходили по Новому мосту, Родолена подошла к красному каштану за памятником королю Генриху IV. Внизу манил сквер Вер Галан, только женщина не стала спускаться туда, а приложила руки к стволу дерева. В этом районе было довольно шумно, гудели машины, разговаривали туристы, но Родолена, казалось, это совсем не беспокоило.

– Ну, и что ты чувствуешь? – улыбнулся Каштанов.

– Подожди, Серёжа. Каштан говорит, что надо опасаться маленького человека. Что бы это могло означать?

– Каштан по-русски говорит? Или по-французски? – ещё больше разулыбался Каштанов, думая, что слова Родолены – шутка.

– Я по-французски понимаю, но говорить ещё не могу. А каштан говорит на древесном языке. Его все растения понимают.

Её беспокойство стало нарастать ближе к обеду, когда они гуляли по Латинскому кварталу.

Она несколько раз обернулась назад. Каштанов спросил:

– Что-нибудь случилось?

– Не знаю. Я чувствую. Как тебе объяснить?.. Ещё и волосы не покрашены. Так у тебя было бы минуты две-три в запасе... Серёжа, слушай. Если со мной что-нибудь случится, смотри внимательно, чтобы кто-то другой не схватил зёрнышко раньше тебя. Тогда мы точно уже никогда не увидимся. У меня ощущение, что кто-то хочет посадить зерно – моё зерно, меня – в землю. А мне это ещё рано и совсем не хочется.

Родоленино беспокойство передалось Каштанову. Она посидели у отеля Ключни, вышли к фонтану Сен-Мишель. И тут она тревожно сказала:

– Скорее. Тут есть рядом какой-нибудь парк?

– Должен быть. А, вспомнил! Тут недалеко растёт самое старое дерево Парижа. На обзорной экскурсии рассказывали.

– Быстрее туда. Там меньше народу.

Они побежали в парк-сквер Вивиани. Самое старое дерево Парижа – ложная акация Робиния – осталась справа. Это было очень почтенное дерево, которое опиралось на бетонную плиту. От старости.

– Оно тут с начала семнадцатого века, – рассказывал Сергей.

И тут Родолена вспыхнула. Перед глазами Сергея Каштанова промелькнула женская фигурка в светло-шоколадном велюровом костюме с зелёными волосами. Несколько мгновений – и зелёное пламя её поглотило.

Каштанов, помня просьбу Родолены, кинулся на это место. И с удивлением увидел, как туда же бросается маленький человек, явно с тем же намерением.

Но Каштанов его опередил. Левой рукой он сжал руку человечка, а правой схватил изумрудное зёрнышко. Человечек вырвал свою руку и в отместку сорвал очки Каштанова и отшвырнул их в сторону. Как в замедленной съёмке, увидел Сергей летящие очки, пока они мгновенно не растворились в близоручном тумане. Но драгоценное зёрнышко было у него. Человечек убежал. Каштанов нашёл свои очки возле старого дерева. Они, к счастью, были из небьющегося стекла.

Каштанов понёсся в отель. Погода портилась. Небо заволокли тучи. Всю дорогу до отеля Каштанов молил Бога, чтоб не хлынул дождь. Особенно, когда бежал по улице Сен-Дени, по кварталу красных фонарей.

Но просьбы не помогли. И дождь всё-таки хлынул. Родолена стала возрождаться из зерна. Какая-то проститутка с диким удивлением посмотрела на внезапно возникшую голую женщину с зелёными волосами. Каштанов тут же набросил на Родолену свой пуловер. Они неслись по бульварам, мимо квартала чернокожих и, наконец, вот он – отель. Быстро взяли ключ, ёжась под любопытными взглядами портье (кроме пуловера, одежда на Родолене отсутствовала), поднялись на пятый этаж, зашли в свой уютный номер и обессиленно опустились на кровать. Потом посмотрели друг на друга и неужённо захохотали. А потом...

Такой ночи любви у них ещё никогда не было!

Когда на следующее утро туристическая группа покатила в Брюссель, Родолена задумчиво сказала:

– Кто же это пытался похитить моё зерно? Может, в этом разгадка всей жизни моей.

И всю дорогу до Бельгии промолчала.

Глава 3. ГРЫЗУНЫ

В этот майский вечер Каштанов пришёл с работы озабоченным. Завтра предстояло выехать за город и обследовать плантации сосны и кедра.

Дело в том, что подросшие культуры кедра грызли какие-то вредители. Деревца были уже приличными по росту – полтора, а то и два метра. И вот то в одном, то в другом месте они желтели. В прошлом году Каштанов обследовал эти же самые культуры. Для него выкопали одно из деревьев. На стволике явственно были видны следы погрызов.

А сейчас начальство требовало определить конкретно вид грызуна, потому что деревья продолжали сохнуть.

– Ты чего такой грустный? – спросила Родолена.

Она откуда-то принесла кусок мягкой в четверть квадратного метра нежно-голубой ткани и вышивала в левом нижнем углу красную розу. Полоска зелёной травы уже была вышита по низу. Вначале женщина хотела сделать гобелен или что-то в этом роде и повесить на стену. Но потом у Родолены возникли сомнения.

Каштанов объяснил ей ситуацию.

– Понимаешь, я не знаю – как определить вид этого самого грызуна. Потому что это не личинка, допустим, восточного майского хруща или жука. Личинка лежит в земле, её всегда можно выкопать и посмотреть возраст. Взрослое насекомое можно поймать. А как быть в данной ситуации – ума не приложу.

У Родолены лицо стало загадочно-ехидным:

– Это значит, Серёженька, надо звать меня. Ты когда поедешь?

– С утра.

– У меня завтра пара с обеда. Если у вас в машине место будет. И если привезёте меня в университет до двух...

– Конечно, будет. И привезём.

– Тогда договорились.

Наутро Каштанов заехал за женой в университет, и уазик повёз их на плантации хвойных культур. Когда приехали, шофер, к счастью, отпросился минут на двадцать заехать ещё в одно место.

Они пошли на поле, где росли сосновые и кедровые культуры. Среди зелёных растений выделялись три деревца с рыжей хвоей. Каштанов ощупал хвою.

– Вот они. Что скажешь?

Родолена внимательно осмотрелась.

– А что тут сказать? Трансформироваться надо.

Родолена положила ладонь на землю. Рука потемнела, вытянулась в корень и ушла под землю. А за ней туда перетекло тело Родолены. На поверхности осталась только одежда. Это было настолько удивительно, что Сергей снял очки, протёр их и снова надел, не веря глазам. Если бы не одежда жены, лежащая на земле, ни за что бы не поверил.

Родолена видоизменилась в сосновое деревце. Она сразу увидела двух грызунов. Они очень походили на земляных собачек, часто вредящих садам. Для их питания были созданы идеальные условия: молодые культуры сосны и кедра со свежими корнями. Но всё-таки Родолена попыталась решить вопрос миром.

– Здравствуйте!

– Привет!

– А вы не могли бы найти себе питание где-нибудь в другом месте?

Собачки откликнулись.

– А зачем? Здесь такие м-м-м вкусные корешки. Их так много. Кстати, ваши корешки тоже очень симпатичные. Нужно попробовать.

Родолена мгновенно вышла наружу и видоизменилась в человека. Достала из сумки бутылочку со спиртом, кусок ваты и тщательно протёрла руки. Потом сказала Каштанову:

– Вредят земляные собачки. А вот как их напугать и заставить уйти отсюда – вопрос. Они очень упрямы. Тут надо что-то изящное придумать. Чтобы как можно меньше вмешиваться.

Она потрогала указательным пальцем переносицу.

– Ага. Кажется, придумала. Только бы он был на месте.

– Кто?

– Хорёк. Лесной хорёк. Слушай, мы поедем тем же путём?

– Конечно.

– Когда я скажу, можно будет машину остановить?

– Да. А зачем?

– Увидишь. Только бы он был на месте.

Они сели в подъехавший уазик и покатали обратно. Где-то через километр пути Родолена попросила остановить и подождать минут десять, жестом поманила Сергея.

Метрах в пятнадцати от дороги в лесу под деревом была нора. Родолена присела на корточки и стала поизносить какие-то звуки. Но всё было бесполезно. Из норы никто не появлялся. Они подождали минут пятнадцать. Потом огорчённая Родолена пошла к машине:

– Странно. Нора, похоже, свежая. Где же хозяин? Серёжа, а тебе ещё раз не дадут машину, чтоб сюда приехать?

– Дать-то дадут. Был бы результат.

– Давай дня через два опять сюда приедем, ближе к вечеру. В крайнем случае – ты знаешь, кто вредит.

– Хорошо.

И они приехали через два дня. На этот раз повезло больше.

Подойдя к норе, Родолена поговорила, и вскоре оттуда показалась бурая, с белыми пятнами вокруг рта и на краях ушей, мордочка хорька. Вначале недоверчиво, а потом смелей хорёк потянулся к Родолене.

Минут пять они переговаривались, потом он дал почесать себя за ухом и погладить спинку. Родолена угостила его жареной куриной ножкой и поманила Сергея обратно в машину.

– Всё в порядке. Хорёк знает это место. Если не съест грызунов, то напугает здорово.

– Ты нору хорька увидела, когда мы сюда в первый раз ехали?

– Угу. В тот раз его не было дома. Кстати, хорька зовут Фома. К счастью, он активен в сумерках.

Родолену и Сергея привезли домой. Она разогрела борщ, но когда стала его разливать по тарелкам, нечаянно капнула жирный бульон себе на бледно-зелёный шёлковый халат. Огорчилась, долго застирывала его. После ужина опять взяла голубой лоскут и стала заканчивать вышивку.

Вечером лицо Родолены сияло:

– Я придумала, как использовать ткань.

– Какую ткань?

– Ту, что планировала для гобелена. Гобелен – сильно сказано. Лучше использовать её иначе.

Родолена просто пришила к ней голубую тесьму, и получился нарядный фартук. Женщина надела его перед зеркалом, полюбовалась на бант, разгладила и оправила все складки.

– Замечательно! Теперь он будет защищать меня от грязи, пыли и жира, когда я убираю или готовлю. Давай посмотреть телевизор.

Глава 4. О ЧЁМ КРИЧАЛИ УТКИ

В это субботнее утро Сергей проснулся от приятного запаха, доносящегося из кухни. Жены рядом не было. Он быстро оделся.

Родолена в зелёном шёлковом халате и голубом переднике с красной розой что-то готовила одновременно в двух кастрюльках и на сковородке. Она была сосредоточена, как всегда. Пожалуй, даже больше.

– Все будет готово минут через сорок пять. Пока есть время – вымой пол, пожалуйста. Ведро, швабра и тряпка в ванной. А то мы его уже давно не мыли – пыль до потолка.

Родолена отличалась чистоплотностью, но из-за занятости (подготовка к занятиям) каждую субботу в квартире не убирала. По настроению.

Каштанов вымыл полы во всей квартире – благо линолеум быстро моется. Даже половики успел вытрясти.

Зато и приготовила Родолена гречневую кашу с гуляшом просто божественно.

– Я в гречку добавила паприку, зиру, куркуму и барбарис – как для плова, а получилось пикантно. Сережа, давай ещё мебель протрём и статуэтки на шкафах. Чтобы всё было красиво.

– Только минут двадцать – давай переварим. А то я так наелся – дышать не могу. Ты замечательно приготовила.

И он потянулся губами к лицу жены. Они слились в поцелуе.

Когда уборка была сделана, Каштановы пошли гулять. Родолена и Сергей выбрали свой самый любимый маршрут.

Они прошли по Тверской, свернули направо на улицу Герцена, потом налево на улицу Дзержинского. Прошли квартал старинных деревянных особняков, и вышли в Преображенский сквер. Здесь стояла белая часовня с золотым куполом.

Каштанов любил этот сквер. Да и всё было замечательно. Тёплая погода начала сентября. Выходной. На клумбах ещё всюю цвёл шафран. Он обнял жену левой рукой, а в правую взял её ладони и стал целовать. Она погладила его по щеке, положила голову ему на плечо. Задумчиво проговорила:

– Когда-нибудь здесь будет памятник замечательному лесоводу Сергею Каштанову. А я вырасту над тобой деревом, и буду шептать тебе о любви.

– Каким деревом?

– Не знаю. Может – берёзой. Может – липой. Мне же неизвестно, какое дерево даёт моё зерно. А может, оно будет совсем необычным. Я вообще думаю, что мои сгорания и возрождения не могут бесконечно продолжаться. Каждый такой цикл, увы, заканчивается. И я не знаю – когда. Поэтому, на всякий случай, если вдруг я сгорю, а ты начнёшь поливать зерно и я не смогу из него возродиться...

– И что?

– Дай подумать. Если это произойдёт в сезон посева – закопай зёрнышко здесь. Земля хорошая.

– А если не в сезон посева?

– Тогда дома в цветочный горшок.

– А как часто поливать?

– Постарайся интуитивно. Плюс к тому – как часто будут дожди или снега. Дождя за окном долго нет – вот и поливай.

– Я надеюсь – это случится через много-много лет.

– Я тоже на это надеюсь. Мы с тобой шесть лет прожили, и ещё, я надеюсь, проживём счастливую жизнь. Каждый день любить друг друга – это ли не счастье?

Они прошли к старинному Буфф-саду, мимо деревянной кирхи с синей крышей, и свернули к Игуменскому озеру. В нём жили утки. Тут было царство юных любителей природы. Юннаты занимались в домике неподалёку. Повсюду цвели цветы.

Они задумчиво стояли у воды. Внезапно Родолена сделала смешное лицо и несколько раз крикнула. Самое интересное, что какое-то время спустя утки ей ответили.

Она ещё раз крикнула. И опять послышались утиные голоса.

Каштанов с изумлением посмотрел на жену.

– Ты знаешь утиный язык?

– Знаю.

– Но когда ты его изучила?

– Недавно. Серёжа, чтобы узнать о себе, я изучила бы любой язык.

– Трудно было?

– Не очень.

– И что тебе сказали утки? О чём они кричали? Верней, крикали.

– Да ничего конкретного. Обещали уточнить у других птиц. Советовали опасаться сорок. Интересно – почему?

Спустя две недели Каштановы пошли на прогулку по такому же маршруту. Благо, сентябрь продолжал радовать хорошей погодой.

Но с самого утра Родолена была взволнована. За шесть лет совместной жизни Сергей хорошо изучил свою жену. Все оттенки её настроений. И перед прогулкой положил в сумку большую коричневую шаль. На всякий случай.

Они прошли половину Преображенского сквера. Не доходя до часовни, волосы Родолены позеленели. Она крикнула:

– Скорее!

И побежала за скамейки на траву под берёзой. Родолена едва успела скинуть и отшвырнуть в сторону полусапожки, как её охватило зелёное пламя. Но едва пламя прогорело, а Каштанов зашарил взглядом по траве, юркая сорока сунулась в сыровато-суховатую траву, схватила зелёное зернышко, и поспешно взлетела. Всё это произошло в несколько секунд.

Знакомый страх охватил душу Сергея Каштанова. Только, в отличие от Парижа, всё было страшней. И реальней. Когда на твоих глазах твою жену съедает какая-то сорока...

Немногочисленные посетители сквера увидели роскошное зрелище. Вот в зелёном огне сгорает странная женщина с позеленевшими волосами. Потом её кавалер с дикими глазами бросается бежать за сорокой, выхватив из сумки коричневую шаль. Словно пытаясь поймать этой шалью сороку. Но сорока стала летать значительно медленнее. Что-то ей мешало.

Не долетев до рынка, в пределах сквера, она села на двойной шестигранный фонарь под старину. И тут люди увидели, как птица начинает расти. Она увеличилась в два раза... в четыре раза... раздулась и с невыразимым звуком лопнула.

На фонаре в полусонном состоянии сидела красивая женщина с зелёными волосами, абсолютно голая, со следами сорочьей крови и некоторого количества черно-белых перьев. Каштанов позвал её:

– Родолена, счастье мое, слезай.

Она ошалело посмотрела на себя, вокруг и вниз на землю.

– О, кошмар! Что со мной? Серёженька, помоги мне.

– Давай осторожнее, я подстрахую.

Родолена аккуратно слезла с фонаря на скамейку, брезгливо скинула с себя перья. Каштанов накинул ей на плечи коричневую шаль. Она обула на босу ногу полусапожки, и они быстрым шагом устремились домой. Не так быстро, как в Париже, но всё-таки.

Родолена долго, тщательно мылась под душем. Потом надела бледно-зелёный шёлковый халат. За чаем она наконец-то улыбнулась.

– Мне и тебе повезло, что у сороки в желудке была влажная среда. Или она воды из лужи попила. Быть съеденной сорокой – нонсенс. Но почему сорока? И почему именно меня? Неужели моё зерно такое привлекательное? Ещё одна загадка.

Глава 5. МОНСТЕРА

В этот апрельский ранний вечер Каштанов направился к Родолене на работу. Они договорились сходить сегодня в театр. А у неё на кафедре объявили субботник. Недавно Родолена Николаевна позвонила по сотовому телефону, сказала, что заканчивает протирать коробки с гербарием и можно подходить. На работе Сергея тоже отпустили пораньше.

Каштанов прошел по широкой лестнице главного корпуса университета на второй этаж и свернул направо. По обеим стенам длинного коридора повесили портреты профессоров, которые преподавали в университете в девятнадцатом и двадцатом веках. Выпускник университета, Каштанов посмотрел на молодые лица бывшей заведующей кафедрой ботаники и декана. Их не было в живых, но когда Каштанов учился, они ещё были полны сил и работали. Славное студенческое время.

Каштанов ещё раз свернул по коридору направо и осторожно открыл дверь кафедры. Только два человека были в большом кабинете с многочисленными цветами в горшках. Доцент Василий Александрович Кучерявый и сама Родолена. Женщина была очень счастлива. А на лице Кучерявого было выражение непритворного страха. Даже ужаса.

– Серёженька, посиди пять минут. Я сейчас ещё пару листьев у монстеры протру и освобожусь.

Родолена в серо-зеленом халате протирала огромную монстеру – растение в большом белом горшке с крупными кожистыми листьями, отдаленно напоминавшими кленовые.

Каштанов сел на стул. Родолена окончила протирать растение, сполоснула тряпку и аккуратно разложила её на батарею. На других батареях также сушились тряпки. Женщина сняла халат и повесила плечики с ним между шкафами:

– Послезавтра у меня с утра два практических занятия с первокурсниками. Таблицы, гербарии, покровные, предметные стёкла и чашки Петри лаборантка приготовила. Всё.

Каштанов помог ей надеть тонкое зелёное пальто. Сергей заметил, что Родолена при уходе не сказала Василию Александровичу «До свидания».

– У вас что-то случилось? – спросил Каштанов.

Родолена шла по коридору с мечтательной улыбкой, опустив глаза и поправляя легкий шёлковый светло-золотистый шарф. Потом достала из сумочки тонкий золотой браслет с фениксом и надела на левое запястье. Привычно взяла Каштанова под руку, а он так же привычно ласково сжал её ладони.

– Случилось. Я, кажется, смогла пересилить себя и не сгореть. А сегодня была очень близка к этому.

– Расскажи.

И Родолена рассказала. Всё началось с того, что многолетняя заведующая кафедрой отдала Богу душу. Как правило, кафедральные профессора сидят на своих местах, пока из них песок не посыплется. Или пока их не вынесут вперёд ногами. И на должность заведующего кафедрой был назначен Василий Александрович Кучерявый. Пришёл он откуда-то из сельского хозяйства. Среднего роста, энергичный, весьма полнеющий. И в отличие от своей фамилии – абсолютно лысый. Докторской диссертации у него ещё не было, но так бывает. Сама Родолена давно защитила кандидатскую, а сидела на должности ассистента, ибо не было вакантного доцентского звания. Несмотря на то, что Кучерявому близилось к шестидесяти, он был большой любитель слабого пола. Видимо, Василий Александрович остался равнодушен к прелестям трёх свободных кафедральных женщин и положил глаз на Родолену Николаевну, молодую замужнюю особу, не проявлявшую к нему никакого внимания.

Он неоднократно предлагал подвезти её с работы на своей машине, но она всегда отказывалась, предпочитая общественный транспорт. Один раз Василий Александрович пристал к ней во время празднования Восьмого марта. Она поглядела на него с холодным презрением, и он стушевался. Тогда он стал делать мелкие пакости,

придираться по работе, лишать премиальных. Тут Василий Александрович был большой специалист. Бедная Родолена пару раз сгорала и возрождалась из пепла по этой причине. А сегодня объявили субботник на кафедре. Конечно, пыли на коробках за несколько лет скопилось много. Сотрудники привели в порядок свои рабочие места и стали потихоньку расходиться по домам. Остались только молодая инженер-лаборант, Родолена и Василий Александрович. Он вдруг попросил:

– Родолена Николаевна, вы помоложе, залезьте на эту лестницу, там на шкафу лежат папки. Надо их протереть.

Родолена, не думая ни о чем плохом, стала подниматься по лестнице. Василий Александрович как бы незаметно обнял её за ноги. Но никто не заметил, как правая рука Родолены стала вдруг вытягиваться, подобно змее. Она дотянулась до цветка, погладила его по стеблю, и вдруг горшок со шкафа с грохотом упал. Рука немедленно приняла свои обычные размеры. Горшок не разбился, так как был небьющийся, но весьма увесистый. Кучерявый вздрогнул, лаборант заахала и стала убирать. Тогда Родолена Николаевна спустилась с лестницы и сказала лаборантке:

– Валечка, зайди, пожалуйста, в деканат, возьми у Ларисы Григорьевны расписание занятий на следующий месяц.

Деканат был в другом крыле.

Валя пошла в деканат. Когда она вышла, у монстеры в белом горшке от небольшого ствола сами собой стали вырастать лианоподобные стебли.

Один стебель охватил Василию Александровичу ноги, другой – руки, третий – горло. А Родолена сразу выросла раза в два. Василий Александрович упал в кресло и задрожал от страха. А Родолена звонким, звенящим голосом сказала:

– Василий Александрович, кажется, нам надо объясниться. У вас на размышление пять минут. Скоро у этой монстеры появится ещё две пары стеблей – одна залезет вам в уши, а ещё пара – в нос. Отчего вы умерли – не определит ни один эксперт. Поэтому что и следов этих стеблей не будет. Вы ко мне ещё будете приставать?

Лиана чуть ослабила горло Василия Александровича.

Он прохрипел:

– Нет, не буду.

– Вы будете мне делать всякие неприятности по работе?

Лиана опять сжала его шею. Он сдавленно прошептал:

– Нет, простите меня, пожалуйста. Я не буду.

– Хорошо. А это – чтоб вы помнили о своих словах.

Лиана подняла Кучерявого в воздух вверх ногами и стала трясти. Лицо ловеласа-неудачника побагровело, и лиана его опустила на пол. После этого стебли исчезли, а Родолена приобрела свой обычный рост. Василий Александрович заполз в кресло и устался на Родолену долгим удивлённым взглядом. Он словно онемел.

К моменту прихода Каштанова на кафедру прошло минут пятнадцать. Инженер-лаборант ушла домой.

– А разве монстера относится к лианам? – спросил Сергей.

– Конечно. Семейство ароидных. Только пока она в горшке – лианоподобные стебли не очень большие. Но я попросила монстеру, и она мне помогла.

Родолена Николаевна лучилась от счастья. Она выкрасила волосы почти в золотой цвет и была необыкновенно красива.

Каштановы шли по главному проспекту, потом заглянули в кафе «Буланже», где съели по солянке и кессадилье, благо до театра оставалось пройти каких-нибудь пятнадцать минут.

Глава 6. ДЖОВАННИ

Родолена очень любила цветы. Со временем она принесла домой отростки от многих кафедральных цветов. И очень аккуратно и красиво распределила их по квартире. Скажем, около телевизора или компьютера – кактусы. На окнах – герани.

Каштанов к цветам был тоже привязан, хотя и в меньшей степени, чем жена.

Он очень любил душистую герань. Однажды Родолена принесла с кафедры отросток душистой герани, она прижилась, и по утрам Сергей Каштанов с удовольствием вдыхал аромат этого растения, прежде чем идти на работу. Своеобразная ароматерапия.

В тот вечер в начале мая Родолена, как всегда, окончив занятия, вышла из главного корпуса университета с намерением идти на троллейбус и ехать домой.

И тут к ней неожиданно подошел сухопарый дедушка с длинными кудрявыми седыми волосами. Взгляд его маленьких чёрных глаз был очень пронзительным, упрямым и неприятным. Серая широкополая шляпа старичка была потёртой, одет он был в серое драповое пальто.

– Родолена Николаевна!

– Да. Что вам угодно?

– Здравствуйте! Меня зовут Джованни. Я приехал к вам издалека. Искал вас. Пойдёмте, сядем на лавочку. У меня к вам очень серьёзный разговор.

Родолена подумала, что этот человек нуждается в консультации по её специальности. На неё дохнуло холодом, она поёжилась, но согласилась. Они присели на лавку неподалеку от голубых елей, и Джованни начал.

– Как же долго я вас искал. Десять лет. За это время вы успели окончить университет, защитить кандидатскую диссертацию, выйти замуж. Но судьба ваша весьма необычна. Видите ли, не знаю даже, как начать. Вы, Родолена Николаевна, растение. Женщина-растение. Вы являетесь собственностью ботаника, который вас вывел, можно сказать – впервые, вырастил, вдохнул в вас жизнь, и по случайной роковой ошибке выслал в этот город в ботанический сад. Может быть, в этот пакетик зерно положил не он. Сложный вопрос. Всё было бы намного проще, если бы в ботаническом саду вас не вырвали, и ваш будущий супруг вас не подобрал. Я почти нашёл вас в Париже, но ваш супруг опять-таки не дал возможности унести зёрнышко своему законному владельцу. Между тем хозяин ждёт. Мы должны будем уехать, Родолена Николаевна, улететь на Мадагаскар. Там вы совершите свой обряд самосжигания и превращения в зерно. После полива вы возрождались, но постепенно теряли свою жизненную силу. Мы не будем вас поливать, как делал ваш преданный, но недалёкий супруг. Вы будете находиться в сухом помещении, затем вас посадят в землю, и появится куст с будущим семенами-женщинами. Вы дадите начало новой жизни, даже многим жизням. Мы выведем расу абсолютно новых людей. Нынешний мир погряз в пороках. Постепенно за многие годы мы заменим людей на эту новую расу. Но это, так сказать, долгосрочная перспектива. А пока вы нужны, чтобы учёный мог подать заявку на Нобелевскую премию. Насколько я знаю – он очень долго вас выращивал. Были сложные опыты по генетике и селекции. Но сейчас до премии осталось совсем немножко.

Родолена слушала, вначале с любопытством, а потом – с ужасом. Она понимала, что разгадка её жизни происходит сейчас, но даже не думала, как это тяжко. Потом сказала:

– Я – гражданка России. Я десять лет живу в этом городе, окончила университет, защитила кандидатскую диссертацию, веду практику по морфологии растений. У меня есть муж, которого я очень люблю. Мне ничего другого не надо.

– Но вы себе не принадлежите. Вы растение. Я уговариваю вас, а, между тем, это так же глупо, как если бы я уговаривал берёзу или, как она у вас называется, осину.

– Я говорю вам – нет. Никогда.

Старичок начал раздражаться.

– Вы не хотите по-хорошему. Тогда вас похитят. В вашей мафиозной стране всегда можно найти, как это по-русски – отморожков. Если посулить им денег, помогут.

– Сомневаюсь. Найти таких людей вы можете. А похитить меня – очень большой вопрос.

– Берегитесь, Родолена Николаевна. Я не отступлюсь. Вы будете увезены. Но можете и не попасть к вашему профессору. Вас отдадут, скажем... в цирк. Где вас будут заставлять сгорать и возрождаться для почтеннейшей публики.

– Сомневаюсь. И давайте закончим наш малоприятный разговор.

Родолена встала и пошла на остановку, оставив старичка с перекошенной от злости физиономией сидеть на лавке. Он, правда, крикнул ей напоследок, что остановился в отеле «Бон Апарт». И свой номер телефона. Дома Родолена рассказала обо всём Каштанову. Он понюхал душистую герань и протёр очки.

– Может, это сумасшедший какой-то?

– Не думаю. Скорее – пожилой мафиози. Но подготовиться ко всякого рода случайностям просто необходимо. Тебе, Серёжа, придётся приходить меня встречать по вечерам. Я буду звонить по сотовому телефону, и называть точное время. А ты – идти в университет и ждать меня в вестибюле или на кафедре. Дело очень серьёзное. Тебя это не затруднит?

– Какая ерунда. Ты же знаешь, что я готов пожизненно тебя встречать, из какой угодно страны.

Родолена погладила его по щеке. Потом взяла золотое перо и принесла из коридора длинные зелёные перчатки из тончайшей кожи.

– Такую вещь приходится портить. Я их в Париже купила. Ладно, может быть, отстираю.

И нанесла на каждую аккуратный маленький рисунок, напоминающий очки, и на ладони какие-то узоры.

Три недели всё было спокойно. Сергей Каштанов регулярно приходил и ждал жену в вестибюле университета.

Наступил июнь. Черёмуха благоухала.

Каштанов заметил серебристую «Тойоту» с тонированными стеклами. Она стояла слева от входа. Он предупредил жену. Каштановы вышли на свежий воздух.

Когда из машины одновременно выскочили четверо здоровых парней и устремились к супругам, Родолена крикнула:

– Серёжа, берегись. Дождались.

Они сработали очень быстро. Но одного Каштанов ударом в челюсть откинул в сторону. Другого пнул. Двое остальных схватили женщину за запястья. И тут началось шоу. Руки женщины стали виться, как лианы. Но нет, это были не лианы, а две очковые змеи. Они зашипели. Похитители отпрянули, но Джованни откуда-то из-за деревьев крикнул:

– Хватайте её. Это маскарад.

Родолена зловеще улыбнулась.

– Ах, маскарад!

Лианы-змеи схватили двух парней за ноги и зашвырнули их на голубые ели. Одна из лиан – рука Родолены – обвилась вокруг горла третьего похитителя.

– П-п-помогите, – прохрипел он и улетел на ближайшую липу. Четвертый не стал дожидаться своей участи и убежал в рощу. Джованни исчез. Тоже в рощу?

Каштановы быстрым шагом прошли на остановку.

– Красиво это у тебя получилось – сказал Сергей. – Я и не думал, что ты у меня такая сильная.

– Это, Серёженька, только начало. Хотя мои способности ограничены. А эти люди могут пойти на что-то более изобретательное.

– Посмотрим.

Глава 7. ЕЩЁ УВИДИМСЯ

С попытки похищения Родолены прошло около трёх недель. Пару раз на неё пытались напасть, но выглядело это довольно жалко.

В первый раз Родолена распылила концентрированный аромат багульника болотного. Его ещё называют болотной одурью. Этот ядовитый аромат, кстати, поражающий нервную систему, издают цветы, листья и побеги багульника. Аромат сработал на манер газового баллончика. Похитители вырубались у машины минут на тридцать. От этой болотной одури Сергей и Родолена едва успели отбежать.

Во второй раз Родолена сама превратилась в лиану, и уползла по белой стене главного корпуса университета. Похитители сели в машину и уехали.

Каштанов был рядом с женой и в первый, и во второй раз. Хотя и осознавал, что толку от него было мало. Всё очень быстро происходило. Ну, для страховки и уверенности жены.

В этот раз, кстати, Родолена минут через сорок спустилась обратно по фасаду главного корпуса университета. Каштанов смотрел, как она превращается из лианы в человека, и думал – насколько ему повезло с женой.

Он ждал её на лавочке. Она обессиленно села и сказала:

– Эти ребята начинают меня раздражать. Там на крыше столько голубинового помета! Приходится тратить лишнюю энергию на превращение в лиану и своей одежды. Серёжа, посмотри на спине – я не запачкалась?

Пару раз Родолена сгорала и возрождалась дома. Она гордилась, что научилась задерживать этот процесс, и могла успевать раздеться.

Каштанов стал замечать, что знакомая «Тойота» торчит возле его места работы. Спасало то, что Сергея увозила на работу и привозила домой служебная машина. Теперь она везла его до университета.

Поливая цветы, Родолена сказала:

– Они поменяли тактику. Детей у нас нет, значит, будут пытаться похитить тебя. Такой поворот событий надо предусмотреть. Вот, возьми, Серёжа. На случай нападения. Это превратит тебя в лиану минут на десять-пятнадцать. Зацепиться за любую, самую гладкую, поверхность и убежать – сможешь. На больший срок дать препарат не могу. Он не очень полезен для здоровья. Только потренируйся дома.

И дала мужу белый бумажный пакетик с кофейного цвета порошком.

Каштанов потренировался. И получилось это у него не хуже, чем у жены. Он превратился в крупную лиану, прополз по потолку и, коснувшись пола, принял человеческий облик.

– Всё хорошо. Только надо быстрее. У тебя будет очень мало времени.

Но дальше слезки у места работы Каштанова дело не пошло.

Когда Сергей встречал Родолenu в очередной летний день, она сказала:

– Сегодня нам с тобой надо сходить к отелю «Бон Апарт». Мне сказал знакомый шафран с клумбы, что вечером в семь часов у Джованни будет важный телефонный звонок. Очень интересно узнать – о чём.

– Ты хочешь прийти к нему в гости?

– Надеюсь, что нет. Попробую подслушать с улицы.

Вначале они сели на скамейку у отеля. Родолена была сосредоточена и молчала. Вдруг встала и поманила Сергея за собой. Они расположились у здания справа за бюро путешествий. В этом бюро, кстати, были приобретены путевки в Париж.

Правая рука Родолены стала превращаться в пять вьюнов (по одному от каждого пальца), которые быстро поползли по кирпичной стене. Самый юркий, от указательного пальца, просунул любопытную цветочную головку в приоткрытое окно второго этажа. Звонок сотового телефона Каштанов услышал. Но говорил человек очень тихо, причем на итальянском. Прошло минут пятнадцать. Потом послышался громкий стук закрываемого окна, и Сергей увидел выражение боли на лице Родолены. Вьюны исчезли, превратившись в кисть руки женщины. Супруги быстро убежали и перевели дыхание около Дома учёных.

Родолена дула на правую руку. Ноготь указательного пальца посинел.

– Я идиотка. Не надо было проникать цветком в его номер. Но иначе я не смогла бы расслышать все слова, что говорит собеседник. Игра стояла свеч.

– И о чем они говорили?

– К счастью, я знаю итальянский. Вот телефонный разговор Джованни.

– Вы болван, Джованни, – сказала трубка. – Не смогли справиться с одной слабой женщиной.

– Слабой! – заорал Джованни. – Да она сильнее всех знакомых мужиков. Она дружит с растениями. Превращается во вьюны, в лианы, во что угодно. Да если б я об этом знал, ни за что не согласился бы на ваше предложение. На одних местных бандитов сколько было трат!

– Ну конечно, – устало ответил мужской голос. – А вы хотели, чтобы такая необычная женщина по рождению не обладала бы способностями. – Я вкладывал в неё все свои знания. Я горжусь ей. Родолена – мой самый большой успех в жизни. К сожалению, она должна дать жизнь новым Родоленам, новым семенам. Она – мой самый удачный опыт.

– Тогда сами приезжайте и уговаривайте ваш удачный опыт на что угодно. Только деньги не забудьте мне заплатить.

– Операцию похищения Родолены временно прекратить. К ней нужен другой подход. Если сможете, добудьте мне волос с её головы. Один волос. Если нет – прекращайте всё и уезжайте, пока моя ученица не попробовала на вас силу всех растений Земли. Придёт время – она сама прибежит ко мне. Не забудьте оставить ей мой номер телефона.

– Сомневаюсь, что она будет вас искать.

– Увидим. Срок её жизни меньше, чем у обыкновенного среднего человека.

– Вот весь разговор. Пойдём, в сквере присядем. Меня сильно знобит. После таких разговоров – будто на Северном полюсе побываешь.

Они сели на скамью, и Родолена прижалась к груди мужа спиной, а он поцелуями старался унять боль в её пальце. Она прикрыла изумрудные глаза.

– Видимо, с Джованни предстоит ещё одна встреча. Надеюсь – последняя. Значит, ему нужен мой волос. Я это могу устроить.

И она загадочно улыбнулась.

С утра Каштановы пошли гулять. Было воскресенье. К ним подбежал большой ничейный белый пёс по кличке Дружок. Родолена характерным причмокивающим звуком поманила Дружка в большой двор сороковой школы, где она и Сергей остановились возле детской площадки. Родолена быстрым движением вынула из пакета ку-

ринные кости и бросила псу. Тот благодарно стал есть. Тогда женщина достала из этого же пакета расчёску и несколько раз провела по бокам Дружка. Тот заворчал, но потом снова стал грызть кости. Начесав достаточное количество собачьих волос, Родолена хитро улыбнулась и положила их в целлофановый мешочек.

Через несколько дней Джованни позвонил ей. Они договорилась о встрече. Там же, в университетской роще.

Родолена со смехом рассказывала, как она очень аккуратно разбросала несколько собачьих волос по бархатной блузке. Джованни признал свое поражение. Извиняться не стал, однако очень сожалел, что Родолена не откликнулась на предложение Николо. Несколько раз задел рукой Родолену, вроде бы невзначай.

Дома Родолена достала белую щётку для чистки одежды. Вычищая с блузки непослушные волосы Дружка, женщина говорила, что надеется никогда больше не встретить Джованни на своём пути.

Глава 8. БОЛЕЗНЬ РОДОЛЕНА

Надо сказать, что за десять лет совместной жизни Родолена никогда ничем не болела. Нет, её знобило от косых взглядов и слов, она сгорала и возрождалась, но никаких серьёзных заболеваний не возникало.

И поэтому, когда в июле она почувствовала себя плохо, Каштанов очень испугался. Тем более что проявление болезни было у женщины на коже.

Кожа Родолены позеленела. Она стала довольно забавного травяного цвета, и было бы очень весело, если бы не так грустно. К тому же Родолена жаловалась на боль в районе печени. Однажды Сергей видел по телевизору женщину с серебряным цветом кожи. Не в фантастическом фильме, а натурально – в документальной съёмке. Серебра в ней оказалось больше, чем надо. Но женщину с зелёным цветом кожи ему видеть не приходилось.

Надо было что-то делать. Родолена принимала какие-то препараты, но ничего не помогало. Кожа её становилась всё более зелёной. Хорошо что июль – отпускное время. Можно было сидеть дома. Но оно, это время, увы, проходит.

Сегодня была годовщина свадьбы. Ровно десять лет назад Родолена и Сергей зарегистрировали свои отношения. Он с утра сходил в магазин и купил большой букет роз. Родолена расцеловала мужа, но ей сейчас было не до цветов.

После долгих колебаний женщина решила пойти на УЗИ. Неведомо – какое строение внутренних органов у женщин-растений. Вначале надежда была на то, что в кабинетах УЗИ, как правило, приглушённый свет.

Но потом Родолена решила подстраховаться. Наверняка придётся раздеться до пояса. К тому же аппарат, которым водят по телу, влажный. Наносят то ли глицерин, то ли гель какой-то.

Родолена отыскала крем телесного цвета, который мог держаться на коже часа два. Но на всю фигуру его просто не хватило. С помощью Сергея крем был нанесён на лицо и тело Родолены до пояса.

Она выкрасила волосы в золотистый цвет, долго накладывала крем и пудру на лицо, надела глухое темно-синее платье с воротником до подбородка и длинными рукавами. Внимательно подбирала чулки, туфли, широкополую шляпу с вуалью, остановившись на белом цвете. Долго думала, надевать или нет длинные гиппоровые перчатки. Их можно было спрятать под рукава. Решила – не стоит, они могли стереть крем с рук. Просто взять с собой на случай, если крем начнет исчезать. Главное было – не попадать под прямые солнечные лучи, чтобы не вспотеть.

Поэтому до больницы Каштановы шли по самым тенистым улочкам.

В поликлинике напротив института ей сделали УЗИ. Однако ждать приема пришлось прилично. Органы Родолены оказались в порядке, как у обычных людей. Но в печени очень удивлённая женщина-врач обнаружила насекомых – шесть небольших жуков размером с божью коровку. Она сделала несколько снимков, которые передала Родолене.

Когда Каштановы шли к трамвайной остановке, Сергей заметил:

– Солнышко моё, кажется, крем теряет силу.

Женщина держала его под руку. Он показал на левую кисть Родолены, которая довольно явственно позеленела. Родолена достала из сумки зеркальце и посмотрела на лицо.

– Ужас! Как лягушка. Подбородок начинает зеленеть. Тебе, Серёженька, придется на кафедре определить жуков. Это, скорее всего, случилось, когда я превращалась в растения. Из-за проклятого Джованни. Хотя Василий Александрович тоже свою лепту внёс. Когда я видоизменяла руки, насекомые в них и вселились. И проникли в печень. Да что говорить! На каждом кусте, на любом дереве обитает минимум десять видов насекомых.

– Определить-то жуков можно, но жуки находятся в тебе – это раз. А фото чёрно-белое, это два. Они очень похожи на листоедов – но что это даёт? Я, конечно, посмотрю по определителям. Ты назовёшь виды монстеры, лиан и вьюна, в которые превращалась. Но, боюсь, вид определить не смогу: фотографии нечёткие.

Родолена густо напудрила лицо. Потом надела перчатки, заправив их под рукава.

Каштанов бережно взял под руку жену и думал, что если даже он определит насекомых до вида – это может ничего не дать. Чем их выводить из организма Родолены?

Лучше бы пойти погулять в Буфф-сад. Но Родолена предложила на остановке «Дом учёных» проехать на трамвае до старой крепости. Она любила трамваи. Каштанов знал об этом. Знал он и о том, что умница Родолена может что-то придумать за это время.

Как назло, в трамвае к ним подошла Ольга. Она работала с Родоленой на одной кафедре. Ольга была очень любопытна. И большая сплетница. Она была одинока, и в своё время Родолена советовала заведующему кафедрой Василию Александровичу обратить на неё внимание. К сожалению, он Родолену не послушал.

Ольга грузновато уселась на сиденье впереди Каштановых, развернулась и начала:

– Как проводишь отпуск?

– Нормально.

– Чем занимаешься?

– Едим, пьём, гуляем, любим друг друга.

– И всё?!

– А чем ещё могут заниматься влюблённые люди?

– Так вы же так давно женаты.

– Ну и что?

– И не надоели друг другу?

– Нет.

Каштанов улыбнулся и добавил:

– Эти десять лет пролетели для меня, как один день.

Ольга помрачнела, а он с тревогой заметил, как Родолена стиснула зубы и сжала его руку в своей. А это означало, что скоро жена загорится. Минут через пятнадцать-двадцать.

– А тебе не жарко в перчатках?

– Сегодня десять лет, как мы поженились. Почему бы не надеть одну-две детали того свадебного наряда.

- Ой, что это у тебя с волосами?
- А что?
- Они зеленеют. Ой, куда вы?
- Тебе показалось! – крикнула Родолена.

Как раз в этот момент объявили их остановку, и Каштановы спрыгнули с трамвая и галопом побежали от Каменного моста на Воскресенскую гору, к старой крепости.

Люди были у музея города, но у частотола их почти не было.

Родолена сорвала перчатки, сбросила шляпу, туфли. Едва Каштанов успел всё это взять в руки, как женщина запольхала холодным зелёным огнём.

Через несколько минут Сергей подобрал изумрудное зёрнышко и побежал вниз по улице Бакунина, свернул на Обруб, потом направо по Шишкова, через Аптекарский мост, Алтайскую и Тверскую. В квартире он стал поливать зёрнышко, и спустя какое-то время Родолена возродилась. И чудо – кожа её была белоснежной, как до болезни. Зелёный цвет исчез полностью.

– Согрей меня, – послышался родной голос.

Он укутал её в большое махровое полотенце, и они целовались до изнеможения. Больше печень Родолены не болела, а повторное УЗИ не выявило в этом органе никаких жуков.

Глава 9. РОСЯНКА

Ольга – кафедральная приятельница Родолены – пригласила её с мужем к себе на дачу.

Родолена сказала об этом Сергею.

Было лето, июнь, и Каштанов согласился. На маленькой «Тойоте-дуэт» Ольга привезла их.

Её участок был неподалёку от городского кладбища. Они объехали его с правой стороны, потом покрутились среди сосновых и кедровых холмов. Подъехали к симпатичному одноэтажному деревянному домику и участку.

На шести сотках были разбиты грядки и клумбы с цветами. У домика рос огненный шар, у забора – кусты малины и чёрной смородины. Слева от домика были два больших куста жимолости с поспевшей ягодой. Глубоко справа росли старые деревца облепихи.

Ольга показала ключ с чистой холодной водой недалеко от участка. Сергей помог ей принести воды.

На грядках формировала свои кочаны капуста. И было ей очень неуютно. На капусте ползали в большом количестве пестрые, слегка опушённые гусеницы. И поехали они эту капусту с большим удовольствием. А вокруг вились белые бабочки. С чёрными пятнышками на уголках крыльев – капустницы и с чёрными прожилками – боярышницы. Видимо, совпал лёт капустниц и боярышниц.

Ольга пожаловалась:

– Ничего не могу с ними сделать. Гусениц сниму, а потом приеду на следующей неделе – их ещё больше. Вы раздевайтесь, загорайте. Будет желание – можете пару грядок прополоть. Вот этих. Тяпки в кладовке. Она открыта. А я минут на двадцать отлучусь. В магазин схожу.

Ольга вышла. Каштанов пошел в кладовку за тяпкой. Родолена подмигнула Каштанову и сказала:

– Надо ей немножко помочь.

Каштанов подумал, что она говорит про обработку грядок. Но Родолена загадочно улыбнулась и превратилась в какое-то странное растение. Вернее – в какие-то

растения. Она размножилась. Зелёные листья, железистые волоски, липкая жидкость на них.

Каштанов озадаченно спросил:

– Родолена, ты где?

– Я здесь, – хором откликнулись растения. – Я – росянка. Сейчас увидишь, что будет.

И все бабочки вдруг полетели на эти листья. Что их так манило – непонятно.

Началось активное улавливание и переваривание насекомых.

Когда Ольга пришла, Родолена едва успела принять свой обычный облик. Она стояла с тяпкой у грядки, кашляла и долго отплевывалась.

– Что с тобой? – спросила Ольга.

– Воды попила, а она не в то горло попала.

– Ой, а бабочек-то нет. А что случилось?

– Улетели.

Родолена и Сергей весело переглянулись. Он добавил:

– Зови нас чаще – бабочки совсем исчезнут.

Кстати, гусениц на капусте тоже не было. Что с ними успела сделать Родолена – неведомо.

Грядки были доведены до ума. Родолена с Сергеем сходили на сосновый холм, и она с великим удовольствием ныряла в землю, превращаясь в лесные цветы. В основном – в фиолетовые цветы лесной герани.

Каштановы нарвали самых первых маслят.

Дома Родолена приготовила грибной суп. Каштанов ел его и думал, что если Ольга ещё раз позовёт на участок, нужно согласиться.

Глава 10. СТАРАЯ ПАПКА

Шло время. Родолена Каштанова научилась задерживать минут на тридцать свое сгорание. В целом это происходило у неё где-то раз в три месяца. И первые две трети этого срока супруги блаженствовали. А потом приходилось планировать время, мотивируя свое отсутствие на работе. Иногда, при сильных волнениях, Родолена могла вспыхнуть и раньше. Но тогда Сергей старался быть рядом с женой.

К тому же существует сотовая связь. В экстренных случаях Родолена звонила и точно называла место своего сгорания, если не было сил и времени добежать до дома. Дома она обычно делала это в ванне.

В эту субботу, как обычно, Родолена вытирала в квартире пыль и поливала цветы. А Сергей решил перебрать бумаги в своём письменном столе. Он внимательно их просматривал, кое-что рвал, пока не добрался до старой папки.

Родолена, помимо морфологии и систематики растений, очень любила поэзию. Далеко не всю, в основном двадцатый век. Самым любимым её поэтом был Вознесенский. У него она находила ответы на многие жизненные вопросы.

Сергей достал папку и открыл её. Потом посмотрел на Родолену и улыбнулся. Она поймала его взгляд, присела на ручку кресла.

– Что это у тебя за папка? Ты мне её никогда не показывал.

– Это мои стихи.

– Чьи стихи?

– Мои.

– Ты пишешь стихи! – в глазах жены вспыхнуло неподдельное удивление.

– Писал.

– Когда?

- С шестнадцати до двадцати восьми лет.
- А почему мне никогда не говорил?
- Считал, что они несовершеннолетние.
- Очень интересно. И что в папке?
- Распечатка избранных стихов и три журнальных публикации. Вырезки.
- Тебя публиковали в журналах?!
- Да. Я к своему творчеству строго относился. Но в те годы считался подающим большие надежды.

Родолена от удивления широко раскрыла травяные глаза. За двенадцать лет совместной жизни Каштанов ни разу не заговаривал о поэзии. Она положила влажную зелёную тряпку на стол, обняла Каштанова и произнесла таким голосом, каким могла только она:

– Почитай, Серёжа.

И Каштанов без предисловий начал читать. Он прочёл пять или шесть стихотворений. Когда Каштанов сделал паузу, Родолена расцеловала его и восторженно прошептала:

– Серёженька, ты настоящий поэт!

Каштанов вспотел от удовольствия, и жена вытерла его лоб своим голубым фартуком с красной розой.

– А почему ты так рано бросил писать стихи?

– Рановато? А в каком возрасте их бросил писать Рембо? Я оставил это дело, потому что ушёл в работу и в производство. Сама понимаешь – в провинциальном городе поэзией не проживёшь. А я по натуре сибарит. Люблю хорошо поесть. А на всё деньги нужны. Кроме того, я тогда активно ухаживал за одной красавицей, посвящал ей стихи. Кстати, они после знакомства с ней значительно улучшились. Качественно. Вон, видишь – на шкафу – позолоченная роза. Это мой приз. Первое место в областном конкурсе поэзии. Тогда мне казалось – я могу покорить мир. Но через пару лет женщина уехала в другой город навсегда.

– А ты?

– Год пил, потом была дальняя экспедиция в леса, а потом...

– Что потом?

– А потом я встретил тебя, – и Каштанов поцеловал жену в нос.

– И что, стихов всего одна папка?

– Интересный вопрос. Видишь ли, когда женщина уехала, я сжёг большую часть написанного. С моей точки зрения, стихотворения были средними. И какие-то образы когда-то кем-то уже использовались. За двенадцать лет творчества я достаточно насмотрелся на всяких разных стихотворцев и начитался их произведений. Остались только те вещи, которые прошли проверку временем. Их тоже двенадцать. Можно предлагать в любую антологию. В любой журнал.

– Ты смелый человек.

– Мне после её отъезда вообще жить не хотелось. А теперь я с тобой такой счастливый. И мне совсем не надо никаких стихов. Я даже не знаю, буду ли когда-нибудь продолжать писать.

Но ещё одно стихотворение Сергей написал.

Дело в том, что потихоньку пришло время встречи Нового года.

Родолена принесла с кафедры когда-то росток диффенбахии. А она растёт довольно быстро и, в конце концов, выросла почти до потолка. И тогда Каштановы решили не покупать ёлку или пихту, а нарядить диффенбахию. Это было настолько необычно, что Сергей не выдержал и написал новое стихотворение, которое озвучил за праздничным столом.

*Нарядим диффенбахию как ёлку.
Высокая – упёрлась в потолок.
Чтоб сердце бы восторженное ёкало.
Желанье чуда – это не порок.*

*Нарядим диффенбахию как ёлку.
Блестят, подобно ящеркам, листья.
Я загляну под листовенную юбку,
Сойдя с ума от жажды красоты.*

*Сюда – игрушку клюквенного цвета,
А васильковый шар – под потолок.
Фарватер новогоднего корвета
Неясен, но совсем не так далёк.*

*Вдали туман. А что в тумане проку?
Лишь в айсберг бы не врюхаться впотьмах.
Нарядим диффенбахию как ёлку.
И пусть она сияет в облаках*.*

Родолена каждый Новый год старалась делать запоминающимся. На этот раз она откуда-то запустила в комнату светляков. В середине зимы. Когда Каштанов выключил свет, в квартиру пришло сказочное зрелище. Светляки кружились вокруг диффенбахии, словно в свадебном танце. Это было волшебно.

Каштанов обнял жену. В своем новом золотистом мерцающем платье она выглядела удивительно красивой. Сергей налил в бокалы шампанское. Пора было встречать Новый год.

Глава 11. ПОДАРОК ДЛЯ МАТЕРИ

У Сергея Каштанова была мать – Ирина Петровна. Когда-то они жили всей семьёй, но Ирина Петровна с мужем развелась и воспитывала сына одна. Ничего не скажешь, высшее образование он получил. Но самым правильным своим шагом вот уже двенадцать лет Сергей Каштанов считал размен их двухкомнатной квартиры на две однокомнатные и то, что он живёт отдельно от матери.

Уж больно активно она вмешивалась в личную жизнь сына. Ирина Петровна считала, что он ей обязан помогать за то, что она его родила, воспитала, дала высшее образование. Считала необходимым давать Сергею постоянные советы – как жить. А Каштанов был поклонником западной системы взаимоотношений родителей и детей: до двадцати одного года воспитываешь – и всё. Дитё самостоятельное.

И поэтому, когда Сергей и Родолена Каштановы сошлись, он больше всего боялся, чтобы мать не узнала про особенности жизни жены, про сгорания и возрождения. У матери были подруги, с которыми она делилась по телефону всем.

Надо сказать, что Сергей оградил себя от вмешательства матери довольно жёстко. Она без звонка не могла прийти к нему домой. Родолена полностью поддерживала такую линию поведения, потому что сама излишней общительностью с друзьями и знакомыми не отличалась. К тому же Каштановы считали: «Мой дом – моя крепость». А разрушить эту крепость очень легко сплетникам, даже если это самые близкие люди.

* – стихотворение Н. Хоничева

Но какие-то минимальные общения со свекровью приходилось поддерживать. Помимо телефонных разговоров Каштановы ограничивались тем, что раз в квартал приходили к Ирине Петровне в гости. Или звали её к себе.

Ирина Петровна знала, что жена сына преподаёт ботанику в университете. Мать Сергея, как и Родолена, очень любила цветы. Ирина Петровна смирилась с существованием снохи. А Родолена давала ей по её просьбе те или иные отrostки.

Но всё равно – квартира сына манила мать как магнитом. Она видела, что сын с женой живёт в одно дыхание и завидовала – у неё с мужем такого не было. К тому же в квартире Каштановых всегда был необычный и очень приятный аромат.

Однажды, накануне дня рождения Ирины Петровны, Родолена спросила:

– Слушай, а у твоей мамы никогда не было друга? Человека, который любил бы её в юности, но не сложилось.

– Мне она ничего не говорила. Потом – это было бы заметно. Нет, у мамы такой язык, что отпугнет любого ухажёра.

– А может, ей на день рождения подарить кота? Котёнка маленького. Она будет о нём заботиться. Ирина Петровна вряд ли поедет в другой город, поэтому кот будет всегда при ней.

– Не знаю. Думаю, можно и кота.

Они сходили к ней на день рождения и, помимо цветов, подарили котёнка.

Ирина Петровна подарок приняла, но почему-то решила, что сын и сноха хотят от неё отвязаться. Эта мысль не давала ей покоя несколько месяцев.

Как-то она решила прийти к сыну без предупреждения. А вот этого делать было не нужно. Именно в тот день Родолена бежала с работы домой, чувствуя, что скоро произойдёт то, что случается с ней в среднем каждые три месяца.

Ещё на улице Ирина Петровна её увидела и окликнула:

– Родолена Николаевна, а я к вам. Ой, у вас волосы зелёные...

Но Родолена, озабоченная предстоящим, галопом пробежала мимо, открыла дверь, захлопнула её за собой, скинула всю одежду, вбежала в ванную и сгорела в зелёном холодном пламени.

Ирина Петровна поспешила за Родолоной. На её глазах сноха захлопнула за собой дверь. Ирина Петровна поднялась на третий этаж и начала бешено звонить и стучать.

К счастью, Сергей тоже торопился домой. Родолена позвонила ему на сотовый, предупредила. Не сказала она только, что мать придёт следом.

Он зашёл в подъезд и с первого этажа услышал, как Ирина Петровна стучит кулаком по двери. Она бушевала:

– Безобразие! Твоя жена мне даже не открыла! Захлопнула дверь у самого моего носа. Это что за порядки такие?!

Каштанов молча открыл дверь, и мать зашла в квартиру вслед за ним.

– И где твоя благоверная? Где она?

Сергей пробежал в ванную, поднял изумрудное зёрнышко, облегчённо вздохнул и сказал:

– Мне кажется, тебе показалось. Её нет. Она на работе.

– Да вот её одежда. Вот обувь, плащ, шарф. Именно в этом она была одета. И ещё – у неё были зелёные волосы.

– Мама, тебе показалось. У Родолены есть похожая одежда. Родолена ещё не пришла с работы. И главное – у неё никогда не бывает зелёных волос.

– Ну, правильно. Ведь мать у тебя дура. Ничего не видит, сноху узнать не может.

– Когда хочешь прийти, надо предупреждать звонком. Телефон для этого и существует. Кстати, я тебя об этом неоднократно предупреждал.

Сергей холодно посмотрел на мать. Кое-как отпоил Ирину Петровну чаем и вы проводил.

Он возродил Родолону. Та привела себя в порядок и улыбнулась:

– Думаю, больше твоя мама не будет без спросу к нам приходить.

И Родолена что-то зашептала комнатным растениям в горшках.

Ирина Петровна пришла к себе домой. Она сняла пальто и подошла к телефону. Её раздирало. Она хотела тут же позвонить подруге и поделиться всем, что увидела, и что накопилось на душе. Сказать, какая сноха стерва, ведьма, сын – подкаблучник, что с этим надо что-то делать, что сноха красит волосы в зелёный цвет и так далее.

Но едва она коснулась пальцем диска телефона, даже ещё не угнездившись в кресле, послышался странный голос:

– Оставь сына в покое.

Это промяукал молодой кот.

Ирина Петровна онемела. А «усатый-полосатый» ещё раз, пристально глядя ей в глаза, вразряжку произнес:

– Оставь сына в покое. Оставь Родолону в покое.

Но это было ещё не всё. Аспарагус, взмахнув густой зелёной гривой, прошеле-стел:

– Оставь сына в покое. Оставь Родолону в покое.

И душистая герань на окне, и все цветы зашептали:

– Оставь сына в покое. Оставь Родолону в покое.

К счастью, Ирина Петровна упала в обморок не на пол, а в кресло. Долго и бес-силенно сидела.

С этого дня всё изменилось. Нет, Ирину Петровну подмывало позвонить и облег-чить душу, но кот, словно чувствовал. Когда она брала телефонную трубку и хотела поговорить хоть с кем-нибудь о чудесах, он произносил:

– Оставь сына в покое.

Больше кот ничего не говорил. Только мяукал.

То же самое было с растениями. Они шептали ту же самую фразу, повторяя её с завидным постоянством. Как они слышали просьбу Родолены – загадка.

Ирина Петровна понимала, что если кому-то расскажет про говорящих кота и растения, её, в лучшем случае, поднимут на смех даже самые близкие подруги. А этого ей бы совсем не хотелось.

К тому же кот был очень умным и даже испражнялся в унитаз.

Глава 12. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Однажды в августовскую субботу Каштановы решили сходить за грибами. На оста-новке «Тверская» останавливались две маршрутки, которыми без пересадок можно было доехать в поселок Тимирязево. Тимирязевский бор был славен грибами на весь город.

Родолена и Сергей оделись в полевые костюмы, взяли по небольшой корзине и пошли на остановку. Народу на остановке было мало. И вдруг Каштанов услышал голос, от которого оцепенел:

– Ну, здорово, Сергей Васильевич!

Каштанов обернулся и увидел невысокого человека с седыми волосами и бородой и пронзительными чёрными глазами.

Родолена сразу почувствовала напряжение мужа. Когда он напрягался, то говорил короткими предложениями или отдельными фразами.

– Привет.

- Давно не виделись. Лет двенадцать или пятнадцать.
- Четырнадцать.
- Ну, у тебя всегда была хорошая память.
- Не жалуясь.
- Чем сейчас занимаешься?
- Руководжу отделом.
- А стихи продолжаешь писать?
- Крайне редко.
- Зря. В прошлые годы ты подавал большие надежды.
- Я счастлив.
- Это ты к чему?

– К твоему утверждению, что хорошие стихи обязательно пишутся от боли. А я считал и считаю, что поэзия на восемьдесят процентов создаётся от радости и гармонии. Боль я стараюсь не испытывать. А в писательской организации что нового?

Человек пожал плечами и весело сказал:

– У нас сейчас много нового. Я руководжу литературным альманахом. Печатаем и своих авторов, и москвичей, и зарубежных. Ты прислал бы мне подборочку стихов для очередного номера.

Родолена обрадовалась:

- Серёжа, вот и славно. Обязательно пришли стихи.

Человек улыбнулся.

- Жена?

- Жена.

Родолена не могла понять, отчего ей вдруг стало как-то неуютно под пронизывающим взглядом незнакомца. Он открыл сумку.

– Вот мой электронный адрес. Я альманах делаю дома. И свой телефон дай на всякий случай. Да, пару слов о себе напиши. Где родился, учился, публиковался. Фотографию не забудь.

И подал Каштанову визитную карточку.

Маршрутный автобус наконец-то показался. Каштановы коротко попрощались с негаданным собеседником.

В автобусе Родолена спросила Сергея:

- Кто это?

– Бухтармин. Иннокентий Бухтармин. Известный местный писатель. Большой пробойной силы.

- А почему в разговоре с ним ты так напрягся? Даже вены вздулись.

Каштанов задумчиво сказал:

– Я не знаю, какой он сейчас. Но в годы моей литературной юности подлец был хронический. Печатал только своих фаворитов. А меня ввёл в литературу другой человек. С Бухтарминым мы даже подрались однажды. Я ему тогда всё высказал. А тут ещё я расстался с тогдашней своей любовью Анжеликой и отошёл от литературной жизни.

– Но сейчас другое время. Пошли ему стихи. Я хоть на работе похвастаюсь, что муж у меня талантливый поэт.

Каштанов ткнул жене носом в плечо. Улыбнулся:

- Так уж и талантливый.

- Не прибедняйся, Серёжа. Мы когда выходим?

- Скоро будет остановка «Катюша». Это магазин. Там и сойдем.

Они вышли из маршрутки, прошли чуть-чуть прямо, потом налево и опять прямо по Старо-Трактовой улице. Шли около километра мимо дач. Потом начался сосновый бор.

Каштанов хорошо знал это место.

– Здесь невозможно заблудиться. Обрыв, две деревни и дорога. А грибы всегда бывают.

Они набрали по корзине грибов, попадались разные: моховики, лисички, козляки, маслята, волнушки.

Присели отдохнуть. Родолена достала воду в бутылке и пирожки. Сергей спросил:

– А в грибы или, допустим, папоротники ты превращаться не можешь?

– Могу, но не делаю этого. Превращаться во мхи, папоротники, хвощи, плауны очень тяжело. Женщины-растения – цветковые. Папоротник не может цвести, потому что размножается спорами. А грибы – это вообще особое царство. Болеть после превращения будет все тело, каждый нерв.

Они перекусили и пошли обратно на автобус.

Стихи Каштанов выслал на адрес Бухтармина. Месяца через три тот позвонил, просил зайти в писательскую организацию и забрать авторские экземпляры альманаха. Сергей спросил Родолену:

– Завтра пойдёшь со мной в писательскую? Не хочу туда один идти. Всё как ты хотела. Меня опубликовали.

– Я же говорила, что ты у меня умничка. Конечно, пойду. Надо что-то взять. Поблагодарить Бухтармина.

– Да я взял уже.

В старинном здании они шли по длинному коридору второго этажа. Зашли в предпоследнюю дверь направо. За старым столом сидели человек десять. Поэты, прозаики, фотографы, художники. Бухтармин встал из-за стола.

– О, вот это гости! Познакомьтесь, кто не знает: Сергей Каштанов. Талантливый поэт, очередная публикация которого состоялась в этом номере альманаха. Был очень известен в нашем городе четырнадцать лет назад. Публиковался в журналах. Потом исчез, чтобы сейчас вернуться. А эта красавица – его жена. Он её сам представит.

Сергей и Родолена сели на свободные стулья. Альманах сиял красивой обложкой. Каштанов достал из сумки роскошную бутылку. Глянул поверх золотой оправы очков.

– Портвейн. Настоящий, португальский.

Бухтармин просиял:

– Сергей Каштанов всегда умел жить. Боже ж ты мой! Аромат один чего стоит. Ну, с возвращением в литературу!

Пирушка продолжалась. Вдруг Родолена встала и подошла к увядшим цветам в горшках.

– А что с ними?

Бухтармин откликнулся:

– Да отмечали событие и забыли закрыть окно. Растения, похоже, не выносят холода. Придётся выбрасывать.

Родолена погладила листья, и они ожили. Она поочередно возродила к жизни все цветы.

– Как вам это удалось? – спросила главный бухгалтер, юркая, подвижная старушка с рыжими волосами. – Они же мёртвые были. Мёртвые! Это чудо какое-то. Вы волшебница.

Родолена скромно села за стол. Поправила волосы:

– Растениям досталось. Но их ещё можно было спасти.

Бухтармин изумлённо произнёс:

– Меня трудно чем-то удивить. Вам, Родолена, это удалось. По такому поводу грех не выпить.

Пирушка окончилась часов в десять вечера: портвейном компания не ограничилась. Прощаясь, Бухтармин дал Каштанову авторские экземпляры альманаха и сказал:

– На следующей неделе, в пятницу, будет большой литературно-музыкальный вечер, посвященный альманаху. С представлением авторов. Я тебя приглашаю. Надеюсь, как выступить – не забыл?

– Да я сто лет не выступал.

– Вспомнишь. Да, хорошо бы ты спел что-нибудь. Гитары там будут.

Родолена опять удивилась:

– Серёжа, ты ещё и поёшь?

Бухтармин поднял брови:

– А он вам ни разу не пел? Своей жене?! Вы сколько живёте вместе?

– Тринадцать лет, – ответила Родолена.

– Сергей Васильевич умеет скрывать таланты. Как Штирлиц.

Каштанов был под хмельком, что не позволял себе давно. Домой они пришли с Родоленой весёлые.

– Как я завтра на работу пойду? – сказал Каштанов, раздеваясь – Будет важное совещание.

– Ничего, я тебе помогу. Чай с лимоном и рассол у нас есть.

К назначенному времени зал Искусств библиотеки имени Пушкина был полон.

Но Сергей с Родоленой пришли заблаговременно и сидели в первом ряду. Бухтармин с юной холодновато-обаятельной поэтессой Ариной Гномовой были ведущими. Когда очередь дошла до Каштанова, он прочитал два стихотворения и спел романс под гитару. Голос был высоким, но очень приятным. Сергей видел счастливое лицо Родолены. Слушая, она полностью ушла в песню. Аплодисменты были долгими.

– Серёженька, это чудо какое-то! Я тобой горжусь.

Каштанов нежно взял жену за руку и перевёл дыхание.

И началось. Бухтармин стал звать его еженедельно на заседания литературной студии, где Каштанову приходилось вспоминать прежний опыт по обсуждению рукописей. Однажды вечером, после долгого заседания и возлияния, Бухтармин спросил:

– Ты на меня до сих пор обижаешься за тот случай?

– Случаев было многовато. То, что ты год кормил меня обещаниями публикации в московском альманахе, а вместо моих стихов напечатал свою тогдашнюю фаворитку – цветочки. То, что прилюдно высмеял меня на дне рождения моего литературного учителя Ефремова, травил в газетах... Теперь всё это меня мало волнует. Я обрел себя в науке и производстве. У меня настолько интересная жизнь, что тебе и не снилось.

– Мне сейчас очень тяжело.

– А чего тебе не хватает? Все твои желания в литературе исполнились...

– Враги вокруг. Сволочи. Ни на кого положиться нельзя.

– Ну, насчёт этого я ничего сказать не могу. Мне кажется – вокруг хорошие люди.

Каштанов ушёл. Через несколько месяцев Сергей узнал, что Бухтармин покончил с собой. По личным причинам.

Родолена налила в бокалы вина и сказала:

– Благодаря Бухтармину я узнала, что ты хорошо поёшь. И стихи напечатали.

Глава 13. АНЬЕЛЛА ДОР

Цвела липа. Замечательно цвела. Тонкий медовый аромат щекотал ноздри Родолене и Сергею, когда они шли по городу.

Когда они проходили мимо краеведческого музея, в здании которого размещался и малый концертный зал, Родолена остановилась у объявлений.

– Подожди-ка. Выставка старинных цирковых и концертных афиш из коллекции местного краеведа Платона Стасова. Серёжа, давай, зайдём. Я так давно не была в этом музее, да и ты тоже. Хочу посмотреть на старинные афиши.

В последнее время Родолена говорила, что всё повторяется в жизни по спирали, и уже было когда-то. И кто-то с такими же способностями, как у неё, посещал город. Сергей к этому относился скептически, считая, что Родолена одна-единственная, и кроме неё никого с такими способностями в их городе никогда не было.

Они взяли билеты и прошли на второй этаж. Афиши были расположены весьма живописно. Каштановы, не торопясь, осмотрели один зал, потом перешли во второй. И тут Родолена вскрикнула:

– Серёжа, смотри!

Каштанов взглянул и поразился. На старой афише конца девятнадцатого века было написано: «Аньелла Дор. Только один концерт. Проездом из Америки во Францию. Сгорание и возрождение из пепла». И портрет этой самой Аньеллы Дор в огне. Лицо было нарисовано довольно стандартно. Особого сходства с Родолоной Сергей не заметил. Но сфотографировал афишу своим, недавно приобретённым, «Кэноном», который брал теперь на прогулки.

Они прошли к заместителю директора – красивой черноволосой женщине, и она дала телефон Платона Стасова.

Родолена позвонила ему, похвалила выставку и спросила о гастролях Аньеллы Дор. Стасов ответил:

– Это давнее время. Афиша досталась мне от бабушки. Артистка приезжала к нам летом 1892 года, и действительно, было только одно выступление. Но у меня сохранилась фотография этой самой Аньеллы, купленная на представлении. Если она вас так интересует, могу дать отскрокопировать.

Родолена с радостью согласилась. Но спросила при этом:

– А в местной прессе были объявления или заметки о гастролях?

– Вам надо сходить в областную или в университетскую библиотеки, поднять газеты за 1892 год и посмотреть.

Они сходили в гости к Стасову. Платон показал коллекцию пивных этикеток и пробок, дал для ксерокопирования фотографию Аньеллы Дор. Едва Родолена взглянула на неё, как тут же схватила руку Сергея и сжала.

– Серёжа, ты только посмотри!

На пожелтевшей фотографии в старинном платье и шляпке стояла Родолена.

– Ну, что ты теперь скажешь?

Они горячо поблагодарили Стасова, вышли, откопировали фотографию и вернули её краеведу.

– Теперь, Серёженька, надо искать в библиотеках информацию.

Родолена сходила в университетскую библиотеку, а Сергей – в областную. Информации оказалось очень мало. Только в одной газете сообщалось о большом успехе Аньеллы Дор, а также что артистка посетила университет и осмотрела город. Родолена задумчиво сказала:

– Искать в городе её следы бессмысленно. Пожалуй, о ней может рассказать только старая липа в университетской роще.

– Почему именно липа?

– Сейчас двадцать первый век. Аньелла Дор выступала в девятнадцатом. Университет открыли в 1888 году. Рощу формировали из новых посадок и старых деревьев. А липе этой около двухсот лет. Должна помнить. Хотя надежда слабая.

Вечером, часам к семи, Каштанов у главного корпуса университета встретил Родолону. Они свернули налево и подошли к старой липе. Родолена встала лицом к университету и прислонила руки ладонями к стволу. Она ласково стала гладить дерево и что-то шептать. Внезапно потемнело. Летние вечера светлые, а тут будто надвигалась гроза. Но грозы не было. И людей не стало.

Вдруг справа показались мужской и женский силуэты. Парочка подходила все ближе, а когда она поравнялась с липой, Сергей и Родолена переглянулись.

– Тебе они никого не напоминают? – прошептала Родолена.

Женщина была вылитая Родолена, только с другой прической, в старинном платье и шляпке, как на фотографии. А мужчина – во фраке, цилиндре, с усами и бородкой...

– Серёжа, если ему убрать усы и бороду и надеть очки, он будет твоей копией.

Каштанов изумлённо посмотрел на своего двойника и прислушался. Мужчина и женщина тихо беседовали.

– Господи, как же я устала! Я сгораю раз в три месяца, а на гастролях приходится это делать чуть не каждый день.

– Потерпи, милая. Осталось два города. Потом уедем в Италию.

– Доживу ли я до Италии? Саша, мне очень плохо. Я трачу последние силы. Боюсь сгореть и не возродиться.

– Осталось всего два города. А потом год можем жить потихоньку на заработанные деньги. Или положить часть из них в банк под хорошие проценты.

– Меня всё раздражает. Это имя глупое – Аньелла Дор...

– А ты бы хотела быть Анной Дуровой, как в паспорте. Но на такую фамилию зритель не пойдёт. После гастролей ты станешь моей женой. Анной Ореховой. Потерпи, родная моя.

Мужчина поцеловал у женщины руку. Она постояла у липы, потом прислонила к ней руки, как Родолена.

Женщины стояли около дерева напротив друг друга. Родолена видела сквозь ствол голубоватое лицо Аньеллы Дор. Женщины смотрели друг на друга, словно и не было ствола. Потом Аньелла глубоко вздохнула и ушла со своим Александром. И вновь посветлело.

Родолена ласково погладила старую липу:

– Спасибо, милая. Что бы я делала без тебя?

Родолена и Сергей сели на лавку. Долго молчали. Наконец, Каштанов спросил:

– Что это было? Призраки?

– Не знаю, Серёжа.

– Только теперь понимаю Гамлета у Шекспира: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

– Понял, наконец, – Родолена положила голову ему на плечо. – Я сама поняла теперь многое.

– Что именно?

– Не догадываешься?

– Догадываюсь, но скажи ты.

– Джованни врал, когда говорил, что я ботаником выведена впервые. Это уже было. И в образе Аньеллы прошло через наш город. Далее, трёхмесячный ритм сгорания и возрождения – нормальный. Если чаще его стимулировать, можно подорвать здоровье.

– Что-то ещё?

– Скорее всего, следы Аньеллы, или Анечки, теряются. Может быть, она умерла в Италии. А может – превратилась в семечко и дала дерево. А теперь прочитай Аньелла Дор справа налево. И всё поймёшь.

Глава 14. ЧТО СКАЗАЛА ЭЛЕОНОРА?

Каштановы решили съездить на неделю в Москву. В отпуск.

Поселились они в ведомственной гостинице для работников лесного хозяйства. В Пушкине. При институте повышения квалификации. Два года назад Каштанов эту самую квалификацию и повышал. Оттуда в столицу каждые двадцать минут шёл автобус и регулярно – электричка.

Родолена и Сергей с удовольствием бродили по столице, фотографировались, гуляли по музеям, храмам, галереям, заглядывали в свой любимый Театр оперетты. Обедать или ужинать заходили в Центральный Дом литераторов.

Однажды они заехали на Ваганьковское кладбище. Посмотрели могилы Высоцкого, Миронова, Даля. У могилы Сергея Есенина Каштанов смущённо спросил жену:

– А ты смогла бы разгадать давнюю историческую загадку?

– Какую загадку?

– О гибели Есенина.

– Ты имеешь в виду вопрос о том, сам он повесился или помогли?

– Да. Я прочитал об этом довольно много книг. О Есенине большая литература. Но вопрос так и остался открытым. Много писали о проломе в его голове между бровями. Я сомневаюсь, что решатся на эксгумацию. Будут спорить в печати, ковыряться в мемуарах, толковать об этом.

– Я могу спросить у растений и птиц. Поговорить с деревьями. Всё зависит от того, сгнил ли гроб. Только ради Бога не проси, чтобы я ощупывала череп Есенина сама. Можно видоизмениться в корни сосны или другого дерева, но ощупывать скелет корнями – это всё равно что пальцами.

– Нет, конечно. Просто, если есть желание, спроси у птиц и трав. Знаешь, меня исторические загадки никогда не волновали. А вот эта – интересует очень.

Родолена присела у памятника и стала гладить траву и цветы и что-то им шептать. Посвистела соловью, погладила старый вяз. Потом сказала:

– Похоже, нам придётся прийти сюда ещё раз. Ты завтра вечером не побоишься погулять по кладбищу?

– Ты ведь будешь со мной?

– Конечно.

– Ради такой разгадки – не побоюсь.

– Чудесно. Теперь вот что. Эту разгадку сможет нам принести мышь. Если тебя удовлетворяют её объяснения.

– Какая мышь? – удивился Каштанов.

– Старая кладбищенская мышь. Очень благородных мышиных кровей. Зовут её Элеонора. Видишь ли, если я правильно понимаю, на черепе Есенина должен быть след от пролома. В случае, если пролом был. В Киеве облик Ярослава Мудрого в Софийском соборе Герасимов восстановил по останкам. Им несколько сотен лет. Шрам на черепе у Ярослава Мудрого сохранился. Теоретически, если Сергей Есенин был убит в декабре тысяча девятьсот двадцать пятого года, то след от пролома на его голове тем более должен сохраниться. Кто может нам в этом помочь? Во-первых, растения. Но трава и цветы на могиле Есенина не имеют длинных корней. Тем более крышка гроба закрыта. Во-вторых, птицы. Но ваганьковские соловьи могут только петь, и в этих песнях информации по нашему вопросу – ноль. В-третьих, энергетические наслоения на старых деревьях. Очень интересный, перспективный, но крайне зыбкий объект. Что нам дадут деревья, увидим завтра. В-четвёртых, грызуны – наши самые надёжные информаторы. Не забыть для мышки купить семечек.

– Умница!

Родолена порозовела от удовольствия.

– А откуда ты узнала, что мышь зовут Элеонора?

– Услышала мышинный голос около её норы. Другая мышь звала.

Родолена взяла Сергея под руку, и они пошли к выходу.

На следующий вечер Каштановы вновь пришли на кладбище. Родолена поёжилась и сказала:

– Пойдём к могиле поэта Сергея Городецкого.

У могилы Городецкого Родолена присела на корточки. Там была мышинная нора. Женщина стала тихо насвистывать. Минуты через две показалась рыжевато-серая мышь.

– Познакомься – это Элеонора, о которой я тебе рассказывала.

Родолена стала издавать какие-то звуки, пищать. Элеонора ей отвечала.

– И что она говорит? – спросил Каштанов.

– Просит нас ещё часа полтора погулять по кладбищу. А потом подойти к есенинской могиле.

Они пошли по кладбищу. Темнело. Родолена подошла к старому дереву.

– Оно должно помнить похороны Есенина. Не знаю, что оно покажет. Мне бы посмотреть картинку после похорон.

Родолена стала гладить старый ствол. Каштанов различил, как меняется все вокруг. Они попали в тысяча девятьсот двадцать пятый год. Могил стало значительно меньше.

– Так... Вот вечер после похорон. Зима. А вот ночь. Ха, а призрака Есенина нет. Был бы самоубийца – обязательно вился бы.

– А самоубийцы дают призраки?

– Как правило. Впрочем, это можно проверить. Посмотрим тысяча девятьсот восемьдесят четвертый год. Похороны министра внутренних дел. В восемьдесят втором застрелилась его жена. А он – в восемьдесят четвертом. Очень любили алмазы, картины и другое добро... Да вот они.

Родолена приблизила изображение. Каштанов увидел могилы министра, его жены и два синеватых призрака – женский и мужской. Сидели на своих могилах и о чем-то разговаривали.

– Ну, что я говорила! Приятнее всего, точнее, спокойнее, чувствуешь себя на могиле артистов – спокойная смерть. Как правило, от алкоголя.

Давай, на всякий случай, посмотрим тысяча девятьсот пятьдесят четвертый. Похороны генерала армии, Героя Советского Союза. Застрелился, когда обвинили в заговоре Берии. Не вынес позора, хотя, кажется, виновен не был. Так... несколько дней спустя... ночь... вот он.

Грустный призрак в военной форме плыл среди могил.

– А Есенина нет. Призрака нет. Значит, поэт был убит. Смотрю через два дня, через четыре, пять, шесть. Нет его.

Родолена играла на коре дерева, как на клавиатуре компьютера.

– Ну, всё. Спасибо, милое. Пойдём к Есенину.

– А откуда ты узнала об этих людях?

– Прочитала. Сейчас обо всём прочитать можно. Вот могила Есенина. Полтора часа прошло. Где Элеонора?

Мышь показалась спустя несколько минут. Она оживленно пищала и цокала. Родолена сочувственно ей втормила. Они прошли до могилы поэта Сергея Митрофановича Городецкого, и Родолена отдала Элеоноре мешочек с семечками.

На выходе с кладбища Каштанов спросил:

– Ну, и что удалось узнать от Элеоноры?

– Она пробралась в могилу, пощупала череп и сказала, что на нём, кажется, есть какой-то шрам. Но что можно требовать от мыши? Она ведь анатомию человека не изучала. Информацию, полученную от неё, ученым не представишь. Всё, что я сделала, сделала только для тебя, мой дорогой. Чтобы ты был спокоен: историческая загадка решена. Относительно. А теперь – посмотри в пакете зелёную шаль. Я совсем замерзла.

Глава 15. ПРЕВРАЩЕНИЯ

В этот выходной Каштанов работал над статьёй, а Родолена тренировалась. Она училась превращаться, или оборачиваться, как Родолена любила говорить, не снимая одежды.

Для этого она надела зелёное струящееся платье, зелёные чулки, тонкие фисташковые перчатки и туфли. И волосы были тоже зелёными.

– Сережа! Прервись, пожалуйста.

– Две минуты. Мысль хорошую зафиксирую.

Он дописал абзац.

– Весь к твоим услугам.

– Сейчас я обернусь виноградом. Принеси лестницу. Когда по потолку пойдут грозди – три из них сорви. Именно сорви.

Родолена превратилась в виноградную лозу и поползла по потолку. Её лицо проступило в виноградных листьях. Спросило:

– Готов?

– Готов.

Каштанов залез на лестницу и сорвал три желто-зеленые грозди винограда. Родолена приняла человеческий облик. Она сняла с правой руки перчатку. На перчатке отсутствовали указательный, средний, безымянный пальцы.

– Замечательно. Сейчас я обернусь кустом ореха-лещины. Также сорви несколько орехов.

Она надела порванную перчатку и превратилась в куст. Каштанов взял пиалу и сорвал семь орехов. Родолена вернула себе человеческий облик. Перчатки превратились в митенки – перчатки без пальцев. Родолена задорно покрутила розовыми пальчиками:

– Теперь попробуем превратиться в яблоню.

Каштанов сорвал несколько яблок, а у Родолены исчезли пуговицы на платье. Она обернулась грушей – на платье был сорван воротник. Она устало села на диван.

– Все. Я научилась. Теперь давай попробуем виноград, орехи, яблоки и груши.

Каштанов принес щипцы и расколот орехи. Подозрительно понюхал, а потом попробовал виноград. Родолена удивилась:

– Ты что?

Каштанов шкодливо улыбнулся:

– Вдруг они имеют вкус пуговиц, воротника на платье или перчаток.

– Шутишь? Превращение было абсолютно полным.

Она съела виноградину.

– Замечательный виноград.

Каштанов засмеялся.

Родолена сняла митенки и сказала:

– Нет, все-таки я такие не люблю. Греть они не греют. Да и некрасивые. Мне кажется, их надевают те, кто любит выпендриваться.

– Или те, кто превратил пальцы от них во фрукты.

Родолена засмеялась:

– Я поклонник классики. Короткая или длинная, но перчатка должна закрывать ладонь целиком.

Она надела другую пару. Каштанов решил, что Родолена продолжит превращения. Но она скинула платье и туфли и заскочила Каштанову на колени. Родолена сняла ему с носа очки. От перчаток пахло душистой геранью. Он втянул любимый запах, и его охватило желание...

Расслабленные, они лежали с женой на диване. Родолена прошептала:
– Ты знаешь, наверное, проще покупать фрукты в магазине или на рынке.

Глава 16. СОН-ТРАВА

Помимо домашних цветов, Родолене нравились и лесные цветы.

Из весенних цветов сон-трава.

Из летних – венерины башмачки: настоящий, жёлто-лилового цвета и крупноцветковый, дивного фиолетового цвета. Они относились к семейству орхидных, а Сергей Каштанов заметил, что жена далеко не равнодушна к орхидеям. Несколько горшков с орхидеями было у них дома. Эти цветы вызывали у неё какой-то особый трепет.

А с сон-травой у Родолены было явно связано какое-то очень приятное воспоминание. Потому что она при этом закрывала глаза и на губах у неё появлялась мечтательная улыбка. Потом Каштанов понял, что за воспоминание так грело его жену. Потому что каждый год, весной, Родолена звала его в одно и то же место – на пикник. Так ему говорила она.

Каштанов привык, что жена всегда права, поэтому молча собирал шампур, шашлычницу, закупал мясо, брал бутылку легкого мускатного вина, и они с Родоленой садились на одну и ту же маршрутку. Выезжали за город, сворачивали направо, некоторое время шли через лес и выходили на огромную поляну. Впереди были обрыв и река, слева – глубокий сухой луговой склон.

Это и было время цветения сон-травы (прострела) – травянистого растения семейства лютиковых. Дело в том, что Родолена – женщина-растение – любила превращаться в сон-траву. Эти цветы имели две разновидности – нежно-золотистую и фиолетовую. Родолена предпочитала превращаться в фиолетовую разновидность. Сон-трава цвела у начала склона. Родолена оборачивалась сон-травой ненадолго, минут на тридцать-сорок.

И прилетал шмель. Дело в том, что женщине очень нравилось, когда шмель опыляет её. Опыление цветов – половой процесс.

Интимная жизнь Каштановых была гармоничной. Родолена никогда не жаловалась на мужа. Но что-то требовала её натура. Чего-то хотела странная травяная кровь.

К счастью, Сергей Каштанов не вдумывался в такие тонкости. Нравится жене становиться цветком – слава Богу. Слушать ласковое жужжание шмеля, получать на пестик тычинки – это же так приятно.

Каштанов вспомнил, что ещё в детском саду однажды всем детям, и ему тоже, давали после концерта искусственные цветы к майским праздникам. И сделаны были эти цветы из бумаги очень похожими на сон-траву. Жёлтые и фиолетовые. Маленькому Серёже Каштанову достался тогда фиолетовый цветок.

И в этот раз Каштановы пришли и сели, как обычно, на старые брёвна. На это место часто приходили любители пикников, поэтому Каштановы постарались быть пораньше. Сергей поставил шашлычницу, стал готовить угли и шампур. И как всегда, жена сказала ему очень ласковым голосом:

– Серёженька, Бога ради следи, чтоб цветок никто не сорвал. Я стану фиолетовым цветком вот здесь, в самом начале оврага. А то буду я мертвая и без ног. Без корней. Шмель скоро прилетит.

Родолена входила в землю, начиная с правой руки. Вначале ушли пальцы, затем ладонь. Потом уменьшились и исчезли голова, левая рука, туловище и ноги.

На сухой прошлогодней траве осталась только одежда: полусапожки, джинсы, блузка, куртка, косынка...

Прилетел солидный лесной шмель. Он был по натуре своей джентльменом. Родолена за это очень его ценила. И теперь она, ставшая фиолетовым цветком сон-травы, закричала вместе с другими цветами:

– Ко мне, пожалуйста, ко мне! Как я по вас соскучилась!

– Я польщён. Здравствуйте. Я тоже соскучился. Но не всё так просто. Мне надо было разогреть своё тело. Сами понимаете – грудные мышцы должны работать, чтобы я мог гудеть, разогревать своё гнездо и прилетать на цветы раньше других насекомых.

И шмель присел на цветок. Родолена стонала от наслаждения:

– Ах, это ни с чем не сравнимо! Спасибо!

– Всегда рад услужить.

Можно было оставить одежду Родолены там, где она лежала. Тем более что лежали вещи в строгом порядке, так как их хозяйка вот-вот вернётся. Но могли прийти люди. Каштанов бережно подобрал одежду, посмотрел на часы и пошёл жарить шашлыки.

Он увлёкся и совершенно не заметил, как на поляну пришли женщина с маленькой девочкой. А та сразу закричала:

– Мама, ой какие красивые цветочки!

И побежала их рвать. Каштанов услышал эти слова, и его прошиб холодный пот.

– Подождите! – закричал он и помчался навстречу. – Эти цветы нельзя рвать. Они в Красной книге.

Каштанов оказался возле девочки очень вовремя.

Поскольку она уже протянула руку над цветком. От одной мысли, что им могла оказаться Родолена, давление Каштанова взвилось на недосягаемую высоту. Он кое-как перевёл дыхание.

– Не надо рвать эти цветы. Их очень мало. Они могут радовать собой ещё многих людей, кто придет сюда.

– Ну и что. А я хочу сорвать на память. Хоть один цветок. Вот этот – большой, фиолетовый.

И девочка опять протянула руку.

– Не надо! – взвыл Каштанов.

– Да что вы пристали к ребенку, – рассердилась мамаша, – какое вам дело до этих цветов?

– Ну, послушайте! – закричал Каштанов. – Вон там, подальше, метрах в двадцати растут точно такие же цветы. – Вы их сорвите.

– Ненормальный какой-то. Дочка, пойдём туда. Там действительно растут точно такие же цветы.

Девочка испуганно поглядела на совершенно дикого Каштанова и пошла вслед за мамой.

Минуты через две Каштанов расстелил одежду Родолены по земле в таком же порядке. Женщина в неё вошла, точнее – втекла и стала вновь самой собой. Удовлетворённо потянулась, но вдруг увидела серое лицо Каштанова.

Его трясло. Он рассказал жене всё, как было. Она погладила Сергея по лицу, потом встала за его спиной. Поколдовала, делая движения, над его затылком и снижая кровяное давление. Виновато улыбнулась:

– Серёжа, я все поняла. Больше никогда не буду превращаться в цветок в людном месте. Прости, пожалуйста.

Они обнялись и долго смотрели на реку. Река была по-весеннему полноводной, но довольно грязной.

Шашлыки стали аппетитно пахнуть. Каштанов повернул их, и через несколько минут снял с огня.

Родолена нарезала хлеб, огурцы и помидоры. Каштанов разлил в стаканчики вино и произнёс:

– Ты даже не представляешь, как я боюсь тебя потерять.

Родолена серьёзно посмотрела на него:

– Очень хорошо представляю. И люблю, и ценю тебя за это. А мы сейчас за что будем пить?

– За весну.

Глава 17. КЛАДОИСКАТЕЛИ

И Родолена, и Каштанов были бюджетниками. С фиксированной заработной платой. Ассистент на кафедре получает немного. Начальник отдела – значительно больше. Семье из двух человек без детей хватало. Особенно, когда Родолена более-менее научилась управлять своим сгоранием и раздеваться перед этим процессом. Приходилось меньше тратиться на одежду. Но жизнь порой преподносит сюрпризы, и они не всегда бывают приятными.

У Каштанова на работе начались реформы в лесном хозяйстве. Годовые планы стали просто огромными. И однажды отчет о выполнении планов был отправлен в Москву с опозданием. В результате весь отдел лишили премий, и Каштанова как начальника – тем более. В течение двух месяцев на банковскую карту скидывался только оклад без премиальных.

Супруги стали думать о дополнительных деньгах. И Родолена решила заняться поисками клада. Дело в том, что город, в котором они жили, был довольно старым. До революции – купеческим. И, помимо домов кирпичных и панельных, оставалось много деревянных построек. Они, простояв сто с лишним лет, потихоньку гнили, разваливались и сносились. Конечно, памятники сибирского деревянного барокко или модерна восстанавливались. Иначе зарубежным гостям и показать-то было бы нечего. Но фоновая застройка в деревянных кварталах, увы, продолжала гнить и исчезать.

И Родолена решила воспользоваться своим знанием трав, умением с ними общаться, чтобы найти в домах, предназначенных под снос, что-то ценное. Благо, наступил май, и трава, не говоря о деревьях, пошла в буйный рост.

Она не могла этого делать зимой. Родолена говорила:

– Под снегом деревья и травы спят.

Но сейчас, в конце весны, по вечерам они надевали джинсы, старые куртки. Сергей брал небольшую лопату, и супруги шли на старые улицы, где встречались дома с заколоченными окнами, обнесенные панелями и намеченные под снос.

Если там росла хотя бы одна травинка, Родолена присаживалась, что-то шептала, осторожно гладила её и получала нужную информацию. Информация эта, конечно же, была примитивной. Особых мозгов у травы нет. Но кое-что узнать было можно.

В таком-то углу, на такой-то глубине находится металлический кругляшок. Как правило, попадались монеты девятнадцатого века, медные или серебряные. Одна или две. Один раз Каштанов откопал приглашение в Общественное собрание. В другой раз – жемчужную бусинку. В третий раз – старинную бутылку.

Родолена ездила в разные места. Советовалась со старыми деревьями. Особенно – тополями. По вечерам устало говорила Сергею:

– Под вокзалом находится металлический ящичек. Под заводом тоже. Дома старые снесли, здания построили, а ящички не выкопали.

– Наверное, не до того было.

– И всё-таки, не может быть, чтобы нам не повезло. Понимаешь, Серёжа, не может!

И она прижалась горячим лбом ко лбу Сергея.

Один раз, казалось, им выпала удача. Родолена посоветовалась со старым тополем в Буфф-саду, и тот сказал ей, что под ним находится какая-то коробка.

Поздно вечером Каштанов начал раскопки, и коробочку нашли. Часа через полтора. Оказалось – она заполнена пуговицами. Пуговицы были старыми и довольно красивыми, но это были всего лишь пуговицы. Каштанов ничего не сказал. Он дико устал. И на работе, и сейчас, когда надо ходить вечерами и что-то разыскивать.

Родолена засела в библиотеки, пытаясь найти ответ. Она поднимала подшивки старых газет, пытаясь одной ей понятным способом отыскать информацию.

Женщина советовалась со всеми деревьями возрастом больше ста лет. Оставался один район в городе, где они ещё не были.

Маршрутный автобус, который туда ходил, пришлось ждать на остановке довольно долго, но всё-таки он привёз их в этот очень милый район. Они гуляли вокруг старого пруда, рядом с которым росли очень мощные тополя с широкими стволами.

Родолена подошла к одному из деревьев и приложила ладонь к коре. Она поочередно переговорила со всеми тополями вокруг пруда. И улыбнулась:

– Вот здесь. Под этим деревом.

– Опять какой-нибудь ящичек с пуговицами?

– Серёжа, у нас с деньгами – швах. Если у тебя на работе ещё как следует подкрутят гайки, а ты, упаси Бог, не выдержишь и уволишься, на что тогда мы будем жить? Моей зарплаты не хватит. А у тебя и так скачет давление. Каждое утро вся подушка мокрая. Тебе, кстати, надо искать более спокойную работу. Я-то не брошу, и буду любить тебя даже нищим, как Евтушенко в своем стихотворении говорил. Но сейчас, пока судьба нам благоволит, почему бы не воспользоваться её дарами? Эти деньги и так сто лет лежат в земле. Пора их извлечь наружу. Надо, чтоб на книжке находилось хотя бы тысяч пятьсот. Это минимум. Если что со мной случится, чтобы тебе хватило на первое время.

– А что с тобой может случиться?

– У меня не выходят из головы слова Николо из его телефонного разговора с Джованни: «Придёт время – она сама прибежит ко мне». И ещё: «Срок её жизни – меньше, чем у обыкновенного среднего человека». О каком времени он говорил? Может, о том, что циклов между стораниями и возрождениями остаётся у меня все меньше...

Каштанов поморщился, потому что это было правдой. Только эту правду он всё время от себя отгонял. Сергей переключился на поиски.

– Ты уверена, что мы здесь что-то найдём?

– Тут старый купеческий район. Даже дома и церковь сохранились. Сейчас проверим.

Её правая рука видоизменилась. Указательный палец стал вытягиваться и уходить в землю. Минут через десять рука приняла свой обычный вид. Родолена достала влажную ароматизированную салфетку и старательно вытерла кисть руки.

– Метра полтора. Копай вот в этом месте. Земля рыхлая. Всё будет замечательно.

Темнело. Хорошо, что лопата была острой. Каштанов копал до тех пор, пока не услышал долгожданного звяканья металла о металл.

– Отдыхай, родной. Теперь все в порядке.

Сергей вытащил небольшой сундучок, и они с женой спрятали его в просторную сумку. Каштанов тщательно все закопал. Родолена старательно стряхнула с Сергея песок и глину.

Дома Сергей Каштанов аккуратно вскрыл сундучок. В нем были золотые и серебряные монеты девятнадцатого века. Много. Настоящее богатство. Каштанов как-то даже не думал, что будет столько. Он спросил:

– А во что на этот раз у тебя превратилась рука?

– В корни одного растения, которые очень быстро вытягиваются в длину.

Родолена помассировала кисть.

– После этих превращений руки всегда ноют.

Каштанов удивлялся – как Родолена всё хорошо продумала. У него на книжке лежала теперь весьма порядочная сумма. Причём деньги были положены на счет Сергея. Себе Родолена не отложила ничего, считая себя с мужем неразделимыми. Тут было ещё одно соображение. Если Родолена Каштанова сторит и не возродится, снять деньги с её счета будет Сергеем лишней головной болью.

А впрочем, с работы Каштанова пока не увольняли, и жизнь была неплохой. У Родолены тоже дела складывались вполне прилично. По крайней мере, не хуже, чем были.

Глава 18. ДРАКОНОВОЕ ДЕРЕВО

Родолена не могла иметь детей, потому что она была женщиной-растением. Об этом она сказала Сергею ещё при первом знакомстве. Она могла стать кустом, цветущим одним-двумя крупными фиолетово-голубыми цветками.

Каштанов не воспринимал бездетность как проблему. К тому же в душе он сам был большим ребенком, нуждавшимся во внимании. И такое внимание с лихвой получал от Родолены. Со своей стороны, всю зарплату до копейки Каштанов отдавал ей, полностью полагаясь на её вкус к ведению хозяйства. И никогда не пожалел об этом.

Иногда он удивлялся, как интересно сложилась его судьба: найти такую необычную женщину, с такими способностями!

В последнее время Каштанов стал мечтать о море. О море с маленькими двойными ракушками и моллюском посередине, которые в Италии используют в пищу для спагетти с морепродуктами. И мелкими серыми остроконечными витыми раковинами с раками-отшельниками, и крохотными округлыми буро-лиловыми ракушечками. А повсюду плавают медузы – мелкие, на которых можно не обращать внимания, и крупные. Этим стоит опасаться, боясь ожогов. А над клумбами летают редкие бабочки махаоны. Всего этого нет в Сибири, но морской бриз очень нужен слабейшему с возрастом здоровью.

Дома Каштанов, как всегда, сел на диван и включил телевизор. Через некоторое время жена позвала ужинать. После плова Родолена подала на десерт сладкое из льняного семени и сахара. Поджарила семя, залила сахарным сиропом. Получилось очень вкусно. Родолена смотрела, как Сергей насыщался.

– Серёжа, не знаю, как тебе сказать.

Каштанов расслабленно улыбнулся:

– Как-нибудь скажи.

– Нам, похоже, надо будет в отпуск съездить на Канарские острова.

Каштанов присвистнул:

– А что так далеко?

– Ты не думай, у меня нет желания изображать из себя новую русскую. Просто на Канарских островах растёт дракононое дерево. Очень редкое и необычное. А у

меня... У меня срок жизни к концу подходит. Я тебе не говорила. В последнее время я стала сильно слабеть. И недавно списалась с ботаником Николо. А он в письме сказал, что женщины-растения живут пятнадцать лет. И помочь мне, похоже, может только драконовое дерево. Его смола. Только она способна немного продлить мне жизнь. Дело в том, что когда-то изначально родоленовые кусты росли рядом с драконовыми деревьями. То ли корни соприкасались, то ли что, но драконовое дерево словно подпитывало наши жизни. Своеобразный симбиоз. Правда, деревья эти очень редкие, и растут только в нескольких местах.

Каштанов клял себя. Ведь видел, что с женой неладно. И что кожа её приобрела серый оттенок, видел. И что утомляться она стала часто. Списывал это на её работу в университете. Скрыл тревогу, улыбнулся:

– А сколько этих Канарских островов?

– Семь. Фуэртевентура, Гран Канария, Йерро, Ла Гомера, Ла Пальма, Лансароте и Тенерифе. Вот на Тенерифе нам с тобой и надо будет поехать.

– А почему именно туда?

Там есть город – Икод де Лос Винос. А в нём – очень старое драконовое дерево.

Сергей сладко потянулся:

– А море там хорошее?

– Там Атлантический океан.

– Ну, если океан – тогда поедem.

– Спасибо.

– Пока не за что.

Пришло время отпуска. Началось привычное оформление туристической путёвки.

Каштановы прилетели на Тенерифе. Разместились в отеле.

В ближайшее свободное время пошли искать это дерево.

Родолена спасалась от солнца широкополой шляпой.

Дерево и вправду было величаво. В высоту около двадцати метров. Его крона была похожа на огромную шляпу гриба. Или на зонтик. Но ствол в диаметре достигал четырех метров. Листья кожистые, острые, до шестидесяти сантиметров в длину и около четырех сантиметров в ширину.

– Эти деревья могут доживать до пяти тысяч лет, – сказала Родолена.

Она подошла и взяла в металлический стаканчик смолы. Смола была красного цвета.

– Кровь дракона, – улыбнулась Родолена.

– Теперь твоя жизнь продлится до пяти тысяч лет, – улыбнулся Каштанов.

– Если бы. Дай Бог, ещё лет пять протянуть. Это обычный человек может до ста двадцати лет дожить. И не доживает он только потому, что злоупотребляет алкоголем, табаком, да и экология оставляет желать лучшего. А возраст женщин-растений ещё никто не мог продлить. Пятнадцать лет – и всё. Я попытаюсь поставить на себе эксперимент – может, кровь дракона сумеет помочь.

Она погладила дерево.

– Теперь, Серёжа, когда я сгорю, мое зерно тебе придется вначале окунать в смолу, а уже потом поливать. Посмотрим, на сколько её хватит.

Они прошли в относительно безлюдное место, где было несколько пальм.

Родолена помазала этой смолой за ушами, потом запястья и в районе горла. Её лицо и руки сразу порозовели.

Но вдруг Родолена запрокинула голову назад и стала содрогаться. Она сжала пальцами виски. Какое-то время женщина стояла, раскачиваясь. И внезапно отдели-

лась от земли. Как будто стала очень легкой. Она летела по воздуху. Шляпа свалилась с головы. Родолена была уже на уровне вершины кроны. Но она успела схватиться за пальмовый лист и зависла в воздухе.

Ветер был довольно легким. В Родолене будто бы не стало веса.

Каштанов стоял у пальмы и не знал, чем помочь. Почему-то у жены пропал голос. Она умоляюще смотрела. Держась одной рукой за пальму, пыталась жестикулировать другой. Каштанов влез по стволу метра на два. И Родолена сама, перехватываясь, попыталась спуститься вниз. Так они продвигались друг к другу, а когда сблизились, Сергей схватил руку Родолены и осторожно начал спускаться. Оказавшись на земле, обнял совершенно невесомую жену.

– Что случилось? Чем помочь? – бормотал он.

– Сейчас пройдет, – прошептала Родолена.

Она начала постепенно тяжелеть, пока не приобрела более или менее нормальный вес.

– Видимо, сила драконового дерева входит таким образом. Спасибо, Серёжа, что поймал меня. А то бы улетела твоя жена в дальние края.

– Ты сама успела зацепиться за пальму.

– Зацепиться-то успела, а до земли могла не добраться.

Родолена глубоко вздохнула:

– Теперь буду знать, что после нанесения на тело смолы я примерно на полчаса становлюсь легче древесного семечка. Значит, это надо делать только дома.

Глава 19. СНЕГИРЬ

Начальник отдела Каштанов устало потёр глаза, отвлекся от компьютера, встал и посмотрел в окно. Перед управлением росло пять лиственниц. И на одной из них полыхал красной грудью снегирь. Он что-то щебетал увлеченно и активно. Говорил: «Фью-фью». При этом смотрел прямо на Каштанова.

Было начало марта. В марте, вообще-то, снегири улетают в лес на гнездовые участки. А этот словно хотел о чем-то предупредить.

Ещё держался снег, но что-то чувствовалось. Когда Сергей после работы вышел на улицу, воздух ему показался уже весенним. Каштанов машинально посмотрел на лиственницу и очень удивился.

Снегирь не улетел. Он спустился на нижние ветви, смотрел на Сергея и опять что-то увлеченно насвистывал. Словно предупреждал о чем-то.

И тут зазвонил сотовый телефон. Каштанов взял его и услышал голос, который пятнадцать лет назад грезился ему во сне. Этой женщине он посвящал стихи. Её звали Анжелика.

– Здравствуй!

– Здравствуй!

– Не узнал, что ли?

– Узнал.

– И что?

– А что?

– Встречаться-то будем или нет?

– Давай встретимся.

– Что-то радости в голосе не слышу.

– У меня многое изменилось.

– И всё-таки?

– Давай увидимся.

– Где, когда?

Сергей был взволнован. Жизнь отладилась. И тут снова эти переживания. Но он уже был не тот, что прежде. Родолена за полтора десятка лет настолько властно вошла в их совместную жизнь, что расставаться с ней никакого желания и возникнуть не могло. Каштанов начал прокручивать в голове все перипетии своих отношений с Анжеликой. Это было время, когда молодой поэт Сергей Каштанов блистал на городских конкурсах поэзии и безумно любил Анжелику. Отношения были очень бурными. Они ссорились, мирились...

У Сергея Каштанова была очень характерная черта. Он всегда все свои дела доводил до конца.

Каштанов выбрал кафе неподалеку от своего дома. Оно было в итальянском стиле.

Она опоздала всего на пять минут. За это время Родолена успела позвонить Каштанову. Он пригласил её в это же самое кафе, предполагая, что долго в нем не задержится. Годы Анжелику почти не изменили. Тёмно-русые волосы, золотистого цвета глаза, чуть вздернутый нос, правильный драконий рот. Каштанов поднялся, снял с неё пальто. Она внимательно его осмотрела с головы до пят, улыбнулась:

– Ты хорошо выглядишь.

– Да. Думаю, что да.

– На прежнем месте? Инженером?

– Начальником отдела. А ты как живёшь?

– Живу. Работаю менеджером. Ты женат?

– Да. А ты?

– Я свободна. Точнее – в разводе. А у тебя – кто она?

– Преподает ботанические предметы в университете. Ассистент.

– Дети есть?

– Нет.

– А тебя возраст не тревожит?

– Человек рождается и умирает один. Может – потом когда-нибудь. А у тебя дети есть?

– Дочка. Она родилась через полгода после того, как мы расстались.

– От твоего бывшего мужа?

– Носит его фамилию, но похожа на тебя. Я генетическую экспертизу не проводила. А ты счастлив?

– Как никто на свете. Моя жена сейчас подойдёт.

И Родолена подошла. Они познакомились, поговорили очень короткое время. Женщины оценили друг друга, и Родолена пошла домой.

Анжелика прищурилась ей вслед.

– И ты на ней женат и любишь её?

– Да.

– Но ведь она... Она как растение. Такое ощущение, что у неё нет своего мнения совсем. Она растворилась в тебе.

– Ну и что? Это и есть любовь.

– Для тебя это любовь? Твоя Родолена – без бутылки такое имя не выговоришь – она никакая. Она несвободна.

– А что такое – свобода? Родолена может уйти от меня, когда ей вздумается. Но сомневаюсь, что уйдёт. Ей со мной хорошо. А мне – с ней.

– Ты всегда отличался эгоизмом.

– А ты вспомни, как мы расставались. Я предлагал тебе выйти за меня замуж, а ты говорила...

– Это было давно.

– Ты говорила мне, что пыталась меня полюбить. Дважды. Не смогла. Что ты хочешь от меня? Мне пришлось выкинуть тебя из сердца.

– Чтобы впустить туда это растение?

– Ты так говоришь, потому что тебе нечего сказать. Родолена прекрасна. И я очень счастлив.

– Раньше ты приглашал меня домой.

– Я могу тебя пригласить и сейчас к нам домой. Но будешь ли ты счастлива? Мы создали свой мир. Нам вдвоём в нём хорошо.

– Нет, пожалуй, не стоит. Мой телефон у тебя определился. Звони.

– Тогда прощай.

Каштанов подозвал официанта, рассчитался за обоих, поднялся и вышел.

Дома он снял пальто и прошёл на кухню.

Родолена задумчиво смотрела в окно. На дереве горделиво сидел снегирь.

– Сегодня я зашла на кафедру, но тихо. И услышала, как наши кафедральные дамы говорят о тебе.

– Обо мне?

– О тебе. «Такой красивый седеющий мужчина. И что он в ней нашёл?»

Каштанов подошёл к окну, обнял Родолену за плечи и поцеловал в затылок.

– Это правда. И что я в тебе нашёл?

– Смотри, Серёжа! Он прощается.

– Кто?

– Снегирь.

– Это ты его позвала?

Родолена помолчала, потом сказала загадочную фразу:

– Птицы очень мудры.

Форточка была открыта. Снегирь протяжно пропел: «Дию» и улетел.

Глава 20. ЧЕТВЁРТАЯ СВАДЬБА

– Ты не хочешь сходить со мной на свадьбу? – спросил Каштанов, когда вечером они с Родоленой расположились у телевизора.

– На какую? – улыбнулась Родолена.

– Друг у меня в очередной раз женится. В четвёртый.

– А кто он?

– Он врач. Я тебе о нём не говорил. Потому что он как-то много лет не появлялся на горизонте.

– Любопытно.

Лет до тридцати, до знакомства с Родоленой, у Каштанова было два друга. Он был тогда бедным инженером, и друзья его особым богатством тоже не отличались. Потом Сергея повысили до начальника отдела. А до этого он встретил Родолену, и его жизнь полностью изменилась.

Каштанов никогда особенно не нуждался в мужской дружбе. Он нуждался постоянно в любимой женщине, которая была бы и женой, и сестрой, и матерью, и другом.

Каштанов не был очень уж честолюбивым человеком. Он был, скорее, рабочей лошадкой. Если по работе приходили какие-то грамоты или благодарности, Сергей воспринимал это иронично. Однако всегда им радовался, полагая, что зря государство награждать не будет. А счастливый случай может и не повториться.

Честолюбие проявлялось, когда он следил за регулярностью публикаций своих статей. Но работа его отдела была преимущественно производственная, и научные статьи выходили редко. На них у Каштанова не всегда хватало времени.

Ему приходилась все время контролировать своё давление, ибо склонность к гипертонии, особенно в последние годы, была очень выражена.

Друзья были очень разными людьми, периодически встречались, сбрасывались, покупали пива или чего покрепче. Особой привязанности между ними не было, но всё-таки что-то сближало эту троицу – инженера Каштанова, пропойцу-художника и врача.

Весьма пьющий художник не так часто появлялся на горизонте. Он жил в Академгородке, а туда Каштанов ездил редко. Только в том случае, если надо было, говоря по-простому, оторваться. Через несколько лет художник умер от цирроза печени, и Каштанову на память остался портрет. Художник изобразил Сергея в молодые годы.

С врачом они встречались чаще. Тот был интеллигентным человеком. Звали его Евгений. Познакомились они в студенческой туристической поездке. В городе Бишкеке.

Когда вернулись, Каштанов помогал ему выносить из квартиры старую мебель, ибо тот решил сменить обстановку.

Впоследствии он регулярно звал Каштанова на свои свадьбы. Сергей приходил. Евгений любил розы.

Каштанов гулял у него на трёх свадьбах. Брал гитару и пел под неё. Он гулял у Жени не только на свадьбах, но и на презентациях – открытиях кафе. Одно время тот занимался пищевым бизнесом.

Это были весёлые праздники. Гости отрывались по полной программе.

Потом стали появляться явно заказные статьи, в которых то неизвестный клиент писал, что кулебяка в кафе была с червями, то ещё какие-то голословные обвинения предьявлялись. Женю это потрясло, он свернул бизнес, тем более что тот не был особо прибыльным. И занялся своим основным делом – лечением людей. Каштанов ещё раз помог ему: надо было очистить от мусора здание, намеченное Евгением под частную клинику за городом. Но и клиника особого дохода не приносила, Женя перевёл клинику в город, поменял её профиль, и только после этого дела стали налаживаться. Он пропадал на долгое время, потом снова звонил.

Сергею стало неудобно, что не позвал Женю на свою свадьбу с Родолоной. Но ведь и свадьбы как таковой не было. Просто посидели тогда вдвоём в кафе.

Каштановы долго обсуждали, какой бы Жене сделать подарок. Сошлись на том, что розы купят обязательно. Но хотелось сделать что-то необычное.

– Я знаю, – сказала Родолена. – Ты спой какую-нибудь из своих божественных песен.

– Б-р-р.

– Не б-р-р, а спой. И не романс, а что-нибудь одновременно мелодичное и с быстрым ритмом. Чтобы я могла бы станцевать под неё и сделать сюрприз гостям.

– Я никогда не видел тебя танцующей.

– Да я и сама не пробовала. Но ритмы какие-то появились, они внутри меня и осталось только сделать рисунок танца.

– А какой сюрприз ты хочешь приготовить?

– Не знаю точно, но что-нибудь придумаю. Только сделай песню, какую я прошу.

Легко сказать – сделай. Раньше над песнями Каштанов работал подолгу. Но тут, как ни странно, песня появилась быстро. Часа за два.

В назначенное время Каштанов с женой пришли в кафе «Медведь».

В своём зелёном шёлковом платье Родолена сияла.

Дородный тамада лет тридцати пяти вел программу. Сценарий был как на обычной свадьбе. Произносились тосты за молодых, за родителей и так далее. Очередь дошла до Каштанова и Родолены.

Сергей взял гитару, а Родолена вышла на середину зала. Каштанов запел. Куплеты были медленными, а припевы – очень быстрыми, ритмичными.

Под первый куплет Родолена пошла плясать. Пока медленно. А когда пошел быстрый припев, Родолена внезапно превратилась в апельсиновое дерево. Она кружилась вокруг своей оси, а на тарелки гостям посыпались спелые апельсины. Обалдевшие гости наградили выступающих бурными аплодисментами.

Потом она опять обернулась в человека, движенья снова стали медленными. Но вот под припев она превратилась в яблоню и спелые красно-желтые яблоки падали на тарелки.

Завершила свой танец, став грушей, и в тарелках заблагоухали ароматом свежие «конференции». Это был совершенно фантастический номер. Гости сидели, раскрыв от изумления рты.

– Как вы это делаете? – в десятый раз вопрошал между номерами тамада. – Умоляю, давайте обменяемся сотовыми телефонами.

Наступило время прощания.

– Старик, ну я в полном отпаде. Это было волшебное, – говорил Евгений. Его молодая жена с пожирающим любопытством смотрела на Каштановых. – Ты приходи в гости. А то всё как-то некогда.

– Да мы заглянем, заглянем, – успокаивал его Каштанов, помогая Родолене надеть плащ.

Они шли по осеннему вечернему городу. Родолена загадочно улыбалась:

– Серёжа, а может плюнуть нам на нашу работу, пойти в искусство? От желающих ведь отбою не будет. Только таксу установить чёткую. Миллионерами станем.

Каштанов погладил её по волосам.

– А сил у тебя на это дело хватит?

Родолена грустно вздохнула.

– К сожалению, сил-то как раз в обрез.

Глава 21. НИКОЛО

Родолена слабела. Кожа приобрела сероватый оттенок. Женщина пудрилась, пользовалась косметикой. Однажды она сказала:

– Надо позвонить Николо. Может, что-то посоветует. Хотя вряд ли. Но это единственный выход.

– У тебя есть его номер телефона.

Родолена позвонила. Николо ответил. Он был уже стар. Давно переехал с Мадагаскара в Рим. В его тоне не было ни удивления, ни сострадания.

Можно было попросить Николо сделать приглашение, но этого не захотела Родолена. Поэтому Каштановы взяли тур в Италию и начали оформлять документы.

Вечером «газель» увозила Каштановых в Новосибирск. А потом – перелет Новосибирск–Москва–Рим. Аэропорт Фьюмеччино. В столице Италии Родолена и Сергей сняли номера в недорогом отеле.

Была середина апреля.

Каштановы гуляли в парках вилла Торлония, вилла Боргезе. Сфотографировались у памятника Пушкину. Родолена созвонилась с Николо. Она говорила по-итальянски. Он назначил встречу.

Николо был седой человек с большой лысиной, идущей ото лба, глубокими морщинами и двумя бородавками на правой щеке. Но выглядел не стариком, а пожилым мужчиной. В глазах сверкал огонь.

Он долго смотрел на Родолону, потом попросил показать ему руку. Родолена протянула ему ладонь. Николо внимательно посмотрел на кожу и ногти. Потом глянул

на лицо, очень внимательно посмотрел в глаза, потрогал щеку Родолены. Криво усмехнулся:

– Когда вы последний раз сторали и возрождались?

– Две недели назад.

– Удивительно, что возродились. Я изучаю женщин-растений пятьдесят пять лет.

Вам осталось жить месяца два. Благодарите своего мужа. Он очень хорошо заботится о вас. Следующее сторание будет последним. После него вы не возродитесь. Вам всё понятно?

– Да.

Родолена ни единым вздохом не выдала свое настроение.

– Я вам предлагал, когда вы были молоды. Вы и сейчас не стары, но это по человеческим меркам. Срок жизни женщин-растений пятнадцать лет. Правда, и тогда вам пришлось бы пожертвовать жизнью, вернее, существованием. Но вы дали бы жизнь новому кусту. Что ж, вы протянули двадцать лет. В российском паспорте вас оформили двадцатилетней. Вам повезло. Когда-то вы были самым лучшим моим экземпляром. Зерно было очень крупное. Эх, если бы его по ошибке не услали в Сибирь. В той партии, было ещё одно зерно. Менее крупное. Пришлось его посеять через пять лет. Самый здоровый возраст. Следующий куст был более пышным. Кстати, можете познакомиться. Долли, зайди ко мне, голубушка! Между прочим, это ваша, как бы сказать... племянница.

Вошла черноволосая девушка в джинсах и белой блузке. Каштановы поразились. Она была похожа на Родолену как родная дочь.

– Долли Наро. Прошу любить и жаловать, как у вас в России говорят. Её способности очень похожи на ваши, Родолена. В растениях разбирается как никто. Кстати, пишет диссертацию. После вас, Родолена, это моя самая большая удача.

Родолена усмехнулась. Николо сел за стол.

– Николо, вы по-прежнему хотите подавать на Нобелевскую премию?

– Не знаю. Я становлюсь стар. А к старости исчезает честолюбие.

– Из этой девушки вы тоже планируете сделать куст?

– Тоже не знаю. Скажу по секрету, предпочёл бы из кого-то другого. К ней я привык. Как к родной дочери. Она называет меня отцом.

– Вот так же и я привыкла к Серёже. А вы подсылали ко мне Джованни.

– К сожалению, наука не оперирует такими терминами, как «любовь» и «дружба». И эту науку надо было развивать. У меня тогда хватило ума отозвать Джованни. Кстати, я отдаю должное вашей придумке с собачьими волосами. С ними пришлось повозиться. Впустую.

– Скажите, Николо, а вам известна такая женщина – Аньелла Дор?

Старик замолчал, потёр мочку правого уха. Потом неторопливо встал, подошёл к шкафу и вынул из него небольшую розовую папку с материалами. На папке было написано «Аньелла Дор». Николо подал папку Родолене, потом спросил:

– Вы нашли о ней какие-то сведения?

– В пределах старых газет и афиши. Какая была её дальнейшая судьба?

– У неё была печальная судьба, если такую судьбу можно назвать печальной. Она была печальна с точки зрения обывателя. А с точки зрения учёного и вклада в науку – судьба Аньеллы Дор счастливая. В папке вырезки из газет тех лет. Одно время собирал. Я догадывался, что она могла гастролировать в вашем городе в конце девятнадцатого века. Кажется, это был тысяча восемьсот девяносто второй год?

– Да.

– После гастролей в вашем городе она дала ещё два или три концерта и уехала в Европу вместе со своим мужем Александром Ореховым. Неведомо откуда взялось её

зерно в России. Попало оно к этому самому Орехову. Он был всю жизнь циркачом. Вначале униформистом – обслуживал арену во время представлений. Судя по всему, она превратилась в женщину во время дождя. А когда Орехов с ней познакомился и пообщался, то понял, какое сокровище ему досталось. Почему она назвалась Анной Дуровой, я не знаю. Видимо, какие-то манипуляции с документами.

И старик очень внимательно посмотрел на Родолену. Она ненадолго покраснела, потом улынулась. Николо продолжил:

– Свой цирк он бросил. Анна Дурова стала Аньеллой Дор, и они начали самостоятельные гастроли. Я не знаю, любил он её или нет. Видимо, любил, раз они поженились. Но работала она как каторжная. Время между циклами сгорания и возрождения, как вы знаете, три месяца. Ну, плюс один-два дня. Бедняжка иногда сгорала и возрождалась три-четыре дня подряд. Огромная трата сил. Но деньги они сэкономили. Она не давала ему пить и всю бухгалтерию держала под строгим контролем. Однако весь свой потенциал Аньелла израсходовала года в два. Когда они приехали в ваш город, её силы оказались на пределе. По окончании гастролей они уехали в Ниццу. Деньги-то были – здоровья не было. У Аньеллы. Она купалась в море, обедала с Ореховым в дорогих ресторанах... Ничего не помогло. Аньелла, видимо, почувствовала, что может не возродиться, и уговорила своего мужа посадить зерно. Только не в Ницце, а в другом городке, неподалеку от Монако. К счастью, там жил мой дед.

– И Орехов согласился?

– Она болела. Аньелла вообще могла не дать никакого куста. Но у ней был ещё один – последний цикл. И куст появился! Этот куст дает очень красивые, бирюзово-лиловые большие цветы. Но всего один или два. Через несколько дней цветы опадают, а куст в этот же год засыхает и гибнет. Но семена, драгоценные изумрудные семена, дающие женщин-растений, они есть. Вот, смотрите. Это ваш куст, куст, который вы, Родолена, могли бы дать, если бы согласились.

Николо показал цветную фотографию цветущего куста – действительно, очень красивого. Старик разволновался, отхлебнул чаю из чашки, принесённой Долли. Родолена посмотрела снимок, но осталась равнодушной. Только спросила:

– А какая судьба была у Александра Орехова?

– Очень грустная. Он пропил и проиграл в казино все деньги, которые Аньелла заработала. Ходят слухи, что на последние монеты купил бутылку вина и револьвер. Заказал яхту и, выпив вино, покончил с собой в море.

Глава 22. ДОЛЛИ НАРО

Николо помолчал и спросил:

– Куда вы поедете дальше?

– Заедем в Венецию, Верону и Милан, а потом – во Францию с заездом в Монако.

– То есть в Ницце вы остановитесь?

– Да, с двумя ночёвками.

– У меня к вам будет одно необычное дело. Но, зная вашу тонкость, Родолена, я хотел бы вас попросить. Дело в следующем. В Ницце находится призрак Аньеллы Дор. Родолена до крайности удивилась.

– Но ведь она не кончала с собой. Какой смысл призраку маяться на этой земле? Скорей, это призрак Александра Орехова должен был остаться. Он ведь, как вы сказали, покончил самоубийством.

– Призрак Орехова мог находиться на этой земле, пока не настало время его естественной смерти, если бы он не покончил с собой. Это наказание для самоубийц – они возвращаются на дожитие, либо находятся это время в виде призрака. Но почему-то

призраком стала Аньелла Дор, а она этого, согласитесь, не заслужила. Возможно, решили, что её частые циклы и есть самоубийство, но тогда почему, по прошествии более ста лет, её душа ещё на земле...

– А что я должна сделать?

– Да просто поговорить с девочкой. Если сумеете – помочь. Если нет – так нет. Когда я был в Ницце, то видел её. Но она не стала со мной разговаривать. А я хотел помочь. Может быть, её душа зацепилась за жизненный цикл какого-то растения. Такое бывает, но крайне редко. Она крутится у побережья. Давайте, я вам на бумаге нарисую.

Николо нарисовал. Родолена задумчиво сказала:

– В нашем городе я однажды видела Аньеллу Дор, прислонившись к старой липе. Помнишь, Серёжа?

Каштанов утвердительно кивнул. Николо улыбнулся.

– Это не призрак. Это всего лишь память старой липы. Энергетические наслоения. А в Ницце – настоящий призрак.

Долли показала Родолене и Сергею теплицы и цветы в них. Родолена и Долли вернулись и отошли в другую часть комнаты. Повсюду стояли шкафы с книгами и горшки с цветами. Женщины пристально смотрели друг на друга. Долли спросила:

– Так вы из России?

– Да.

– Никогда там не была.

– Я в Италии тоже в первый раз.

– Как у вас хватило смелости отказаться от предложения Николо?

– Я не хотела превращаться в куст. И потом – любовь. Любовь выше науки, Долли. Любовь вообще – выше всего. Но за неё и платить приходится очень высоко.

– Я могу вам чем-то помочь?

– Вряд ли. Я хочу только пожелать вам найти свою любовь.

– Я не знаю, что это такое.

– Если суждено, узнаете. Прощайте.

– Прощайте.

И Каштановы ушли. Какое-то время Долли сидела на стуле, задумавшись. Вдруг вскочила, забежала в свою комнату, а потом помчалась им вслед.

К счастью, они далеко не отошли. Сергей и Родолена сидели на лавке под сосной в своей излюбленной позе. Родолена положила голову ему на плечо, а он обнял её левой рукой, а в правой держал её ладони и грел их, перебирая пальцы.

Долли подошла к ним и сказала, чуть запыхавшись:

– Возможно, мы не увидимся. Вот, возьмите в подарок.

И подала красивый золотисто-розовый платок с изображением Колизея. Родолена посмотрела на неё своими изумрудными глазами и взяла подарок.

– Спасибо, Долли! Мне он будет напоминать об Италии. Что же вам подарить? Головного убора я не взяла. Платка у меня тоже нет. Может быть, это...

Родолена достала из сумочки маленькую книгу. Стихи Вознесенского.

– Не знаю – понравится ли вам. Для этого надо изучить русский язык. Хотя у него, я думаю, были переводы на итальянский. Мои руки мерзнут просто кошмарно. Серёжа согревает меня почти двадцать лет. Ваш отец всё-таки подумал обо мне косо.

– А вам самой не понадобится эта книга?

– Мне жить осталось не очень долго. Мы в Риме ещё будем два дня. Съездим на кладбище Тестаччо, ходим в Ватикан. Хочу посмотреть собор святого Петра. Итальянцы – добрый народ.

– Я никогда не видела призраков.

– Знаете, Долли, я тоже. Надеюсь, Аньелла не страшная.

– Скажите, а у вас нет сожаления, что жизнь так быстро пролетела?

– Есть, конечно. Но, Долли, я все двадцать лет прожила как один день.

Каштанов сказал первую фразу за время знакомства:

– Мы очень бережно относились друг к другу. Ни разу не поссорились. Мы ловили каждое дыхание друг друга как награду.

– Поверьте, Долли, это правда. Я не отказалась бы ни от одной минуты. После меня останутся научные статьи в журналах, куча всяких женских тряпок и много домашних цветов. Да и что такое смерть в нашем с вами понимании? Пустая зелёная оболочка от зернышка?

Они очень тепло попрощались. Когда Каштановы сидели в кафе у Колизея, пили красное вино и ели пиццу с морепродуктами, Родолена грустно произнесла:

– Ну, вот и всё. Помнишь, когда-то в Париже мы не знали ничего. А теперь всё абсолютно ясно. Хотя я и бодрилась в разговоре с Долли, на самом деле – очень тяжело.

И Родолена стёрла слезу с лица Каштанова. Хотя у самой глаза были полны слёз.

Каштановы съездили в Милан с готическим собором Дуомо. Побывали в изящной Вероне с домом Джульетты. Погуляли по мостам и улочкам Венеции, поплавали на гондоле. Купили сувениры в магазинчиках на мосту Риальто.

В княжестве Монако супруги не пошли в казино, долго осматривали парки и сады.

В розарии Принцессы-Грейс Родолена не выдержала. Ушла из своей одежды и минут на пять превратилась в розу, потом – в другую. Это было волшебное зрелище.

Родолена осмотрела розарий, ныряя в землю, видоизменяясь в цветы. Цветов было множество. Розы необыкновенной красоты и ароматов. Каштанов улыбался, потому что узнавал розы, в которые превращалась жена. Они были весьма необычны. В них мелькало лицо Родолены.

Поплавав среди цветов, Родолена аккуратно обернулась человеком, точно войдя в свою одежду.

– Ах, это необыкновенно! Я превращалась последовательно в несколько десятков кустов роз, а их тысячи. Спасибо, Серёжа, за этот царский подарок. На свою зарплату ассистента я бы никогда не смогла сюда приехать.

Каштанов улыбнулся:

– В платке, который подарила Долли, ты сама напоминаешь розу.

– Долли умница. Кстати, она тоже может научиться превращаться в цветы. Если уже этому не научилась.

– Экзотические кактусы пойдём смотреть?

– А времени хватит? Когда на автобус?

– Должно хватить.

– Только в кактусы я превращаться не буду.

Глава 23. ПРИЗРАК УСЫХАЮЩЕЙ СОСНЫ

После Монако была Ницца.

Удивительный, тёплый город. Цветущие малиновым цветом олеандры. Бирюзовая морская вода. Открыточный отель «Негреско». Английская набережная.

Они пошли по берегу моря, поднялись на Замковый холм. Шли, словно по спирали. Повсюду росли деревья и цветы.

Одна сосна была пожелтевшей. Возле неё Родолена сказала Сергею:

– Вот здесь надо караулить призрак Аньеллы Дор. Придётся эту ночь не ложиться спать.

– Но хотя бы сейчас-то мы пойдём и вздремнём? Ещё день белый.

– Да, часов до одиннадцати вечера можно.

Они действительно вздремнули в номере отеля.

Стемнело. Сергей и Родолена вышли из отеля и направились к холму. Поднялись на него. Обнявшись, сидели на лавке. Прошло около трёх часов.

Родолена задрожала:

– Серёжа, вон она!

У сосны показалась синеватая тень. Она походила на сгусток воздуха. Чем дальше Родолена и Сергей всматривались в ночную Ниццу, тем отчетливей была видна фигурка в платье девятнадцатого века и лёгкой шляпке.

– Аньелла! – негромко позвала её Родолена.

Фигурка вздрогнула, посмотрела на Каштановых, но убежать или исчезать не стала. Наоборот, подошла, вернее, подплыла к ним.

– Кто вы?

– Туристы.

– Тембр голоса. У женщин-растений особый тембр голоса...

У неё самой был странный, глуховатый голос.

– Здравствуйте, Аньелла!

– Здравствуйте! Как вас зовут?

– Родолена.

– А мужчину с вами? Как он похож на Сашу!..

– Сергей, – представился Каштанов.

– Откуда вы обо мне узнали?

– От Николо.

– Неприятный человек. Я видела его лет сорок назад.

– Сейчас он старик.

– Что вам от меня нужно?

– Поговорить.

– Времени много. Спрашивайте. Я не стала бы к вам подходить, если бы не узнала в вас мою пра-пра-правнучку.

Лёгкая Аньелла села напротив них на цветок. Родолена взволнованно спросила:

– Что с вами случилось, когда вы сгорели?

– Вы ведь тоже скоро сгорите, так? Я это чувствую по вашему голосу и по виду. И сгорите вы навсегда. Бедный Серж. Он вас любит. Не повторите моей ошибки. Всё очень просто. Когда мне стало совсем худо, перед сгоранием, я обняла эту сосну. Ослабела и обхватила дерево. И частично перешла в неё. Моя душа стала частью души сосны. А сосна живёт и двести, и триста лет. И теперь я призрак этой усыхающей сосны. Скоро она совсем пожелтеет. Саша поднял зёрнышко и посадил там, где я просила. А моя душа расщепилась. Часть её ушла в зерно, часть – осталась здесь. И крутится мне тут ещё несколько лет, пока с сосны не опадёт хвоя, и она не будет считаться погибшей. А что со мной потом будет – я не знаю.

– Орехов застрелился?

Аньелла засмеялась и отрицательно помотала головой:

– Нет. Это всё слухи. Он потом приехал сюда. Видите ли, за мной оставили право, вернее, возможность заходить в сны. Я воспользовалась этой возможностью – и вошла в сон к Александру. Чувствовала, что он спивается и может плохо кончить.

– И он приехал?

– Приехал сразу же. И целых пятьдесят два года приходил ко мне. В последние годы был старенький совсем. Умер сразу после Второй мировой войны. В год ее окончания.

– И всё это время он приходил к вам?

– Раза четыре в неделю. Когда я умерла (будем говорить так), ему было тридцать лет. Хотя состояние моё он порастратил. А жить без меня не мог. Семьи так и

не завёл. Любовницы у него были, конечно. Хотя со временем он переключился на ночной образ жизни. Ночью мы общались. Его считали здесь за тихого помешанного. Ему было всё равно. Мне, если честно, тоже. Время было, сами знаете, какое. Революции, две мировые войны... И мы говорили, говорили обо всём. Я только после смерти оценила его любовь. Её силу. Я выходила с ночи до рассвета. Обнять он меня не мог. Мы придумали особые ласки. Хотя моё прикосновение – это как лёгкий порыв ветерка.

– И вам никогда не было тяжело?

– Конечно, было. Я тосковала по цирку. Хотя мой номер не советую повторять никому. Я полностью сорвала себе здоровье.

– А после Александра?

– Тут рядом интересное кладбище. Герцен, родственники Гарибальди. Кое-кто в виде призраков летает. Общения хватает. Дело в том, что душа Саши на земле не осталась. Он был православным, грехов на нём не было. Когда он заболел и уже умирал, навсегда простаться очень тяжело было. Неизвестно – увидимся или нет. Он хотел застрелиться, отравиться или повеситься, чтобы со мной остаться. Я отговорила. Его могли отправить в тело новорождённого. Хотя – доживать пришлось бы немного. Мы часто обсуждали эту тему. Остались воспоминания. А вы? Вы счастливы?

– Да.

– Пойдёмте, спустимся к воде.

Аньелла и Каштановы спустились к морю. Оно было спокойным. Аньелла пробежала по поверхности воды.

– Люблю море. Всегда любила. Вон ракушка большая. Возьмите на память. А то скоро утро. Мне через час уходить.

Каштанов долго думал. У него в голове возник один вопрос к Аньелле. Но для себя Сергей никак не мог его сформулировать. А между тем это был очень важный вопрос, от которого зависела вся его дальнейшая жизнь. Он всматривался в призрак Аньеллы, делая это очень красноречиво. Она время от времени ловила его взгляд, улыбалась, но ничего не говорила.

Разговаривала с ней Родолена. Они долго беседовали. Аньелла задумчиво касалась прозрачной ногой воды. Но вот она взлетела над маленькими волнами.

– С вами хорошо. Мне пора. Прощайте, Серж!

Аньелла Дор помолчала, а потом, глядя ему в глаза, сказала очень отчетливо:

– Серж, если вы любите, то сделаете, как задумали. Родолена, береги его. Он будет тебе нужен всегда. Прощайте!

Аньелла растаяла.

– О чём она говорила? – спросила Родолена.

Каштанов опустил глаза, улыбнулся.

– Сережа, что ты задумал?

– Ничего плохого.

– Это что ещё за секреты?

Он ласково потрогал носом её щеку. Родолена потянулась губами к его губам. Каштановы медленно пошли в отель. Светало.

Глава 24. ВМЕСТЕ

Сил у Родолены становилось всё меньше и меньше.

Она бодрилась, как могла. Однако два месяца постепенно, но неотвратимо проходили. А между тем, по паспорту, ей подходил только сороковой год – самый расцвет этих самых сил. Смола драконового дерева больше не помогала.

На работе всё было прекрасно. Наконец-то Родолена стала доцентом, после полутора десятков лет ожидания.

И к Сергею Васильевичу Каштанову подступал юбилей. Даже двойной. Его пятидесятилетие и двадцатилетие совместной жизни с Родоленой. Только настроение у Каштанова было нерадостное. Он видел, что состояние жены неважное, и не знал, как помочь. Слова ботаника Николо сбывались на глазах.

Родолена чувствовала свой возможный конец и была особенно предупредительна к мужу. Старалась приготовить ему еду вкусней, покупала небольшие подарки. Учила, сколько раз надо поливать то или иное растение в комнате.

Только она часто задумывалась. Словно хотела о чём-то его попросить или что-то предложить.

В день их юбилеев, так совпало, готовился бал. Не совсем обычный. На площади, у Белого дома. Участвовать могли все желающие. Жители города любили танцевать.

Родолена умоляюще посмотрела на мужа, и Каштанов согласился. Бал планировался на два часа дня. Была суббота. Праздничный ужин дома они решили провести часов в шесть. Продукты были закуплены.

Родолена вышла на минуту. Каштанов бродил по квартире. Смотрел на цветы. Понюхал душистую герань. Посмотрел в шкафу на платья жены, её плащи, пальто. То, что она скоро может навсегда уйти, было дико. Столько прекрасного наполняло их жизнь.

Родолена долго думала, какое платье надеть. И выбрала свой любимый цвет – нежно-зелёный. В уши вставила любимые серьги с тремя изумрудами на каждой – подарок мужа. На шею надела золотую диадему. На левую руку – золотой браслет с фениксом.

Несколько танцев было пройдено. Каштановы танцевали безукоризненно. Казалось, всё пойдёт спокойно. Но после вальса она шепнула:

– Серёжа, мне что-то нехорошо. Похоже, как в песне поётся: «пора настала расставаться». Я хочу тебе сказать, что была самой счастливой женщиной на Земле. Потому что у меня был ты. Ты ещё проживёшь долго. Вспоминай иногда обо мне. Зёрнышко можешь сохранить или посадить в парке. Хотя, боюсь, толку будет мало.

Каштанов решил спросить наконец:

– А я смогу сгореть вместе с тобой?

– Не знаю. А зачем тебе это? Я правда – не знаю.

– Я этого хочу. Я без тебя не смогу жить. Просто не смогу.

– Не надо, Серёжа. Ты должен жить.

– Для кого?

– Для...

Она не договорила. Только быстро спускалась к реке. Подальше от людей. Но когда огромный бал у Белого дома...

Каштанов шёл за ней.

Сергея Васильевича Каштанова никогда раньше не тянуло кинуться в зелёное пламя. Все двадцать лет он просто боялся это делать.

Родолена приподняла длинное платье. Волосы у неё позеленели. Глаза ярко сверкнули, а потом начали покрываться туманом. Каштанов почувствовал, что она вот-вот заполыхает. Он крепко обнял жену, закрыл глаза. Родолена вначале дёрнулась, потом страстно обняла, обвила его, как делала много раз...

Они вспыхнули вдвоём на глазах огромного количества изумлённого народа. Зелёное пламя погорело минуты две и погасло. И не стало ни Родолены, ни Сергея Каштановых...

Огромный зал. Абсолютно голые, блестяще-зелёные стены. На зелёном полу лежали мужчина и женщина в бальных костюмах. Они не двигались, не дышали, но так сильно обнимали друг друга, что казалось – объятия не смогут разомкнуться никогда.

Возле них возникли две фигуры. Белая и чёрная. Может, это были ангел-хранитель и демон-искуситель. Демон заговорил первый:

– Ну, и что мне прикажете с ними делать? Всё было замечательно продумано. Она сгорит и умрёт. Всё по правилам. Женщины-растения долго не живут. Он живёт ещё лет тридцать или чуть больше (у его матери хорошие гены). Садит зерно в землю. Поливает его водой и слезами. Оно, естественно, не всходит. Он весь уходит в работу, стареет, болеет и умирает.

– Что-то вы набросали какой-то печальный сценарий.

– Отнюдь. Можно придумать и другой. Она сгорит и умирает. Он покупает водку и начинается медленное падение в пропасть. На работе долго терпят, потом, после трёх-четырёх предупреждений и нескольких выговоров, его увольняют. Он пропивает всё, что можно – квартиру, счёт в банке и... опять-таки finita ля комедия. Или, погоревав, сходится с этой своей бывшей, как её, с Анжеликой.

– А он предпочел пожертвовать остатками своей жизни ради того, чтобы продлить жизнь любимой.

– И как теперь поступить? Во-первых, отныне и до конца своих дней они будут сгорать и возрождаться вместе из одного зерна. Где бы они ни были, каждые три месяца своей совместной жизни Каштановы обречены обняться и сгореть. Во-вторых, кто, позвольте спросить, их, то есть это зерно, будет поливать? В-третьих, а если они поссорятся? Я не знаю, сколько эти Каштановы вместе протянут, лет пятнадцать, наверное. Но в случае ссоры жизнь у них обещает быть тяжёлой. Я даже не знаю, куда забросить зерно. То ли им самим перед сгоранием намачивать тряпку и превращаться в зерно на ней. Чтобы на ней же и возрождаться от влаги. То ли подбросить его этому сумасшедшему ботанику, чтобы он довёл их до конца. Тем более, что если раньше из зерна получались только женщины, то теперь есть вероятность появления мужчины.

– Вряд ли они поссорятся, если за двадцать лет не поссорились. Сомневаюсь насчёт ботаника. Он может придумать какую-нибудь каверзу. Скажем, будет держать их по три месяца в разлуке, а потом после сгорания опять разлучать. А им друг без друга тяжело. У них совпадение характеров на девяносто процентов. Я посмотрел гороскопы. Каштанов сделал всё правильно.

Чёрный брезгливо нагнул и отвернул рукав и бальную перчатку на руке Родолены. Постучал пальцем ниже и выше локтя в нескольких местах. Ухмыльнулся.

– Парротия персидская.

– Что, позвольте?

– Она перед сгоранием превратила свои объятия в железное дерево. На всякий случай. Сомневалась, волновалась, а так перед уходом сжала благоверного, что он бы и пикнуть не смог.

– Вот это любовь!

– В таком случае, курируйте их до конца. Мне они неинтересны. Растительная жизнь. Ни тебе ссор, ни скандалов, ни грехов. Ариведерчи!

И чёрный исчез. Ангел-хранитель улыбнулся. Он подошёл к Родолене и Сергею.

– Да, таких вещей тебе не понять. По-другому устроен. Но вопросы поставил верно...

Ангел-хранитель появился на квартире Каштановых, намочил зелёную тряпку и расстелил её в ванне. Аккуратно достал изумрудное зёрнышко, положил его на тряпку, улыбнулся чему-то своему и исчез.

Владимир Козубов

ФОРС-МАЖОР, или КАСКАД ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Началась эта история вполне буднично и прозаично, хотя, как считалось в те невообразимо далёкие времена, наша деятельность была донельзя романтичной. Я работал в гидрогеологической экспедиции на просторах Степного Алтая. Степной Алтай, кстати, моя родина – равнинная страна с берёзовыми рощицами-колками, небольшими озёрками и извилистыми мелководными речушками да протяженными, так называемыми ленточными сосновыми борами, произрастающими на месте пересохших ещё во времена мамонтов рек, отсюда и их название – ленточные. Такими они выглядят из иллюминатора самолета. Или при взгляде на топографическую карту, если вы умеете её читать.

В общем, мы вели детальную разведку, то есть бурили скважины согласно разработанному зимой проекту (кстати, производственно-экономическую его часть я же и писал зимой), проводили откачки воды из скважин на предмет изучения водоносных горизонтов и последующей оценки запасов подземных вод. Всё шло обычным путем.

Но как-то, побывав на отгулах, я получил на базе экспедиции указание провести режимное обследование существующих скважин района, в котором находился наш поисковый отряд. Мне выписали соответствующий заданию мандат, вручили карту с нанесенными на ней отметками пробуренных скважин. Я загрузил в очередной дежурный самолет ёмкости для проб, взял с собой журнал режимных наблюдений и убыл в наш полевой лагерь. В отряде начальник гидропартии выделил в моё распоряжение автомобиль-вездеход ЗИЛ-131, в кузов которого мы загрузили палатку, котелки-кастрюльки, пробоотборник, рулетку-хлопушку для замера уровня воды в скважине, тару для отбора проб, продукты. Наметив первую скважину для обследования, я и водитель Юра Манчев отправились выполнять ответственное задание Родины.

Время было летнее, погода стояла отличная, машина – зверь, а мы с водителем Юрой молоды и полны энергии. Дело спорилось, мы передвигались по району от точки к точке, я вёл описание состояния скважин, делал необходимые замеры, Юра помогал при отборе проб. Отдохнуть-перекусить останавливались где-нибудь на берегу озера или степной речушки, в обед довольствовались сухим пайком, запивая его водой из канистры, а вечером, когда темнело, разбивали палатку, жгли костёр и готовили солидный ужин: суп, макароны, если удавалось разжиться рыбой – уху. Сытно поужинав, мы долго и много пили чай со сгущенкой, травили байки или читали книжки при свете костра. Потом заваливались в палатку и, выбив занудных комаров, влезали в спальные мешки. А с рассветом, наскоро позавтракав остатками ужина и напившись чая, снова выезжали на работу.

Однажды, когда наша деятельность уже близилась к завершению, так случилось, что работали мы вокруг одной деревушки, где было несколько скважин. Провозились с ними целый день и заночевать решили в деревне. Потянуло нас к цивилизации. Был с краю деревни дом, в котором проживал с матерью молодой мужчина, был он нас немного постарше, и когда мы попросились поставить машину у него во дворе, он с удовольствием нам разрешил. Так и познакомились. Он даже затопил для нас баньку, и мы чудно попарились. И, как оказалось впоследствии, опрометчиво. Ибо ещё древними греками было сказано: бойтесь данайцев, дары приносящих. В том смысле, что

не спеши воспользоваться оказываемыми тебе услугами, ведь ты становишься уже как бы обязан человеку, их тебе оказавшему. Долг, как говорится, платежом красен. Да. Но кто же об этом думает? Пользуются с удовольствием, вроде как само собой разумеется. Итак, после баньки – есть такой русский обычай, и не нам было его отменять – приняли немного «на грудь» и расслабились. Задымили табаком в три трубы, и пошёл у нас разговор за жизнь и всё такое прочее. Хорошо сидели, и разговор был интересен. И тут нашему новому знакомцу понадобилось срочно увидеть брата, который проживал в райцентре. Какие-то вдруг неотложные дела. Ну, типа как в кинофильме «Чапаев»: «Брат Митька умирает, ухи просит». Такая крайняя нужда. Как бы позарез. Отложить нельзя, никоим образом. Если кратко – приспичило. Бывает. Особенно если выпьешь. Тогда очень всё логично получается. Райцентр был от деревеньки далековато, десять километров по грейдеру... Но это для пешего человека. А для автомобиля – пустяк, о котором и говорить-то не стоит. Да и почему не помочь хорошему человеку? Только фокус в том, что водитель уже «причастился». Выпили мы, конечно, немного, всего-то полбутылки. Что это троим, молодым и здоровым лбам? Так себе, слону дробинка. Да и закусывали солидно, по-деревенски. Но ведь для гаишника, а таковой мог непременно повстречаться в райцентре, и запаха хватит. Самогонный запах забить чем-либо трудно, очень специфичный. Вот это логическое построение я и озвучил нашему гостеприимному хозяину. Но деревенский менталитет несколько отличен от городского. Наш хозяин принялся красноречиво уверять, что в самый центр районного поселка мы не погрёмся, братан живет с краю, и вообще он тут всех знает и боязнь совершенно необоснованна.

Я, как старший нашей поисковой группы, конечно, отнекивался, хотя пребывал, сами понимаете, в неудобном положении: выезжать нам, безусловно, нельзя, а отказать гостеприимному человеку – свиньей становишься. Безальтернативное положение. Куда ни кинь – везде клин, согласно народной поговорке. Но тут водитель Юра бесшабашно разрубил гордые узлы проблемы:

– Володь, да что ты в самом деле? Подъедем тихонько с краю посёлка, решит товарищ свой вопрос и по-быстрому назад. Тихой сапой. Потом и прикончим остальное.

Он постучал двумя пальцами по бутылке: давай, не тяни, начальник, поехали.

«Вот же чёрт тебя, Юра, побери, – подумал я. – Какого хрена ты вылез со своим встречным планом? Теперь у меня как бы и доводов возразить нет». А свиньей-то страсть как не хочется выглядеть, добро хочется людям делать. Вот такой альтруизм.

Знать бы заранее, какие приключения нас ожидают впереди! Но, увы, редко кому удается предвидеть будущее, пусть и недалёкое. Всегда же думаешь – авось обойдется. Зачастую именно с русского «авось» начинаются многие приключения. И жизненная практика уверенно подтверждает эту теорию. В общем, мы прервали застолье и выехали в райцентр. Как пелось в песне: если надо – значит, надо. А тут было очень надо.

До райцентра добрались без приключений, к концу дня жизнь на сельских дорогах практически замирает. Народ большей частью, придя с работы домой и управившись с хозяйственными дворовыми делами, у телевизоров сидит, в баньках парится, самогонку пьёт. Или газеты читает. В те времена шибко практиковалось чтение, и каждый двор выписывал по несколько газет и журналов. Словом, никто никуда не спешит.

Как оно и водится в таких случаях, нужный дом оказался вовсе не с края села, пришлось несколько углубиться в населённый пункт. Да и брата дома не оказалось, отлучился куда-то по делам. Накладка произошла. Наш знакомый обескураженно сообщил нам эту новость, тут же оптимистично добавил:

– Да я знаю, где его искать! Я ща! Я мигом. Подождите тут чуток!

И он торопливо зашагал по улице в известном ему одном направлении. Мы же остались ждать у автомобиля... Тем более что ждать-то всего ничего, чуток. Юра и я вылезли из кабины, закурили и осмотрелись. Стояли мы практически на перекрёстке, где и затормозили автомобиль по команде нашего знакомого. Из-за густых зарослей клёнов, росших вдоль дороги, виднелись крыши домов. Вдоль по улице, которая только и просматривалась, шли редкие прохожие, у калиток домов бегали ребятишки. Вечерело. В комнатах стали зажигаться огни. Наш приятель задерживался, похоже, он твердо решил обыскать весь райцентр, но брата найти. Водитель Юра, докурив сигарету, сказал:

– Уберу-ка машину с перекрестка, а то выпятился чего-то на проезжую часть.

Хорошее было желание, вполне уместное и логичное. Да только последствия этого правильного поступка были очень уж нехорошими...

Юра завёл двигатель и, встав на подножку кабины, начал медленно подавать автомобиль назад, прижимаясь к клёнам и освобождая дорогу. И тут вдруг раздался оглушительный треск. Случилось непоправимое: уголком заднего борта, самым кончиком, автомобиль ударил в пасынок электрического столба, стоявшего у дороги. Что такое деревянный столб-пасынок для мощного вездехода? Невеликое препятствие. Поэтому он и не выдержал напора, треснул. Не сломался окончательно, нет, только треснул, слегка деформировавшись. Да если бы только треснул... Но! Деформация пасынка самым решительным образом сказалась и на основном столбе, который нёс электрические провода. Столб заметно покачнулся, провода недопустимо провисли, соприкоснувшись между собой. Ударил электрический разряд, искры сыпанули весёлым фейерверком.

– Стой! – запоздало завопил я.

Но Юра и сам сообразил, что произошло нечто неординарное. Он ударил по тормозам. Но было уже поздно. Провода качнулись ещё раз и, сомкнувшись, опять выстрелили снопом искр. Ответно, за клёнами, в небольшом кирпичном здании без окон, тоже что-то электрически шархнуло, ощутимо так, киловольтно. Из-под крыши здания ударил сноп искр и за клубился дым. Дело запахло жареным.

«Электроподстанция!» – с ужасом подумал я. Всё, приехали. Туши свет!

Свет и правда начал гаснуть в домах посёлка. По улицам, по кварталам. Хлоп, хлоп, хлоп – и вот уже весь райцентр замер в темноте, не понимая, что произошло. Об этом знали только мы, но нас это знание, сами понимаете, абсолютно не радовало и гордости мы никакой не испытывали.

Не успел я толком осознать масштабы катастрофы, сотворённой нами только что, как Юра нырнул в кабину, хлопнул дверкой и рванул вдоль по улице. Прямоком в середину селения. Я так понимаю, с перепугу. Сам я тоже пребывал в шоке. Наш ревуший автомобиль мчался по улице, а люди в изумлении смотрели на него. От калитки одного из домов наперерез автомобилю бросился какой-то мужик, лихо вскочил на подножку, но тут же кубарем отлетел в пыль. Ситуация выходила из-под контроля. Я понял, что мы проваливаемся в бездну. К счастью, было видно, что мужчина встал, отряхнулся и побежал в дом. Слава богу, значит – жив.

Итак, с момента происшествия прошли какие-то секунды, а мы уже мгновенно поменяли свой статус, перейдя из когорты законопослушных граждан в совсем иную категорию. Какую – не стоило уточнять. Я зажмурил глаза в отчаянии. Но и это ещё не всё! Ведь автомобилю предстояло промчать через весь райцентр, а тут может быть всякое. Настолько всякое, что я боялся об этом думать. Я был ошеломлен, выбит из колеи и вообще пребывал в каком-то ступоре. Ничего себе, подъехали «тихой сапой»!

Из ступора меня вывело тарыхтение милицейских мотоциклов и завывание «уазика», вынырнувших из кленовых зарослей, словно чёртики из табакерки, буквально в пяти метрах от места, где я стоял. Специально, что ли, ждали? Нетрудно догадаться, за кем они ринулись в погоню. Это только в кино хорошо смотреть, как доблестная милиция ведет преследование преступника, и ты сопереживаешь смелым людям – милиционерам, которые с риском для жизни и всё такое... Но на сей раз всё было несколько по-иному, и у меня кисло стало на душе. Влипли мы основательно, по самые ноздри, если не глубже. К тому же ещё неизвестно, чем закончится Юркин автопробег на ревушем вездеходе через населённый пункт. Вот эта неизвестность и пугала. Спаси и сохрани! Только бы обошлось! Только бы ничего страшного не случилось! Ущербом, нанесенным нами райцентру, я пока что пренебрёг, оставив его осмысление «на потом». Объём внезапно свалившихся на меня впечатлений был так велик, что казался каким-то бредом, мозг был не в состоянии его быстро обработать и выдать приемлемые рекомендации поведения. Слава богу, что электрический треск в подстанции не возобновлялся, огонь не пылал и дым клубами не поднимался. И на том спасибо. Значит, ничего такого «сверх» не произошло... Ну, выбило предохранители, так поправимое дело. Будучи от природы большим оптимистом, я очень хотел верить в лучшее.

Тем временем из домов на улицу начал выходить обеспокоенный и любопытствующий народ, ибо известно, что вся наша цивилизация держится на электрическом проводе. Прервался он, провод, и – всё, цивилизация стремительно скатывается на примитивный уровень. Понятно, что ложку в темноте мимо рта не пронесешь, ну и кое-что ещё в темноте можно сделать, но всё же как-то удобнее ужинать при ярком электрическом свете. К хорошему быстро привыкаешь, это так. Вот и в нынешнее время, когда электроэнергия отключается не по вине таких шалопаев, как мы с водителем Юрой, а по распоряжению вполне больших начальников, народу всё равно не нравится, хотя все понимают – времена рыночные и может быть всяко. Но в ту далёкую пору советского тоталитаризма свет перекрыть не могли по чьему-то желанию-хотению, или ещё смешнее – за какие-то долги. В те времена никаких таких долгов не существовало. Электроэнергия являлась народным достоянием и все ею пользовались. За символическую плату. Таким вот образом. А раз так, то, естественно, сельский люд высыпал на улицу полюбопытствовать, что же такое невероятное происходит в мире. Тут я отчётливо понял, что если меня застукают на месте события, то они легко свяжут со мной промчавшийся автомобиль с геологической эмблемой на дверках кабины, и тогда участь моя будет незавидной. Народ наш хоть и незлобив, но в горячке может энергично накостылять по шее, потому как всегда за справедливое воздаяние. Сообразив, что со своей яркой эмблемой «МинГео» на левом рукаве штормовки выгляжу несколько вызывающе, я отступил в тень клёнов, снял с себя геологическую штормовку и, свернув её, сунул под мышку. Наш знакомый, которого мы так опрометчиво подрядились в припадке альтруизма подбросить до райцентра, не возвращался. Да мне теперь было и не до него, собственных впечатлений было через край, поскольку я, абсолютно того не желая, вдруг оказался в положении диверсанта, высадившегося на враждебной территории. Причем один, в полном неведении о том, куда скрылся мой водитель, что с ним случилось и как нам теперь встретиться.

Сгустились сумерки, а вместе с ними и моё отчаяние. Мозг услужливо подсовывал мне для просмотра картинку одна страшнее другой. И всё же я понял, что вряд ли Юра возвратится сюда, к этому злополучному столбу, так некстати упершемуся в борт нашего вездехода. По неписаному правилу геологов и вообще всех путешествующих в случае потери на маршруте возвращаться по возможности надлежит к месту предыдущего привала. А таким местом была деревня, откуда мы так неудачно приехали

в райцентр. Делать нечего – надо как-то выбираться и, самое главное, встретиться с водителем, а уж потом думать, искать выход из положения, в котором мы так глупо очутились. Хуже всего было моё полное неведение относительно того, как развиваются события у Юры.

Вот такие мысли бродили в моей буйной голове, пока я выбирался на окраину села. Там я сориентировался на местности и, чтобы сократить путь до грейдера, который привёл бы меня к месту нашего так хорошо начавшегося привала, решил срезать путь и пойти по долинке, которая хоть и смутно, но виднелась в сумерках. Я бодро зашагал, держа направление на грейдер. Занятый своими мыслями, которых, как вы понимаете, в голове крутилось великое множество, словно людей на воскресной толкучке, я поначалу не обратил внимания на местность, по которой иду. А на ней вместо мягкой шелковистой травы под ногами начали попадаться какие-то мелкие кочки. Но находясь во власти невесёлых дум, я продолжал шагать «на автопилоте», пока, наконец, в кедах не захлюпала вода. Только тогда я приостановился и оценил ситуацию. Присев и приглядевшись в ощутимо сгустившихся сумерках, я понял, что в своем неумном желании спрямить свой путь я вошёл в мелководное болотце. Вот тут я и встал, словно былинный витязь на распутье. Позади остался приличный кусок пути, и возвращаться назад очень не хотелось. Но и шлепать по болоту, не зная, что впереди меня ожидает, тоже было не совсем разумно. Не зная броду – не суйся в воду, гласит народная мудрость. Но что делать? Вечный вопрос русской интеллигенции. И решил я его тоже по-русски, махнув рукой на всё. Что может быть хуже того, что уже случилось? Ну, болото. Но ведь не Центральная Африка. Крокодилов здесь нет, анаконд и пираний тем более. Авось как-нибудь... И я побрёл дальше по воде, аки посуху, с грузом навалившихся проблем, и в который раз вопрошая себя: за каким чертом мы попёрлись в райцентр? Но вопрос повис в воздухе, мотивация нашего поступка в сравнении со случившимся, выглядела не ахти.

Воды стало больше, я подвернул джинсы. Вода была уже по щиколотку, появились небольшие темные кустики не то рогоза, не то осоки, в темноте я не разглядел. «А ну как всё же трясына какая-нибудь?» – подумал я обеспокоенно, пару раз провалившись по колено. Брючины намokли и это, само собой, настроения не прибавило. Но назад идти далёко. И я, словно лось, гонимый волками, ломился через болото, распугивая лягушек. Добрую сотню метров прошагал я тропую гиппопотама, пока, наконец, почувствовал, что дно стало немного потверже... Таким образом, к большому облегчению, ночной марш-бросок через болото всё же благополучно закончился. Я выбрался на сухой берег. Вылил воду из обуви, отжал штанины и носки, приведя себя в относительный порядок, и вновь продолжил свой путь, маниакально, словно капитан Гаттерас, выдерживая курс. Того неудержимо тянуло на Северный полюс, а меня – соседнее село. Казалось, что вот дойду до села, и все мои кошмары развеются, как дым костра. Я не знал, что они только начинаются, и марш-бросок по болоту – просто небольшое предисловие к дальнейшим приключениям.

На берегу болота я подобрал белевший в темноте длинный березовый дрын: какое-никакое, а оружие – вокруг ночь, безлюдье и мало ли что. Надо сказать, что я поступил в данном случае мудро. Грейдер был где-то в стороне, я почему-то никак не мог на него выйти. Хотя по звёздам я видел, что направление держу вроде как верное. Возможно, я просто шел параллельно автомобильной дороге. И вдруг впереди я заметил какой-то небольшой огонёк. Я обрадовался. Огонь – это люди, вот у них и можно будет узнать, где же тот чертов грейдер. О том, что это может быть какая-то чертовщина, я как-то не подумал. Положив на плечо березовый кол, я прибавил шаг. Постепенно стали просыхать носки и кеды – известно, движущийся человек выделяет много энергии. Огонек был небольшой – значит, всё же был далеко от меня. Я шустро

перебирал ногами, двигаясь в густой ночи, одновременно высушивая на себе одежду. Довольно долго я шагал, но так ничего и не мог понять, что же это за огонек такой. Если это свет на чабанской стоянке, то по мере приближения к нему он должен увеличиваться, так как лампочка на столбе освещает загон с овцами или коровами. Но здесь ничего подобного не происходило. Огонёк всё так же оставался небольшим, нисколько не увеличиваясь в размере. Этот чёртов огонёк маняще светил мне в ночи, словно Полярная звезда. И был так же мал. Но я упрямо, словно бык на красную мулету тореадора, пёр на этот чудной огонек и так увлёкся, что прямо-таки... чуть не налетел на него. Огонек-то мой путеводный оказался ничем иным, как... освещенным окном салона легкового автомобиля, стоявшего в ночной степи. Обескураженно разглядывая и ошупывая руками невесть откуда взявшийся здесь автомобиль, я машинально заметил, что в тускло освещённом салоне автомобиля копошились люди. Двое. Вот нет, чтобы остановиться и подумать: а нужен ли этим людям наблюдатель? Ибо на троих хорошо бутылку распить, но бывают случаи, когда третий – лишний. Как говорится, абсолютно не при делах. Это как раз и был тот самый случай. Мне главное что? Дорогу спросить и только. И конечно же, я, разгоряченный ходьбой и перегруженный своими переживаниями, не нашёл ничего лучшего, как постучать костяшками пальцев по стеклу. Полный кретинизм, конечно, но так складывались тогда события...

Это я уже после, проиграв ситуацию, понял реакцию находившихся в салоне. Люди уединились: ночь, их двое в степи и им хорошо, а тут вдруг в окошко, расплющив нос, из темноты заглядывает перекошенная взлохмаченная рожа и требует к себе внимания. И кто такой, поди разбери, человек ли, а, может, вообще лешак какой-то. Ночью всякое случается, на то она и ночь. Тут офигеть можно запросто.

Мужик в трусах – как сейчас помню: белые в чёрный горошек – махом сиганул с разложенных задних сидений на водительское кресло, женщина завизжала, прикрывшись каким-то тряпьем. Надо отдать должное мужику, он быстро пришел в себя и действовал вполне грамотно. Наверное, тот ещё *ходок*, бывалый. Он тут же вырубил свет в салоне и зажёл фары. Мотор взревел. Меня ослепило, но я всё же успел увидеть, что водитель развернул авто и направил его прямо на меня. На таран, значит, пошёл, в лобовую. То ли с перепугу, то ли действительно решил свидетеля убрать. Но тут уже и я озверел. Да что же за день сегодня такой? Беды валяются одна за другой! «И все на наш редут!» Я мгновенно сгруппировался, перехватил поудобнее дубину, словно шаолиньский монах, принял оборонительную стойку и приготовился всерьёз постоять за свою жизнь. По крайней мере, пока он меня ударит бампером, я однозначно вынесу лобовое стекло и, возможно, помню противнику причёску. Размеры моего дыра позволяли проделать это наверняка. По-видимому, мужик успел осознать возможные последствия и потому, тормознув, резко и далеко осадил назад. Потом он круто вывернул автомобиль в сторону от меня и помчался прочь, не разбирая дороги, замелькав красными габаритными огоньками. Вот они-то, эти красные огоньки, и указали мне на грейдер. Всё-таки мне удалось узнать направление пути. Правда, несколько оригинальным способом. И вряд ли этот способ можно рекомендовать к широкому использованию. Ибо последствия могут обернуться по-разному. Для обеих сторон.

Само собой, мрачные мысли о происшествии в райцентре не покидали меня ни на минуту, вцепившись, словно собаки в медведя. Хотя острота ощущений несколько сгладилась от неожиданной встречи в ночной степи. Конечно, я сожалел о том, что спугнул парочку, ибо я совершенно этого не хотел, и даже посочувствовал им, но что теперь поделаешь? Это произошло, и ситуацию не переиграешь. Не судьба. Не та звезда светила сегодня влюблённым. Каким-то непостижимо роковым образом наши пути пересеклись. И всё из-за проклятого столба, пропади он пропадом!

Вскоре я выбрался на грейдер и бодро зашагал по укатанной трассе. Интересно, что в стрессовом состоянии – а именно в нем я пребывал, – совершенно не замечаешь усталости, ибо шагаешь, словно заведенный, ничего не замечая вокруг, полностью поглощенный своими мыслями. Именно так я и передвигался, механически переставляя ноги, с березовым дрыном на плече, с которым я благоразумно не расстался. Ибо кто их знает, местных аборигенов? Вдруг у них месячник любовной лихорадки?

Наконец вдали показались огоньки, которые по мере приближения становились всё ярче, и было уже понятно – это не скопище автомобилей с воркующими парочками, а огни селения, в которое я и стремился в надежде отыскать моего так внезапно умчавшегося водителя.

Я попил воды у первой встреченной водоразборной колонки, ибо от частого курения во рту горчило, словно я нажевался полыни. Умывшись под струей холодной воды, я пошел вдоль улицы, отыскал нужный мне дом. Увы, надежды мои улетучились, выражаясь словами поэта, «как с белых яблонь дым». Ни у двора, ни во дворе нашего вездехода не оказалось. Я затосковал. Но стенания тут не помогут, сначала надо решить вопрос с ночлегом. В доме одиноко и тускло светилось окно.

– Телевизор, – подумал я. – И что делать? Стучаться в дом? А если наш друг-данаец, чёрт бы побрал с его дарами, не вернулся из райцентра? Что скажу его матери? Зачем тревожить пожилого человека?

И я принял мудрое решение: переночевать в бане. Прислонив к стенке бани свой дрын, таким образом разоружившись, я вошел внутрь баньки, захлопнув за собой открытую в целях просушки дверь. Свет зажигать не стал на всякий случай. Зажёл спичку, снял с вешалки какой-то лапсердак, положил его на банный полок в изголовье. Сбросив кеды, я вскарабкался на полок, поворочался на досках, устраиваясь поудобнее. Что на боку, что на спине – доски ощущались. Но молодости свойственно пренебрегать некоторыми неудобствами. Пренебрёг и я. Тем более банька ощутимо хранила тепло, а это было главное.

– Ну, с лёгким паром, Владимир-свет-Иванович, – сказал я сам себе и попытался уснуть. Сон, несмотря на усталость, пришёл не сразу, поначалу мысли мои вертелись вокруг происшествия со столбом, затем мне начались вспоминаться всякие истории, в которых фигурировала деревенская банька. Истории всё больше были связаны с нечистой силой и прочей шелухой. Я вспомнил, что в бани приходили гадать на женихов деревенские девушки, а в самой бане живет *банник*, род домовый нечисти. В баню может заглянуть и леший, который иногда наведывается на окраину деревень из леса. Но дремучих лесов вокруг не наблюдалось, это меня немного успокоило, и потому пришедшую на ум мысль поставить мой кол березовый у изголовья я отмёл как идиотскую. Да и вставать было уже лень, ибо я медленно, но всё-таки засыпал.

Сон мой был рваный какой-то, клочковатый, нелогичный, хотя много ли логики в снах? Бубнили какие-то голоса, хлопала дверь и шаркали чьи-то шаги. Я просыпался в смутной тревоге, таращился спросонья в темноту, прислушивался, обмирая – но вокруг было тихо, и я вновь падал в объятия Морфея. Но стоило сомкнуть глаза – сумбур повторялся. Да ещё орала заполошная петухи. Так меня кошмарило до утра, пока мутный рассвет не начал заглядывать в малюсенькое банное оконце.

«Ишь, распелись!» – подумал я. Чего-то они не вовремя. А народные приметы толкуют, что когда петухи распоеются не вовремя, то либо видят злого духа, либо предсказывают покойника. Само собой, встречаться со злым духом было ни к чему, не говоря уже о покойнике. Я умылся тёплой водой из банного бака. Приведя себя в относительный порядок, осторожно выглянул из баньки. Машины во дворе как не было, так и нет, и настроение моё так и осталось ниже нулевой отметки. Как ни отгоняй от себя дурные мысли, всё же случилось что-то такое экстраординарное, иначе Юра

был бы уже здесь. Я выскользнул со двора никем не замеченный. Неплохо было бы чем-нибудь перекусить, но... Закурив одну из оставшихся двух сигарет, я снова выдвинулся к автомобильной трассе. Восхождение на личную Голгофу продолжалось...

Голоснув раннюю попутку, забрался в кузов грузовика и покати́л навстречу неизвестности. Что ждет меня там, в райцентре? Понятно, ничего хорошего, но тут уже изменить что-либо я был бессилён. Форс-мажор – вот как это называется. Непреодолимая сила. Теперь уж как получится...

Приехав в райцентр, я справедливо рассудил, что первым делом идти надо в милицию. Милиция наша зря хлеб не ела, и, поскольку водитель на место стоянки не возвратился, милицейская погоня закончилась предсказуемо. Расспросив у аборигенов дорогу до местного РОВД, я пошёл сдаваться представителям власти. Разыскав милицию, я с удивлением обнаружил, что это место мне хорошо знакомо, просто вчера я рассматривал его с другой стороны. То-то вчера так стремительно была организована погоня. Надо же было так умудриться – совершить наезд в десятке метров от милиции! Вот и тот злополучный столб стоит, слегка покосившись от вчерашнего нечаянного толчка, и электроподстанция... С затаенной радостью я увидел, что станция внешне в полном порядке, следов пожара нет. Это меня несколько приободрило.

Подойдя к зданию, увидел во внутреннем дворе родной грузовик ЗИЛ-131. «Отыскался след Тарасов!» – вспомнил я незабвенного Гоголя. У грузовика возился Юра, целый и невредимый, протирая ветошью радиатор. Увидев меня, он радостно завопил, кинулся мне навстречу:

– Вовка, живой?! Я за тобой приходил, но тебя уже не было!

– Подожди, Юра, – остановил его я. Хорошо водителю радостно вопить, он в курсе событий, а я-то терзаюсь всякими нехорошими мыслями. – Рассказывай, что как. Никого не задавил?

– Да не беспокойся, всё нормально.

– А тот мужик, что на подножку прыгал?

– Да что ему делается? Живой он, живее всех.

– Так ты от гаишников удрал?

– Конечно! Машина – зверь! Я умчал в лес, машину там замаскировал и пришёл сюда, на место, где тебя оставил в горячах. Естественно, не нашёл. Ну, тогда вернулся в лес, к машине, а и её уже нет. Я понял, что гаишники угнали её. Пришел в милицию – точно, «зилкок» здесь. Документы у меня забрали, объяснительную написал... Переночевал в кабине. А ты как?

Я кратко поведал свою одиссею, опустив всякие подробности «на потом».

– Ну, и что будем делать? Тебя не проверяли на наличие алкоголя? – спросил я водителя.

– Не-а. Да какой там алкоголь после полстакана?! Ещё вчера выветрилось с перепугу. Никто ничего не проверял. Скоро придет начальник ГАИ, там видно будет, – ответил Юра и достал пачку сигарет.

Мы закурили. Я немного успокоился. Ничего страшного пока не произошло, пронесло. Зря петухи внеурочно кукарекали. Правду говорят: бог любит дураков и пьяных. К нам явно благосклонно относились на небесах. Пока что...

Тут подошёл сержант милиции, поздоровался со мной за руку.

– Твоя? – кивнул он головой в сторону машины?

– Моя, – утвердительно ответил я.

– Водитель у тебя классный! Когда он столб толкнул, наши патрульные мотоциклы тут стояли, за клёнами. Ну, и мы сразу же на шум. А следом и «уазик» наш. Думали перехватить сразу, чтобы беды какой не случилось. А он, водитель твой, знаешь, что учудил? Это же настоящее кино! Он не пошел в центр, а рванул направо. Там у нас

низинка. Зелёная такая, ровная. Это внешне. На самом деле – болото заросшее. Не-проезжее. Там и ходить-то надо с опаской. В прошлом году ребята по пьянке трактор «Беларусь» утопили. Так и не достали, где-то до сих пор в пучине. Да.

Милиционер достал сигарету и начал её разминать.

– А водитель твой, он же, как мы поняли после, не в курсе был, ну и рванул напрямик через этот «зелен луг». Мама родная! Ты бы видел эту картину! ЗИЛ – машина ведь тяжёлая, три ведущих моста, и должна бы булькнуть, как утюг. Но он со склона скорость набрал приличную. И попёр! Представь, грузовик летит птицей, а за ним только чёрные лужи всплывают из травы, вспучиваются пузырями. Жуть! Мы столпились на берегу и переживаем: только бы скорость не сбросил, только бы не сбросил, его малый шанс – в большой скорости. Остановится – пропал. Утонет однозначно! А он таки проскочил это болото! Уму непостижимо как! Утопнуть должен был стопудово! Но – прошёл. Ох, лихой! На той стороне вскарабкался на песчаный берег и скрылся в лесу. Наверное, в рубашке родился. Настоящий водитель, мастер. А наши сгоряча за ним на «уазике» сунулись – и увязли передком, еле выкарабкались.

Сержант прервался и начал прикуривать, а я подумал: «Бред какой-то! Мы тут оставили райцентр без электричества, а милиционер мастерством водителя восхищается. Издевается, наверное, шутит...».

А сержант, прикурив, продолжил рассказ:

– Ну, мы тогда на двух мотоциклах объехали болото, заглушили в лесу двигатели и слушаем. А ЗИЛ – он же мощный, зверь-машина, орёт, как сумасшедший, в сыпучем песке среди сосен. А вечером тихо, далеко слышно в бору. Ну, мы по звуку отслеживаем направление и тут вдруг раз – звук пропал. И тишина. Тогда мы потихоньку поехали в нужном направлении. Наткнулись на след от колёс и по ним отыскивали грузовик. Водителя не было. Пригнали машину сюда, в райотдел. А к полуночи и сам водитель подошёл. Вот такие приключения были вчера вечером. Не-а, водитель у тебя молодец. Лихой!

Сержант с таким восхищением рассказывал, что создавалось впечатление: нас если не медалью должны наградить за наш «подвиг», то уж благодарность объявить – это точно. А то и денежную премию выписать.

– И что теперь будет? – я попытался у сержанта выведать относительно дальнейшего нашего положения.

– А сейчас наш майор подъедет, он звонил уже. Да ты не трухай! Не убьют, – сержант дружески подтолкнул меня локтем. – Наш майор – нормальный мужик, строгий, но справедливый. Ущерб, конечно, если есть какой, придется возместить, тут ничего не поделаешь. Набедокурили – придется отвечать. Ладно, пойду службу нести...

И сержант ушёл. Ну, хоть как-то прояснилась ситуация. Судя по благорасположенности сержанта, наша родная милиция не считает нас конченными и закоренелыми преступниками. Хотя и возмездие за содеянное должно последовать. И неотвратимо. Я понимал, что от расплаты не уйти, но успокаивало то, что жертв нет, и всё вроде как бы в пределах допуска. Это главное. А «детали» разъяснит майор...

Вскоре появился начальник ГАИ, внешне суровый, подтянутый майор, такой среднего роста ладный крепыш. Знакомый сержант, выглянув из двери помещения, махнул нам рукой.

Ну, вот сейчас всё и решится. Мы с Юрой глотнули воздуха, как перед прыжком в воду, и вошли в кабинет начальника районной ГАИ.

Майор предложил нам сесть, внимательно посмотрел на нас и произнёс:

– Ну что, орлы, как настроение?

– Да какое настроение, товарищ майор? Ситуация не для веселья, – покаянным голосом ответил я.

– Да это смотря кому как! – коротко хохотнул майор. – Всё относительно, не так ли? Кому-то, может, и забавной показаться ситуация. И какого чёрта убежали с места происшествия? Хорошо что хоть большой беды не наделали. Ваше счастье.

Мы молча внимали. А куда нам было деваться? Даже вздумай майор говорить с нами бог весть на какую тему, хоть бы о радикулите своей бабушки, и то слушали бы с благоговением. Мы сидели на крепком кукане и трепыхаться нам было не с руки. Майор достал из сейфа тощую папку и начал её перелистывать.

– Давайте, диктуйте имена, фамилии. Кто, откуда и зачем.

Я достал паспорт и протянул майору. Майор быстро водил авторучкой по бумаге. «Шьёт дело. Групповое. Хреново» – подумал я.

– Значит, так, парни. Как понимаю, ты старший группы? – майор окинул меня взглядом, положил листок с нашими данными в папку и откинулся на спинку стула. – Что я вам скажу? Претензий к вам лично у нас, у ГАИ, нет. Мы же уже за вами две недели наблюдаем, как вы по району носитесь. Кстати, в чём суть ваших поездок?

Я коротенько обрисовал цель и порядок режимных обследований водозаборных скважин.

– Ага, понятно, – кивнул головой майор. – Ну, так вот... Мои ребята отзываются о вас только положительно. Хотя вчера, конечно, не по делу вы толкнули этот столб. Не по делу. Но – бывает. Плохо то, что подстанция подгорела, райцентр остался без света, отсюда и полезли проблемы. Но есть и положительный момент: электрики быстро всё устранили, поэтому от торговли претензий нет, холодильники не потекли. А то было бы весёлое кино. Но всё равно набежало, связисты солидно выставили претензии. Вот перечень организаций, жаждущих вашей крови.

Майор вынул из папки лист бумаги, протянул его мне и продолжил:

– Значит, так, Владимир. За три дня вы должны с этими организациями уладить претензии в связи с возмещением ущерба. Тем более что секретарь райкома – это тот самый мужик, которого ты, Юра, – майор строго взглянул на водителя, – так ловко локтем в лицо сбил с подножки, сами понимаете, взбешен до предела и требует ваши скальпы. Понятное дело, уборочная страда, ему постоянно в Барнаул докладывать надо о ходе битвы за урожай, а тут связи нет... Да и вообще нехорошо людей, тем более такого ранга, опрокидывать. Вот и свирепеет. Так что три дня, и ни часом больше. Не уладите – придётся передавать дело в суд.

Я чуть со стула не свалился. Ничего себе! Секретарь райкома – царь и бог в районе. А тут такой случай. Да ещё и суд! Въехали мы, как говорят в народе, на тройке с бубенцами, шумно. Ещё бы! Это уже без вариантов, хорошо прокатились. Счастье, хоть машину в болоте не утопили, это был наш единственный плюс в случившемся каскаде приключений. Ах, да, ещё мне удалось отбиться от разъярённого любовника. Вот и всё положительное сальдо. От безысходности хотелось завывать.

– Ну, – майор поднял над столом обе руки и хлопнул ладонями о столешницу, обозначая конец разговора, – пока всё. Вперёд, орлы! Пройдите по этим адресам и поговорите сами лично, возможно, как-нибудь договоритесь об уменьшении претензий. Вы должны получить письма об отсутствии у них претензий. И помните – у вас три дня. Постарайтесь уладить. Потом сразу же ко мне.

Мы вымелись из кабинета. И уже на улице принялись разглядывать вручённый майором листок. Да, хороший был вчера автопробег, дороговато нам обошёлся. Пятсот целковых электрики выставили, но связисты переплюнули их – аж пять тысяч рубликов! Вот это кунштюк! Это же стоимость автомобиля! На этом фоне претензии почты оказались каким-то жалким лепетом попрошайек – 150 рублей. Хотя это тоже не фунт изюма, это средняя месячная зарплата. Но хуже всего – жестоко опрокинутый в

пыль первый секретарь райкома. С ним-то теперь как быть?! Вот он тянул нас на дно не хуже мельничного жернова. Тут уж не выплыть. Спасёт только чудо. Что-нибудь такое, отвлекающее. Например, падение брата-близнеца Тунгусского метеорита или высадка марсиан в райцентре. Но вряд ли. Подобные события достаточно редки, и надеяться на это не стоит. В общем, полная безнадёга. Я так и сказал Юре.

– Так кто же знал?! У него же на лбу не написано, что – Первый! – сокрушался он. – И чего прыгал на подножку? Руль хотел вырвать, ковбой... Вот же повезло так повезло... На кой хрен я сдавал назад? Стоял бы себе, где стоял, и ничего бы не случилось.

– А лучше бы вообще никуда не ездили. Спали бы беспробудно воронками кверху... – буркнул я. – Какого чёрта вызвался ехать?

– Так никто же не думал, Володя, что такая хренотень получится...

Вот она, ключевая фраза! «Никто не думал» – это и есть фундамент, исток, основа практически всех приключений.

– Мы должны были думать! Мы! – отрезал я. – Отклонились от маршрута, нарушив инструкцию, – в результате придется расплачиваться за свою глупость.

Положение было незавидное, но времени для переживаний нам отпущено мало, да и оно съёживалось шагреновой кожей. Надо быстро, очень быстро решать финансовые вопросы. Ущерб-то немалый. Советский суд хоть и самый гуманный в мире, но скамья подсудимых – это не скамейка в тенистом парке. Пятен в биографиях очень не хотелось. Так что надо было поторапливаться.

Обход контор дал некоторые положительные результаты, что нас, конечно, приободрило. Почта скостила нам вполонину, мол, милиция о вас хорошо отзывается. Это нас немного изумило, но мы не стали выяснять и уточнять подробности. Ободрённые первым небольшим успехом, двинули в Райэнерго. Энергетики, пошумев, всё же снизили свой напор, потребовав лишь возмещения за смену пасынка и сгоревшие предохранители на подстанции, а это уже снизило в денежном эквиваленте до двухсот рублей.

Только связисты упёрлись в своем священном праве на возмещение понесённого ущерба, оставив в силе ранее выдвинутые претензии, но всё же предоставив нам некоторую свободу манёвра: мы могли возместить сумму не деньгами, а бензином, хоть в бочках, хоть талонами. Это всё же как-то ослабляло финансовую удавку.

Теперь встал вопрос – где взять денег? До базы экспедиции далеко, обернуться в отпущенные сроки очень тяжело, да и таких больших сумм дома никто не хранит, деньги ещё предстоит собрать. И мы с Юрой ломали свои буйные головы над проблемой, пока на попутках добирались до нашего полевого лагеря.

Возвращение в лагерь было безрадостным. Само собой, триумфаторами мы не выглядели. Начальник партии Лупарев, выслушав наши покаянные объяснения, закрипел зубами, замычал, словно тургеневский Герасим, стукнул кулаком по столу и произнес сокрушённо:

– Эх, Володя! Я так на тебя надеялся!

Его душевную боль и муку можно было понять: ещё не прошла и половина полевого сезона, а у нас уже одну машину положили набок, а вторую водовозку и вовсе перевернули по пьяному делу, да так удачно, что кабина всмятку, и ремонту не подлежала. Хорошо ещё, что без травматизма обошлось. И теперь вот мы, ясны соколы...

От стыда я готов был провалиться сквозь землю. Но мать сыра земля не разверзлась у меня под ногами, и мне с этим чувством неизбывной вины предстояло жить дальше. Стали мы думать думать, как выходить из случившейся ситуации. Часть бензина в талонах мы смогли собрать в нашем лагере, ибо в заначках у водителей всегда

есть излишки. Но вот с деньгами был полный непроход. Надо было добираться до базы экспедиции. Вахтовый самолет должен прилететь через два дня. Это нас не устраивало. Улететь из райцентра? Авиасообщение райцентров с Барнаулом существовало устойчивое. Но не факт, что будут билеты на Ан-2. Мы в те поры были действительно крылатым народом, и с билетами частенько был напряг. Это сейчас большинство народа путешествует, в основном, с помощью телевизора, и даже поездка в соседний город считается событием. Но тогда очень значительная часть народа была в движении. И даже тост такой был: за тех, кто в пути.

В общем, складывалось нехорошо. И тогда я предложил съездить к моим родителям, моё родовое гнездо располагалось как раз на полпути от нашего лагеря до Барнаула. Лупарев посмотрел на карту.

– Можно за день обернуться... Тогда так: даю тебе, Володя, своего водителя, и вы на моём «уазике» мчитесь за финансовой помощью.

Так мы порешили и, не откладывая дела в долгий ящик, выехали из лагеря.

...Конечно, родители не были в восторге от моего рассказа, но не отказали в поддержке, и деньги нашлись тут же. А мой меньшой братишка Коля, сам водитель, пока мы перекусывали, объездил своих товарищей и принёс целую кипу талонов на бензин. Пока всё складывалось неплохо.

Ближе к полуночи мы вернулись в лагерь. Народ свободной смены отходил ко сну, и только Юра дожидался нашего приезда. И это понятно. В случае реализации наихудшего варианта он, кроме всего прочего, мог быть стопроцентно лишён водительских прав на длительный срок, а это для шофёра большая неприятность. Тут не до безмятежного сна. Вылезая из запылённого «уазика», я ободряюще махнул ему рукой: пока всё в порядке.

И настало утро Судного дня. Начальник партии снова разрешил нам воспользоваться командирской машиной. Юра сам сел за руль, и мы покатали расплачиваться за своё легкомыслие, справедливо рассудив, что если районные гаишники и возьмут нас за цугундер в связи с отсутствием у Юры водительского удостоверения, то уж мимо начальника районного ГАИ мы никак не проскочим.

Прибыв к началу рабочего дня в райцентр, мы тут же начали без промедления гасить претензии.

Наверное, это был наш день, потому как почта взяла всего сто рублей, электрики снизили свои аппетиты до двухсот, поскольку (это мы уже потом выяснили) были у них там свои замороки и недочёты, и потому им было вовсе не с руки «раздувать кадило». Короче, расстались полюбовно и душевно.

Со связистами консенсуса достигали несколько дольше, но, в конце концов, снизили они свои претензии до двух с половиной тысяч, а остальное мы им компенсировали талонами на бензин. Вроде бы и они остались довольны.

Окрыленные невиданной удачей, мы рванули в ГАИ. Пришли к майору, выложили перед ним письма, которыми официально удостоверилось, что принесённый ущерб возмещен полностью и претензий к нам не имеется.

Майор внимательно прочёл письма и сказал:

– Ну, что же, оперативно. Молодцы...

Мы, затаив дыхание, ждали дальнейшего продолжения событий. Вот сейчас...

Но тут распахнулась дверь, и в кабинет вошёл молодой человек в штатском, поздоровался и тут же обратился к майору:

– Шеф, выручай, машина нужна позарез. Надо на медэкспертизу бабульку отвезти. Ты же знаешь, что позавчера произошло...

– Знаю, знаю, – ответил начальник ГАИ. – Да только машины у меня сейчас нет. Ну, может, после обеда...

– Да мы же не успеем, если после обеда выедем. До Рубцовска путь – сам знаешь...

– Ну, нет машины, понимаешь? Нет. Я бы с удовольствием, но...

Следователь – а это был именно он – кивнул на нас:

– А вот ребята же у тебя тут... Они с колёсами...

– Ну при чём тут ребята? Я как могу их? Они же по делу проходят, – пожал плечами начальник ГАИ.

– Конечно, проходят. Но ребята нормальные, мы же знаем с тобой. Не какая-нибудь шантрапа...

Майор пожевал губами, на мгновение задумался, взглянул на нас:

– Парни, такое дело. В ту ночь, ну, вы понимаете в какую, не только вы отличились. Тут два подонка шары залили, ворвались к хату к одинокой старушке, избили и забрали у неё десять рублей. «Орлов» тех, конечно, повязали, но бабушку надо отвезти в Рубцовск на судебно-медицинскую экспертизу. Зафиксировать следы побоев, чтобы иметь весомые улики против этих придурков. По ним уже давно нары плачут, а это подходящий случай. Сможете оказать помощь следствию?

Разве можно отказываться в нашем положении? Да мы готовы были хоть на каменный карьер, хоть на разгрузку угля – оглашай весь список, майор! И потому дружно закивали головами. Ибо известно – помощь следствию всегда облегчает вину.

– Только у меня удостоверения водительского нет... – робко закинул удочку Юра.

– А оно вам пока и не нужно. С вами поедет следователь, – майор указал ладонью на штатского. – Ваша машина вроде бы теперь как милицейский транспорт. Кто вас будет в городе проверять?

И вскоре мы мчались по грейдеру в славный степной городок Рубцовск, который местные острословы называли Сан-Рубциско, начав тем самым активно сотрудничать с органами, и внося, таким образом, свой небольшой вклад в торжество закона и справедливости.

Лаборатория судебно-медицинской экспертизы находилась в здании городской прокуратуры. Мы помогли бабушке выкарабкаться из «уазика» и вместе со следователем провели её в вестибюль. Следователь сказал мне:

– Побудь тут с бабушкой, чтобы ей не так страшно было, а я сейчас улажу формальности.

Вскоре он появился и сказал:

– Пойдёмте, бабушка. Одежду свою верхнюю снимите, на стуле вот здесь оставьте.

Бабушка сняла ветхий салоп, на котором было три латки, аккуратно уложила его на сиденье стула и тревожно осведомилась у следователя:

– А не украдут?

Следователь с трудом сдержал улыбку, мы обменялись взглядами.

– Нет, бабушка, не украдут, он постережёт, – кивнул следователь в мою сторону.

Они ушли, а я ещё долго посмеивался: надо же, воры в здании прокуратуры. Несовместимые вещи, оксюморон прямо-таки. Да и кому он нужен, латаный-перелатаный бабушкин салоп? Одним словом, насмешила старушка. Я тогда был молод и в силу этого даже не мог предполагать, что придёт время, когда будет совмещаться несовместимое. И вот теперь, рассказывая эту историю, я поражаюсь бабушкиному предвидению.

Судебно-медицинская экспертиза длилась недолго, и вскоре мы сопроводили старушку к машине, где следователь передал её под опеку водителю Юре. Мне же он приглашающе кивнул в сторону здания городской прокуратуры:

– Пойдём. Есть разговор.

Недоумевающе пожав плечами, я потянулся за ним. Не в моём положении было выяснять, зачем и куда и что за разговор. Надо – значит, надо. Открыв дверь лаборатории, следователь впустил меня внутрь и вошёл сам. Средних размеров помещение было сплошь заставлено вдоль стен шкафами, забитыми книгами, журналами, какими-то папками и стопками бумаг. В некоторых шкафах стояли склянки с растворами, порошками, непонятные коробки и приборы. На приставленных к шкафам столах располагались кюветы, стопки стеклянных пластинок, какие-то непонятные приборы, нечто вроде гибридов микроскопа и гиперолоида инженера Гарина. Центральное место в помещении, словно царский трон, занимало кресло, напоминающее зубо-врачебное. Словом, это было нечто среднее между кабинетом врача и научной лабораторией. Так оно, собственно, и было, ведь судмедэксперт – это и есть врач, только специфической направленности, ибо он не лечит, он констатирует. Но главное, что меня изумило, так это стоящие во множестве на шкафах стеклянные цилиндры и бутылки, в которых плавали законсервированные части человеческих тел: пальцы, кожные покровы, внутренности... Я слегка выпал в осадок от такой необычной выставки.

«Эко зрелище! Кунсткамера!» – подумал я про себя.

Конечно, в школе на уроках анатомии нам демонстрировали тело человека со снятой кожей, печень, лёгкие, курительница и всякое другое, несомненно, полезное и нужное юному пионеру, стоящему на пороге жизни, но там, в школе, всё же были плакаты. А здесь, как говорится, без купюр, натурально.

Хозяин кабинета, начинающий полнеть сорокалетний мужчина приятной наружности, сияя улыбкой на круглом лице, окаймлённом аккуратной шкиперской бородкой, был донельзя доволен моим остолбенелым видом. Как видно, не зря мой школьный товарищ Толик Кривенко, врач-стоматолог, как-то полушутя-полусерьёзно обронил, мол, многие практикующие врачи со временем становятся латентными садистами. Специфика работы сказывается, отпечаток накладывает как бы.

– Да не стой столбом, садись! – по-свойски пригласил он меня. Оказывается, пока я, открыв рот, рассматривал диковинные экспонаты лаборатории, они со следователем быстренько, по-походному накрыли один из столов газеткой, на которой разложили сыр, ломтики чёрного хлеба и расставили мензурки вместо стаканчиков. Хозяин кабинета торжественно водрузил на середину импровизированной скатерти-самобранки небольшой лабораторный сосудик с притёртой пробкой, а следователь поставил большую кружку с водой. Тут не надо быть Нострадамусом, чтобы предсказать ход дальнейших событий.

Я присел на табурет и, взглянув на колбу со спиртом, снова опасливо перевёл взгляд на стеклянные ёмкости с экстремально-диковинными экспонатами. Вспомнилось словечко – «заспиртованный». Не отсюда ли жидкость?! Судмедэксперт перехватил мой встревоженный взгляд и заржал:

– Не бойсь, геолог! Это всё не так, как ты думаешь! Там формалин, а здесь, – он ласково взял в руки лабораторный флакон, – чистый спирт. Медицина, брат!

Мы выпили за знакомство, затем за успехи в труде, и процесс помаленьку пошёл, как он и обычно идёт при подобных спонтанных застольях. Судмедэксперт попенял следовательнице, что в последнее время тот привозит очень уж пожилых женщин, хорошо бы помоложе: мол, оно и глазу приятней, да и вообще... Такой вот юмор профессиональный. Они говорили об общих знакомых, о служебных делах, я тоже иногда острожно вставлял что-нибудь по ходу разговора в такт, или же из вежливости интересовался чем-либо, проделывая всё аккуратно, ибо назойливая мысль об опрокинутом в пыль секретаре райкома не давала мне покоя. Тут деньгами, как с другими претензиями, вопрос не решишь. Да имеет ли эта задача решение? Вот это и тревожило мои мысли, даже алкоголь не притуплял опасений.

Жрецы Фемиды наконец закончили свой ритуал общения, да и время-то было ещё рабочее, мы дружески распрощались и покинули кабинет гостеприимного хозяина, «доктора Моро», как я назвал его про себя, оставив его наедине с занятыми экспонатами.

На выезде из города взяли в магазине перекусить и, захав в тень лесопосадки, уселись трапезничать прямо на мягкой траве, предварительно выделив оставшейся в машине бабушке ливерной колбасы и хлеба. Поскольку мне уже пришлось «постучать эндовой» со следователем, я, на правах как бы уже близкого знакомого, решил забросить удочку насчёт секретаря, на что следователь, пожав плечами, сказал:

– А что должно быть? Заявление он не подавал, неудобно вроде ему, не по чину. А телефонный звонок к делу не пришьёшь. Так что секретарь вроде бы как и не проходит по делу в качестве потерпевшего. Претензии же организаций вы погасили. Так что получается... – он положил себе единственной ложкой, имевшейся у нас, кусок рыбных консервов из банки, пожевал и, проглотив, продолжил: – А ещё учтите, что майор с секретарем в больших контрах. Но служебное положение обоих не позволяет им по-мужски поговорить. Тут вот вас и поднесло, как бы даже кстати.

Мы с Юрой, словно губка влагу, впитывали в себя информацию. Следователь, усмехнувшись, пояснил:

– Дело секретаря – районом руководить, а не на подножки мчащихся автомобилей прыгать. Для этого есть сотрудники ГАИ, они этому делу обучены и зарплату получают. И они провели задержание, грамотно провели, причём в пыли не валялись. Майор – порядочный человек и понапрасну никого не гнобит. Не то, что некоторые... В нашей работе главное – не репрессии, а профилактика. Если профилактика на должном уровне – значит, и правонарушений будет меньше.

И следователь снова хохотнул. Мы тоже натянуто улыбнулись. Понятно, в приличном разговоре оно как бы всё хорошо и легко, но так ли будет на самом деле? Это мы сможем узнать, только когда приедем в райцентр и явимся пред светлые очи майора, ибо только он знал ответ на мучивший нас вопрос...

Но по приезде в милицию мы огорченно узнали, что майора на месте нет, и сегодня уже не будет.

– Я совсем забыл! – сокрушенно сказал следователь. – Сегодня сабантуй у гаишников, они все как бы на выезде. Так что поехали на место сбора, я доложу майору и сдам вас, как говорится, с рук на руки в целостности и сохранности.

По дороге я взял три бутылки коньяка, ибо милицейский сабантуй – дело нештучное, и коньяк вовсе не будет лишним, так мне тогда казалось.

И снова мы тряслись в узике по грунтовой дороге. Вечерело. Километрах в трех-четырех от райцентра следователь показал на поворот к густой березовой роще. Юра послушно свернул на дорогу, петлявшую в густой траве между белоствольных красавиц, но тут прямо перед нами, на проволоке, растянутой над дорогой, повис запрещающий знак, на языке водителей называемый «кирпич». Юра тут же ударил по тормозам.

– Ты что?! – изумился следователь.

– Так знак же! – Юра кивнул вперед. – Проезда нет.

– Какой знак? Это для посторонних знак. А мы здесь свои. Езжай, не бойся.

И мы потихоньку поехали дальше. Вскоре сквозь гудение автомобиля до нас донеслась усиленная матюгальниками – так назывались в народе портативные мегафоны – лихая милицейская песня:

*Как-то в утро вешнее, рано-спозаранку,
старшина милиции задержал гражданку...*

Это сейчас, в либеральные времена, нынешние менты, зависнув в кабаке, поют блатную «Мурку», а тогда и песни у нашей милиции были другие.

Мы въехали на край полянки, окружённой берёзами. На поляне стояла пара длинных деревянных столов, несколько милицейских машин и мотоциклов специфической канареечной окраски. Трое милиционеров, сбросив фуражки и сняв форменные кители, колдовали у столов. Следователь пошёл искать майора, а мы с Юрой тоже вылезли из кабины размяться и поглядеть на сабантуй.

Дымил мангал, румянились шашлыки, на столе стояли бутылки и закуски. Несколько милицейских, встав в кружок, перебрасывались волейбольным мячом. Другие сидели за столами или просто под берёзами, толкуя о чём-то своём. А два сержанта проникновенно выводили в матюгальник ту самую песню:

Эх, старшина, старшина! Задержал гражданку!

Словом, сабантуй был в разгаре. Вскоре подошел наш следователь вместе с майором. Майор был чуть навеселе, но одет по форме, разве что китель расстёгнут. Он кивнул нам, приветствуя наше прибытие, и сказал:

– Парни, тут такое дело, у нас мероприятие сегодня. Давайте завтра с утра, а? Ну, сами понимаете...

Мы, естественно, понимали, а потому вошли в положение, ибо требовать от начальника ГАИ исполнить свой служебный долг здесь и сейчас было бы с нашей стороны неслыханным нахальством.

– Ну, конечно, товарищ майор, понимаем, раз такое дело. Завтра будем у вас поутру, как штык, – ответил я за двоих. И тут же, распахнув дверку «уазика», достал из бокового кармана дверки бутылку коньяка: – Товарищ майор, не откажите принять...

– Да вы что, ребята! – засмеялся майор. – У нас своей выпивки – дай бог осилить. Нет, спасибо, не надо.

– Ну, товарищ майор... Как же так? Неудобно вроде... – забормотал я, чувствуя, что делаю что-то не так.

– Ладно, – пришёл на выручку майор, – хлопнем по чарке как бы за знакомство.

Я разлил коньяк по стаканам, которые принес сержант. Мы все дружно – майор, следователь, сержант и я приняли на грудь. Но моя естественная попытка повторить была в корне пресечена доблестной милицией:

– Не, не, ребята, спасибо! Нам ещё гулять, а тут сразу такой накат...

– Так возьмите хоть с собой, – я вытащил оставшиеся бутылки.

– Владимир, это лишнее! – отказался майор. – Не надо. Отвезите своим ребятам в полевой лагерь. Я, так понимаю, они вам тоже помогали в трудной ситуации. Там это и будет к месту. Всё хорошо, спасибо. Езжайте, а утречком ко мне... Лады?

Несколько обескураженные, мы с Юрой выкатили из хитрой берёзовой рощи, обставленной запрещающими дорожными знаками. Дорогой мы обсуждали с водителем ситуацию и пришли к выводу, что майор – принципиальный человек. Очень даже вероятно, завтра нас «опрессуют» на всю катушку. Но что делать? Так сложилось. Форс-мажор, обстоятельство непреодолимой силы. Мы сделали всё, что могли. Осталось ждать...

Наш геологический контингент оказался менее щепетильным, нежели сотрудники ГАИ, и потому никакого отказа не было, коньяк пошел на ура и всем было хорошо. Кроме нас с Юрой, ибо нам предстояла ещё одна ночь в тревожных раздумьях, но мы были не властны над ситуацией. Надо было просто дожидаться завтрашнего дня. Утро вечера всегда мудренее.

Утром ни свет, ни заря, попив на скорую руку горячего чая, мы с Юрой снова сели в «уазик» начальника партии, и его водитель помчал нас в сторону райцентра.

Майор был на месте, и на его невозмутимом лице не было даже малейших следов вчерашней гулянки. То ли крепкий мужик, то ли всё же гуляет милиция в меру. Такое тоже бывает в мужской компании, чтобы там ни говорили на эту тему женщины.

– Ну что, бойцы, – обратился к нам майор, – пора заканчивать с вами. Значит, так, геологи. Претензии вы погасили, следовательно, по линии возмещения народному хозяйству причинённых убытков вопросов нет. У нас, ГАИ, тоже нет к вам особых вопросов, за исключением...

Майор раскрыл дело и вынул водительское удостоверение Юрия:

– Сейчас от меня сразу дуй в сберкассу, там знают расчетный счёт. Заплатишь штраф, тридцать рублей. Проступок был, и наказание тоже должно быть. Это так называемая мера административного воздействия.

Он показал глазами в потолок, протянул Юрию удостоверение и чуть улыбнулся:

– Так что, каскадёры, будьте впредь аккуратны, как и раньше до этого случая. Думаю, полученных впечатлений хватит надолго, и выводы из этого вы сделаете соответствующие.

– А секретарь?! – невольно вырвалось у меня. – С ним-то как быть?

– А что секретарь? – вскинул брови майор – Штраф я на вас наложил, наказание вы понесли. Ущерб возмещён. Дело закрыто... Ступайте.

Слегка ошарашенные таким зигзагом, мы попрощались и направились к двери. И только я взялся за дверную ручку, как...

– Стойте! – окликнул нас майор.

Мы на мгновение замерли, а потом резко обернулись. Неужто ещё что-то?!

– Виноват, – проговорил майор, шаря в тумбе стола. – Чуть не забыл. Вот, возьмите.

И он протянул нам тонкую прямоугольную пластину.

– Пять дней назад вы задний номерной знак потеряли от своего вездехода. Вот уж точно, каскадёры... Прикрутите его как следует.

У нас с Юрой рты раскрылись от изумления. Ничего себе, пассаж! Мы горячо поблагодарили майора и выкатились из кабинета. Юра на рысях умчал платить штраф, я переговорил с водителем «уазика», коротко поведав ему, «чем сердце успокоилось», и попросил передать начальнику гидропартии, что завтра-послезавтра мы уже будем в лагере. Нам оставалось обследовать всего несколько скважин...

Водрузив номерной знак на положенное место и закрутив его до посинения, мы с Юрой съехали с гостеприимного милицейского двора, и продолжили свой маршрут, так неожиданно прерванный неудачно сложившимися форс-мажорными обстоятельствами.

Хотя как сказать... Впоследствии при встречах с Юрой мы всегда вспоминали наш каскад приключений и человечность доблестной милиции. Что стоило начальнику ГАИ взять нас в оборот и окучить по полной программе, причинив ощутимые неприятности? А вот нет же, наша экзекуция прошла в щадящем режиме. За что мы были очень благодарны нашей милиции.

Страшно даже подумать, во что могло для нас вылиться подобное происшествие, случись оно в сегодняшнее либеральное время, время прав человека, время ломки стереотипов, смены моральных ориентиров и возрождения как бы духовности...

Владимир Крюков

...ДОВЕРЯЯСЬ ПРОСТЫМ ЧУДЕСАМ

* * *

Много тех, кто подавал надежды,
Кто в стихах страдал и ликовал,
Рано прибрались, смежили вежды,
Не осилив главный перевал.

Но преодолевший горы эти
не увидел рядом никого,
кто бы поддержал его, приветил,
кто хотя бы выслушал его.

* * *

– Со мной только так и бывает, –
привычно уже говорила
Ахматова Анна Андреевна
о том, что выпало ей.
Не плакалась, не возносилась
в гордыне княжной опальной,
спокойно шла по этапу
нелёгкой судьбы своей.

О смерти её сообщили
что называется, скромно.
Я был поселковый школьник,
мне было шестнадцать лет.
Ахматову не читал я,
но Валентина Ивановна –
любимый учитель – сказала,
что умер большой поэт.

И вскоре узнал я строки,
Которые очаровали.
А годы спустя открылись
и дни её, и дела.
И стало ясно, что можно
прожить свою жизнь достойно
и в самое подлое время.
Она ведь смогла? Смогла.

* * *

Толе Перервенко

У художника в полуподвале
мы художественно подавали.

И в подпитии и поддатии
заключали друг друга в объятия
в благородном порыве чистом
в подражание лицеистам.

Прежде чем оказаться в отрубе,
мы выстаивали на Обрубе,
в длинной очереди за алкоголем,
будто не человек, а Голем
нас испытывал на терпенье.
Слушали маты и ветра пенье.

Час проходит и новый длится.
Там под обрывом река струится,
река Ушайка... Но мы у цели –
мы получаем, чего хотели.
И поднимаем лихие тосты
на порубежии девяностых...

Пускай Ушайка – не Стикс, не Лета,
но голоса из другого света
звучат над нею, когда я мимо
сейчас иду, и со мной незримо
шагают жители иного мира,
что за Басё и за Велимира
когда-то пили. И виновато
я говорю им: привет, ребята.

* * *

Вода подо льдом,
вода взаперти,
смеркается сразу после шести,
холод в затылок.
Ах, лето прошло.
Стоит у дверей
пора уныния. Дунул борей –
всё и застыло.

Мои облака,
мои корабли
летние, лёгкие утекли.
Но утешая,
себе говорю
у ночного окна:
гляди-ка, зато какая луна
чистая и большая.

Пристань Нарым*Валерию Сердюку*

Ожидая катера на холодной заре,
мы ёжились, околевали,
а старухи в стороне на горе
сидели строго, как в «Калевале».

За ними в светлеющем небе росли
высокие крупные ели,
и две старухи за край земли,
за край своей жизни глядели.

И мы укротили постыдный озноб,
сумели, возобладали,
и с нашими спутницами заодно
достойно и просто ждали.

Они, немую молитву творя,
и мы на брёвнях причала
вбирали всю благодать сентября,
что небо нам расточало.

И утро ровный северный свет
равно на всех проливало,
как в памятных чуть не с дошкольных лет
картинках из «Калевалы».

Томску

В деревенские юные лета
Близ колодца, лицом к небесам,
Белым облаком реешь по свету,
Доверяясь простым чудесам.

Но как цепь на колодезный ворот
Намотал мои дни и года,
Ты, со мною, повязанный город,
Не отпустишь уже никуда.

Но ни скорби, ни злости, ни боли –
Я ведь сам покорился тебе.
И охота не пуще неволи.
И судьба не сводима к борьбе.

Воспоминанье о костре

Стоял кузнечиковый треск,
Пространство стрекоза ловила.
И тут меня остановило
Воспоминанье о костре.

Я был учитель молодой,
И девятнадцатого мая *
Мы, мелкий сухостой ломая,
Костёр сложили над водой.

Летели облака, легки,
Гордился я в минуты эти,
Что здесь со мной не просто дети,
Они – мои ученики.

Огонь окреп. Ура, ура!
Захлопал красными крылами.
Незабываемое пламя
У пионерского костра!

И через много-много лет
Я снова здесь. Но вот в чём дело:
Река настолько оскудела,
Что, собственно, её и нет.

И годы не вернуть назад.
А срок прошёл такой немалый,
Что свой привычный галстук алый
Я не сумею повязать.

* День советской пионерии

1989 (2012)

* * *

Толя нам доверял обласок.
Мы – с горы, босиком
вниз по склону, наискосок
пыльным, сухим песком.

Кожей помню то, как он жжёт,
как он горяч, колюч...
Всё-таки Толя не жлоб, не жмот –
разве бы дал он ключ?

Мы отмыкали ржавый замок
На тяжёлой цепи.
Чтобы без нас убежать не мог,
говорили: терпи.

Как с цепи сорвавшийся пёс,
голову очертя,
как летит – словно Бог понёс! –
ног не чуя, дитя,

Так обласок наш несло, несло,
будто на крыльях мы,
только чуть повернёшь весло
с выгребом от кормы.

... Нынче снится дым над водой,
то ли туман, то ли дым.
Друг мой – тогда, как и я, молодой –
так и ушёл молодым....

* * *

*Твори уверенно и стройно,
Слова послушливые гни.
И мир, обдуманый спокойно,
Благослови иль прокляни.
Владислав Ходасевич*

И посланцы Плутона входили, маня
тайным знаком кошачьего зрака,
потому с малолетства прельстило меня
обаяние мрака.

И полночные звуки мне стали близки,
потому оказались не впору
хлебосольные, белого льна рушники,
завывания хора.

Да, я знал, что со мною всегда и везде
Тот, которому я доверяю,
но не мне люди в золоте и бороде
будут поводьями.

В синих сумерках долгой сибирской зимы
затворюсь от державного мира,
но во время почти победившей чумы
мне совсем не до пира.

Среди блюзовых нот, среди дружеских книг
окружён я и мраком, и светом.
Жизнь, я был и останусь твой вечный должник.
Помню, помню об этом.

Видеть тебя
в подражание Галчинскому

Оле

Когда проходит дождь полосою,
видеть тебя при дожде босою,

под ветром свежим и в листопаде,
в полуденном зное или прохладе,
в осиннике, березняке и соснах,
в травах густых и тяжёлых, росных.

В конце улицы и в начале,
беспечальною и в печали,
чёрной ночью и днём белым,
в сумеречном свете несмелом,

когда покой тебя поджидает,
и сон, как цвет, как цвет опадает,
и сыплет тебе на спящие веки...
Ты рядом, ты возле сердца навеки.

* * *

В моём бревенчатом дому
трещат поленья,
и хорошо мне одному
предаться лени.

И хорошо мне у печи
внимать заветам:
таи, скрывайся и молчи
о том, и этом.

Но я, конечно, не один.
Со мною в дружбе
и саксофон, и клавесин,
и мрак снаружи.

Что снова день сошёл на нет,
Не забываю.
Да, мой отчерпывают свет –
он убывает.

Дрова подкидывая в печь,
я чую кожей,
как время продолжает течь,
застыть не может.

Геннадий Скарлыгин В ЭТОМ ГОРОДЕ ДРЕВНЕМ...

* * *

Это всегда утешение:
Видеть, как солнце встаёт.
Радость и удивление –
Утренний птичий полёт.

Эти премудрости утра –
Небо и облака.
Как-то спокойно и мудро
Так вот и плыли века.

Так постепенно и плавно –
Над этим леском и жнивьём.
Вот и подумает: славно,
Славно, что здесь мы живём.

* * *

Взгляд виноватый, почти собачий,
Срежет, что-то в душе замутит.
Так, что застынешь на этом пути
От боли почти кричащей.

* * *

Земля должна дышать,
Ей многое по силам.
Не может она стать
Больной, немой, бессильной.

* * *

Над нашим домом пролетали
Две пары чёрных журавлей.
И тёмной точкой вскоре стали
Две пары чёрных журавлей.

Чего несут они? Ведь счастье
Сегодня им не по плечу.
Они несут сюда ненастье?!
«Зачем – ненастье?» – вслед кричу.

Под тем, под берегом суровым,
Их не увидит дерзкий глаз.
И с каждым годом путь их снова
Пройдёт над нами. И на нас

Сойдёт их тёмное величье,
И дерзновенных крыльев взмах.
И голос гордый, голос птичий
Растает в низких облаках.

О чём здесь родина тоскует?..
О чём тоскует этот край?..
Уже задули ветродуи,
И нас не слышно в этом гуле.
Хоть вспоминай – не вспоминай.

* * *

Владимиру Костину

Снега-снега, поля-поля:
Унылые картины.
Люби – люби эти края,
О них пиши былины.

Доверься росчерку пера,
И холоду, и снегу.
Такая на дворе пора,
Кричи, хоть – кукареку.

Лишь гул услышишь вдалеке,
Подземный и утробный.
Так лёд ломается в реке,
Сбиваясь в месте лобном.

Изрезанный пройдёт состав,
Белеющий, упрямый.
И вздыбится, к мосту пристав,
Там, на излёте самом.

Там на излёте зимних дней
(Чего ещё нам надо?),
Весна идёт. А с ней, за ней
Придёт душе отрада.

* * *

Ужели этот край – не зги, не зги не видно.
Падение колонн, падение времён.
Ужели это мы здесь жили
жизнью сытной.
И ткали и плели тот кровеносный лён.

* * *

Много раз уезжала.
А сейчас – тоска.
Будто острое жало,
Махнула рукой – пока.

Много раз провожала,
Не увядали глаза.
Было той жизни мало.
Малой была гроза.

Много раз причитала
Над судьбой своей.
Слёз – что воды талой,
Не утонуть бы в ней.

* * *

Алексею Шорохову

Есть строки – нельзя дописаться,
Но можно – дожить.
Какая причуда нам, братцы:
Так просто, пожить и дожить.

Ты видишь, в растаявших корнях,
Листою приветствуя нас,
Леса оживают весною. А днями
Небесный слетает окрас

С их веток могучих и сильных.
И сразу задышат веками
Их кроны на почве живой.
Под милыми облаками,
Прозрачной покрытые хной.

Я верю в заметы простые,
В глубинную жизнь камышей.
В родные столбы верстовые,
И в мудрость привычных вещей.

* * *

Псковитянка улыбалась мне с экрана.
Ей хотелось что-то мне сказать.
В блеске копий, в пелене тумана –
Воинов тяжёлые глаза.

Что ж, твоя улыбка много значит
Перед битвой, сечей мировой,
Перед стоном, материнским плачем.
Перед тем, как встретимся с тобой.

Зима в Тобольске

Аркадию Елфимову

Пар морозный над твоей столицей,
Храмов бесконечные глаза.
Ах, Аркадий, мне бы здесь родиться:
Град родной, родные всюду лица
И Святых Тобольских образа.

Растворился я в твоих просторах.
Мудрых зодчих слышу голоса.
Белый лебедь светлого собора
Плыл и плыл куда-то в небеса.

Глянут изумлённые народы
На деянья прашуров твоих.
Спросят: ты откуда? кто ты? кто ты?
В одеяньях – ризах золотых.

Зычными победными речами
Отгремел Ермак в твоём краю.
Эти речи много означали.
Я об этом песнь свою пою.

Ремизов, служивый человеке,
Зачинатель многих славных дел.
Вот и он взвалил себе на плечи
Груз великий. Как же он сумел

Пушки лить получше европейских,
Строить Кремль, измерить всю Сибирь?!

.....
Ветер здесь колючий, зимний, резкий,
Но растёт Тобольск и вверх, и вширь.

Окраина

Юрию Перминову

Любинская, Заезжая...
Там, где друзья живут.
Улиц примета прежняя –
Лица родные тут.

И заскользил у кромочки
Сухонький старичок.
И прошагал по досточке
Мальчик – смычок – сверчок.

Бьётся в оконную раму
Рябины краснеющей ветвь,
До горизонта самого –
Листьев ложиться медь...

Благо твоим окраинам,
Благо твоим дворам.
Благо – укромным, тайным,
Скрытым от глаз дарам.

Читая Блока

Блок и море...
Я и блоковская Незнакомка,
Как бабочка Махаон...
И снова он, бредущий Петербургом.
Когда под утро.
Когда и он совсем ещё не он,
А просто – растворившийся
Полночник.
Отсвечивая медью и росой,
Ступает сердцем родиной босою.
Ещё «двенадцать» щёлкают затвором,
Ещё следы в историю не вмяты.
Шёл 1905-й...

* * *

Что за чертою будущих дней
Светит нам или греет...
Кажется, становлюсь добрей.
Но что-то всё крутит и реет

Над головой. Метёт канитель,
Кружит, вертит морока.
Тревожно шумит моя ель
Во дворе, недалёко.

Этот зелёный мотив
Я слушаю много лет.
Снега очистив и укротив,
Всё ярче небесный свет.

Пронзительна стойкость деревьев,
И тонкость лозы щемит.
Холод давно презрев,
Сердце летит в зенит.

* * *

В этом городе древнем
Неуютно стало слегка.
Пора мне, пора в деревню,
К моим снегам, к моим берегам.

Прижимает всё больше к земле,
Ветер вольный задует из леса.
Хочется пошуровать в печной золе,
Завести собаку, качалку-кресло.

Собака поймёт все мои тревоги,
Глянет, умным сверкнёт зрачком.
Учует чужого в ночи на дороге.
Цепь рванёт, крутанётся волчком.

С ней поведу я свои беседы –
В дождь и в снег – привалюсь ничком.
Одни у нас будут грёзы и беды.
Согреет радость нас горячо.

* * *

Всё проверено много раз,
Золотою не быть середине.
Друг уехал вчера на Кавказ.
Его женщина плачет в Медыни.

Что ж, ей плакать как встарь. Не вина,
Что историю двигать по кругу
Научились. Но всё-таки плачет она,
На тоску, на беду, на разлуку.

Небо сеет белёсой крупой.
На окраины ветер слетает.
И утюжит морозец прибрежный покой,
И снега завивает цветами.

Залетает созвездий мираж,
И скользит по бескрайнему полю.
Этот мир так устроен, но всё-таки наш.
Знать, нести до конца его долю.

И опять же, как встарь, на ветру,
Будет женщина плакать от горя.
Этот миф, этот плач на миру
Будет даль волновать, словно море.

* * *

Дождь моросит по всей округе,
По всей округе маета.
Так льют невидимые руки,
Течёт вселенская вода.

Ты помнишь: отрок одинокий –
Я жил в палатке под дождём
В лесах, в горах, в стране далёкой.
Мне говорили: «Подождём,

Вот-вот нам радостью раскроют
Полынный берег и закат.
И поведёт нас русский классик,
И будет каждый жизни рад».

Да будет свет в конце тоннеля,
Пробьются звонкие ручьи.
По слову щучьему Емеля
Здесь будет править. «Вы чьи?» –

Он спросит нас. И удивится,
Что мы из времени того,
Где вроде б лучше удавиться.
А мы живём. И ничего.

●
Имя Ивана Александровича Исаева занимает отнюдь не рядовое место в ряду поэтов, оставивших заметный след в русской лирической поэзии.

Родился он в июле 1938 года в небольшой деревушке Малиновая Грива Томской области, ныне уже не существующей. В девять лет, переболев менингитом, потерял слух. Вслед за этим ушёл из жизни отец... Череда несчастий не пригасила у подростка стремление к жизни, укрепила в нём тягу к знаниям и творчеству. Продолжать учёбу пришлось в отрыве от дома, от семьи в спецшколах Томска и Новосибирска.

По окончании машиностроительного техникума работал на заводе конструктором и настойчиво готовился к поступлению в Литературный институт имени М. Горького. В 1973 году получил диплом об его окончании. С этого же года по 1990-й работал по договору в отделе поэзии журнала «Огонёк». Был сотрудником в издаваемом Всероссийским обществом глухих журнале «В едином строю», редактировал газету «Мир глухих». Бессменно руководил литературным объединением неслышащих поэтов «Камертон». Подготовил и издал несколько коллективных сборников произведений «камертоновцев». Заметным явлением в литературной жизни стала вышедшая в 2000 году «Антология глухих поэтов XX века», составленная И.А. Исаевым, в которую вошло около 80 авторов.

Поэт скоропостижно скончался в сентябре 2005 года.

Его собственное творческое наследие невелико: при жизни он издал три сборника: «Ладонь на плече» (1974), «Остров молчания» (1990) и «Загашник» (1998). Посмертно вышли ещё две книги – «Грамматика жизни» (2006) и «Перламутровые облака» (2013).

Иван Исаев

НА ПОРОГЕ

ЭПОХИ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

Стихи о чуде

Среди лопухов над завалинкой
вечерняя спит тишина.
Лишь я, белобрысый и маленький,
томлюсь на задворках без сна.

В штанишках, росой измусоленных,
босой, я к заплоту прирос:
над звёздами спелых подсолнухов
нависли подсолнухи звёзд.

Да сколько же их, переменчивых,
повысыпала высота!..
Одно из мерцающих семечек
вдруг выпало из решета...

Что может быть в космосе дивнее:
былинка пылинку нашла
и песнью зажглась лебединою,
и пала к стопам малыша!

Скользнула –
как будто пригрзилась.
То был мне тот знак неземной:
я мечен звездой, что врезалась
в подсолнухи рядом со мной.

Я видел звезду, догоревшую
у ног моих – и на миру
судьбину свою небезгрешную
в свидетели чуда беру.

Три цвета

Один мой дед был красный,
другой – служил у белых.
Один был нравом страстный,
другой из оробелых.

Да смута на полсвета
их выбор уравнила
и болью лазарета,
и страхом трибунала.

Вернулись к бабам, стали
те ждать беды. Однакошь
один бутылку поставил,
другой – спроворил закусь.

Попили и попели
у разоренной риги
расейской эпопеи
герои-горемыки.

Гражданскую отметив,
запили мировую,
налили и по третьей:
– Давай на мировую!

– Слышь, у тебя же Зинка!..
А у меня-то Санька!..
Прирезали подсвинка
и – сивку-бурку в санки!

Гармошка, ленты гривой,
и – о-го-го потеха!..
Малиновою Гривой
откликнулося эхо.

Откликнулось контрастом
во мне кровь хлеборобов:
как дед Ефим – я страстен,
как дед Андрей – я робок.

И, видно, с их закваской
моею стали песней
и белый цвет, и красный,
и тот, что понебесней...

Неужели?

К.И. Чуковскому

Лишь забудусь –
из тумана
возникает, как на снимке:
у стола притихла мама,
на скамье соседки сникли.

А напротив, не мигая,
загляделась тётка Нинка,
как кругами, всё кругами
надрывается пластинка.

Отзываясь звоном в теле,
прорываясь паром в сени:
«Неужели,
в самом деле
все сгорели карусели?»

Что мне было до вопроса –
я мечтал, прижавшись к маме,
как отец с войны вернётся
в галифе и с орденами!

А над нами в томском небе
грозно знаменья горели,
точно высь была во гневе...
Неужели? В самом деле?

Было так невыносимо,
что, собою не владея,
патефону, как гусыне,
мать сворачивала шею.

Звуки резко замирали.
Но под всхлипы и сморканье
по спирали, по спирали
продолжалось, не смолкая,

продолжалось на пределе,
с неотвязностью идеи:

«Неужели,
в самом деле?
Неужели?!
В самом деле?!»

Так звучало, точно вещим
этим гласом вопрошала
и судьба сибирских женщин,
и судьба земного шара.

... Молода она, стара ли,
жизнь идёт, в подъёме плавном
по спирали, по спирали,
повторяясь в самом главном.

Дети – деды, деды – дети,
друг за другом, к вешке вешка...
Неужели, в самом деле
так и будет вековечно?

И ни крови, и ни гари?
Или снова чья-то Нинка
заглядится, как кругами
надрывается пластинка?

А за нею потихоньку,
теребя кофтенку складки,
вновь приникнут к патефону
горемычные солдатки.

Все до срока поседели,
все с лица как будто серы.
Неужели, в самом деле
все сгорели карусели?

Русский медведь

Заворочался в берлоге
русский заспанный медведь –
пол-Земли в сплошной тревоге,
ходуном и воль, и твердь!

Объяснять ли страхи эти?
Не какой-то там шалун –
зверя злее нет на свете,
чем проснувшийся шатун.

Пусть уж дрыхнет, да подольше,
 лапу грозную сося!..
 От Японии до Польши
 мир
 при-
 слу-
 ши-
 вает-
 ся.

Лишь охотники в законе
 делят, споря горячо,
 шкуру
 русского засони,
 не убитого ещё.

Мамонты

Вот и взорвано царствие сонное,
 с солнцем августа тронулся лёд!
 Здравствуй,
 племя младое,
 джинсовое!
 Ваше время – Отечество ждёт.

Ну а нам, в лучших чувствах обманутым,
 чьи святыни осквернены,
 нам теперь доживать – как мамонтам
 ледовитой эпохи страны.

Преемственность

Молодым ошибаться,
 старикам ушибаться,
 потирать синяки:
 – И в кого вы, сынки?!

* * *

От Москвы до самых до окраин,
 от окраин самых до Москвы
 снова мы
 в Историю
 играем,
 не осмыслив старую, увы...

Всепрощение

Может, время им и нам,
отложив хвалу и ругань,
всех назвать по именам
и воздать им по заслугам?

Может, время им и нам –
ведь и наши сроки минут –
всех назвать по именам:
сраму мёртвые не имут.

Может, время им и нам –
и пресветлым, и подонкам –
всех назвать по именам
в назидание потомкам?

* * *

На пороге эпохи открытых дверей
ты стоишь и не веришь глазам:
ни замков, ни запоров...
и всё ж, дуралей,
повторяешь: «Откройся, Сезам!..»

Там, за дверью, манящие в щёлку пути.
Да сознанием осажена пруть:
слишком долго держали тебя взаперти,
чтобы взять просто так – и открыть.

Слишком долго темнили по кругу идей,
чтоб сегодня ты сослепу смог
на пороге эпохи открытых дверей
встать и, жмурясь, шагнуть за порог!

Малиновая Грива

поэма

На Малиновой Гриве – малина.
На Малиновой Гриве – грибы.
Как манила она, как манила,
Заклиная перстами судьбы.

Что ни год,
то острей, неизбывней,
неотвязнее день ото дня...
Никого – ни родни, ни избы в ней.
Ничего за душой у меня.

Всё забылось, завяло, зачахло,
поросло обелисками пней.
Но ведь это ж начало –
начало! –
географии жизни моей!

Вот у этой кедровой таёжки,
и пугая, и далью маня,
ручеек прикрылечной дорожки
подхватил карапуза меня.

Подхватил и понёс – да куда я?! –
сквозь размывы годов и картин,
и из крайности в крайность кидая
и катая по горкам крутым.

Посчитать – наломали дровишек.
Ну а толку-то ни на вершок:
то ли в люди я так и не вышел,
то ли... то ли в себя не вошёл.

Вёрсты шальные, ветры шальные,
да припевки мальчишеской зуд:
«Раз тебя без тебя оженили,
соответственно, и разведут».

«Развели» вот: руками насили
развожу.

А за мной, за спиной –
океан шириною в Россию,
в тридцать лет ледоходных длиной.

Детство, где ты?
За дымкой просёлков.
Годы юности, где вы? Увы!
Только крупные капли на стёклах,
только трупные пятна листья.

За окошком опять зарядило,
задожило – до жженья в груди.
Золотая моя середина?..
Наконец-то и ты, заходи!..

Вот где встретились...
Чаять не чаял,
что наступит подобный момент:
мы в деревне, в начале начала! –
а деревни давно уже нет!

Как ведётся, едва от кровати
мы без мамы дошли до двора –
и штанишки нам коротковаты,
и деревня родная – дыра.

Прогрессисты во всём, вертопрахи,
если ж дело доходит до них,
мы заковываем их в оправы,
запираем в заветный тайник.

Кержаками пред чудо-иконой
мы радеем в святой простоте,
умиляясь исконно-посконной
неподвластной годам красоте.

Обгоня с азартом друг друга,
посвящаем родимым стихи,
в коих автор, конечно, от плуга,
а иной, побойчей, – от сохи.

Обещаемся вскорости в гости,
да, вестимо, делишки дела...
А нагрянули – мать на погосте,
а вокруг – ни двора, ни кола.

Рви рубаху и грохайся оземь,
забивая под ногти помёт, –
поколения нового озимь
всё равно ни черта не поймёт!

Будут вновь, спотыкаясь и раясь,
вдалеке от родимых куртин
и кидаться из крайности в крайность,
и кататься по горкам крутым.

Пусть потешатся – их не убудет.
К возмужанью дорога крута.
Будут новые люди – и будут
по Сибири расти города.

Метрополии угля и газа,
суперпорты у нефтеморей...
Так чего же тягаться-пугаться
обречённой деревне моей?

Пробил час их. И неумолимо –
по законам таёжной борьбы –
наступает на избы малина,
обступают задворки грибы.

И над ними, над нами, над прошлым,
уходящим навеки за кадр,
вызывающе молча, как коршун,
распростёрся над ними закат.

Молитва

Ничего-то не надобно мне,
лишь маленько еды и одёжи,
да уверенность в завтрашнем дне.
Ниспошли же, о Боже!

Никого-то не надобно мне,
кроме друга, что вдвое дороже –
воплощённый в желанной жене,
Ниспошли же, о Боже!

Никого, ничего. К небесам
взор стремится, земное итожа.
Знак того, что продолжусь я там,
ниспошли же, о Боже!

Зоя Семеновна КИРИЛЛОВА (Яковенко) родилась в 1947 году в городе Колпашево, там же окончила среднюю школу. Потом поступила в Томское музыкальное училище. Окончив его, много лет проработала музыкальным работником. Последние годы своей жизни жила в Колпашеее. Успела выпустить сборник стихов «Лесной платок» (1995). Трагически погибла в 1999 году.

Зоя Кириллова

ТЕПЛО ДУШИ – ВОЛШЕБНЫЙ ДАР

* * *

В зелёной панаме
Кружится земля.
И мама в платочке,
И рядышком – я...

* * *

Люби меня! Я буду птицей!
Весной – подснежником в снегу.
Ищи меня – тебе приснится,
Как я в твою весну бегу!
Найди меня в ромашках белых,
И будешь пить с меня росу!
Ищи меня в словах несмелых
На поле, в небе и лесу!
Найди меня!
Пусть с опозданием...
Когда придут твои дожди,
Боюсь лишь выбора-признанья:
Я – не с тобой. Прости...
Не жди!..

* * *

Ромашковое поле
И в небе – облака...
Привольное раздолье
Плывёт издалека...

Я с трепетом листаю
Души моей альбом,
И снова вспоминаю
О самом дорогом...

Забытый ненароком,
Вдруг выплывет лесок...
Зелёные уроки
И ягод туесок!

Надломленная ветка...
Её протяжный хруст,
И думы – до рассвета,
И розовая грусть.

* * *

В опале огненных страстей
Рябины
 стылой
 кисть...
На стыке века скоростей
Моя
 шальная
 жизнь!
Не так – живу!
 Не так – пишу!
К слезе – любой пустяк!
Осенней стыlostью дышу...
И всё – не так,
 не так...

Царевна

У линии дорожных поездов
За насыпью, где выросла деревня,
Стоит с весны до самых холодов
Свеча-берёза – мёртвая царевна.

Стальные рельсы врезались в неё.
Уж не испить корнями вешней влаги,
Над ней кругами вьётся вороньё,
И туч залётных траурные флаги.

Не сломлена грозой, наперекор
Творенью человеческого действия,
Стоит застывшей мумией, в укор
Царевна белая на станции «Злодейство».

В гостях у января

Ночь. Ни души... Мороз. И пар!..
Моё дыханье плюсовое...
Тепло души — волшебный дар
Клубами вьётся надо мною...

Всё волшебство! И тишина,
Покоем влитая в дорогу,
И парк в своём убранстве строгом.
Январь...
И снега белизна!..

Какая ночь! Я у Вселенной
В гостях в начале января...
И, может статься, что не зря
Отпущен миг новоявленный!..

Банька

Махом – сброшена сорочка,
В изголовье – береста,
В чистой баньке на полочке
Млеет тело... Красота!

Радость неги – бесконечна!..
И душа обнажена,
И плывёт со мною вечность...
Всплеск воды...
И тишина...

Эх, поддам-ка ещё пару!
Веник – в руки. Вот дела!
Удовольствие – задаром
На окраине села!

Я, как малая девчонка.
Вся – в чём мама родила...
И в оконце, словно в щёлку,
Сверху пялится луна.

Февральская месса

Запели белые снега...
Колдуньей – муза Снеговоя
На плечи дарственно легла,
И внемлю ей, благоговая...

Откуда музыка с небес?
Кто шлёт мне дивное посланье?..
Бело.
 Светло.
 И зимний лес
Объятый
 негой
 ожиданья...

Ночь

Пусто в доме. Не стало мамы...
На дворе снегом путь замело.
Ветер чем-то колотит в раму
Ну а мне – дышать тяжело...

Бьётся сердце, как в клетке птица!
Примостилась ночь за окном.
Не читается...
 и не сидится...
В чёрном небе луна – блином...

Вот она – запоздалая жалость!
О, Господь, за грехи прости...
Не прощаюсь я... Приближаюсь
С каждым днём к своей маме в пути...

* * *

...Зовёт дорога белая...
Что я с собою делаю?
От губ твоих, от рук твоих...
Повсюду – снег!
 Он нем.
 И тих.

* * *

Залегла на сердце боль,
В вечер опрокинута...
Не играю чью-то роль,
Я тобой – покинута.

Солнце луч едва скользнул,
И исчез за тучами...
Мне, печальнице, мигнул
По такому случаю.

Татьяна Мейко

ПЕВУЧАЯ МОСЬ-НЭ

Жила в глухом углу дремучего леса маленькая певучая Мось-нэ, и всякий, кто набредал на её избушку, дивился:

– Как ты в этих дебрях одна живёшь? И не скучно тебе, и не боязно? Здесь и людей-то нет, только филин летает.

А она пела в ответ:

– Хорошо живу в моей избушке-деревушке. Солнце ко мне по утрам заглядывает, птицы прилетают, белки прибегают, а филин пожалует – и ему буду рада.

Услыхал филин и прилетел к маленькой Мось-нэ. Сел на крышу, заглянул в дымовое отверстие чужала, послушал, как она поёт, и говорит:

– Спой мне песню про меня, чтобы знать мне, каков я.

– Как же я спою, если ты сам про себя не знаешь?

– Спой, а то взмахну крыльями и засыплю снегом твою избушку.

– Подлети к окошку, я хоть посмотрю на тебя.

Подлетел он, кривым носом в окно постучал. Мось-нэ его оглядела и пропела:

– У филина глаза плоскими, у филина нос крючком...

Филин рассердился:

– Вовсе я не такой!

Крыльями взмахнул, засыпал избушку наполовину снегом. И опять:

– Спой мне песню про меня, чтобы знать мне, каков я.

– У филина пёстрые уши, у филина мохнатые голени... – запела маленькая Мось-нэ.

Грозно зашевелил филин пёстрыми ушами, гневно затопал мохматыми ногами – занёс избушку-деревушку снегом до самой крыши. И заухал:

– Спой мне песню про меня, чтобы знать мне, каков я. Только если и в этот раз плохо споёшь, засыплю избушку выше крыши, никто никогда тебя не найдёт!

В третий раз запела маленькая Мось-нэ:

– Голос у филина суровый, нос у филина сердитый, а глаза у филина грустные! Вертит он головой во все стороны, будто ищет кого-то... Плохо ему одному в холодной тайге, будь он человеком – замуж бы за него пошла!

На этот раз слушал филин, не перебивая. А как кончилась песня, раскидал снег у входа, дверь распахнул и через порог переступил. От перьев отряхнулся, словно путник от снега, и превратился в прекрасного юношу.

Увидела его маленькая Мось-нэ и пропела радостно:

– До чего хорош филин! Всем хорош – от маковки головы до мизинчика. Глаза его сияют звёздами, кожа прозрачна, как свет луны, и весь он чистый, свежий, как таёжный ветер. Целую жизнь бы глядела и очей не сносила!

Улыбнулся он довольноно:

– Всё поёшь, маленькая Мось-нэ! Боишься, что снова в сердитого филина превращусь? Не бойся! Ты одна сумела меня разглядеть под грубым птичьим обличем, ты одна меня пожалела. За это навсегда с тобой останусь – будем жить в любви и согласии в этом уютном уголке дремучего леса.

– А я и не боюсь, – ответила маленькая Мось-нэ, – я просто петь люблю.

СТАРЫЕ ЧИРКИ

На далёком стойбище жила старуха с сыновьями. Пришло время, женились сыновья, поставили большой чум и стали жить одной семьёй.

Только мать с невестками ужиться никак не могла. Что они ни сделают, всё было не по ней: и детей-то они нянчат неправильно, и мужей с охоты встречают неласково, и рыбу солить не умеют, и шкуры выделывать. Ей казалось, что раньше, во времена её молодости, всё лучше было: еда вкусней, одежда удобней, чирки мягче...

Особенно часто она свои старые чирки вспоминала.

Дня не проходило, чтобы мать сыновьям на невесток не наговаривала. Те в ответ тоже жаловались. Худо стало в большом чуме.

Вдобавок ко всему начались у братьев неудачи в промысле: то зверьё не ловилось, то рыба в силки не шла, то олени пропадали. Сколько ни просили они помощи у добрых духов, сколько ни задабривали злых, всякий завтрашний день выходил хуже вчерашнего.

Решили братья уехать со злополучного места. Только куда? От стойбища до большой земли добираться дольше, чем до неба! Вот один и предложил на небо перекочевать.

«Там, – говорит, – нам лучше будет, там вчерашний день поминать не принято».

Семь дней шаманили, дорогу узнавали. А как узнали, собираться стали. Связали самые крепкие нарты новыми верёвками, на верёвки звонкие колокольчики повесили. Запрягли молодых резвых оленей и велели женщинам укладываться, только ничего старого и ветхого с собой не брать. На небе никакого старья быть не должно – а всё только новое и свежее.

Собрали жёны еду, одежду и посуду что получше. Уложили, сели в нарты и стали ждать, когда свекровь управится.

А та, пока все укладывались, вокруг ходила, ногами шаркала, сокрушалась, что столько добра даром пропадает! Наконец начала свои пожитки собирать. Над каждой вещичкой горевала, каждый лоскуток слезами обливала, вспоминая всё, что с ним связано.

По старым чиркам, как по прожитой жизни, сокрушалась: столько лет хранила, берегла, а теперь бросить?! Не удержалась и украдкой спрятала их в последней нарте под циновкой, а сама сверху уселась.

Подавал старший брат знак к отправлению. Побежали олени, запрокидывая головы, вот уже взмыла вверх первая нарта, за ней потянулась вторая, третья... И только последняя, где мать на своих чирках сидела, никак от земли не оторвётся.

Передние нарты в воздухе застряли, олени в пустоте ногами бьют, жёны от страха кричат, мужья ругаются, того гляди, с высоты все на землю рухнут.

Тогда младший из братьев, сидящий ближе всех к матери, схватил топор и перерубил верёвку, которой её нарта была привязана. В тот же миг вся связка легко и свободно взмыла в небо, а мать со своими чирками на земле осталась.

Посмотрела она, как птичьей стаей скрывается за облаками её многочисленное семейство, собрала вещички и вернулась обратно в чум.

Говорят, ровно через год приезжали за ней сыновья. Хвалились, как хорошо на небе устроились: каждый день на новое место перекочёвывают, чтоб к старому не привыкать, каждый день свежую пищу едят, назавтра не оставляют, и одежду носят только новую, чуть вид потеряет, тут же выбрасывают, другую достают – на небе ведь всего полно!

Слушала их мать и головой качала: «Как можно о вчерашнем дне не вспоминать, о завтрашнем не заботиться? Да мне мои старые чирки дороже всех ваших небесных диковин, я в них девчонкой бегала, замуж выходила!».

Так и не согласилась уехать. До сих пор в своём чуме живёт – прошлую жизнь вспоминает и рассказывает, как чуть было на небо не попала.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МЫС

Недалеко от озера Тух-Эмтор протекает река Чебачья. От неё перешеек отходит и мысок, как высунутый язык – он у нас Музыкальным зовётся. Много легенд про него ходит: считается, например, что, если кто захочет хорошим музыкантом стать, должен пойти туда в самую полночь и играть до рассвета. Встречались смельчаки – ходили, да только никто обратно не возвратился, потому что у чертей там в это время своя музыка!

Мишка Мыльжин был одним из немногих, кто отважился...

Этого Мишку по всему Васюгану знали, на чём только он не играл – от ложек до гармошек! И играл как-то чудно: закатыт глаза, перекосятся весь – и чем сильнее перекося, тем разудалей у него выходит. Все девки от него с ума сходили, но сам он никогда собой доволен не был, вечно ходил в какой-то тоскливой задумчивости.

И дружок ему нашёлся под стать – Колька Чалтамов. Ни один праздник без них не обходился, то на пару играли, то на пересменку.

Как-то пригласили их на свадьбу – недалеко от того самого мыса. Отработали они день честь по чести, а так как назавтра опять играть – ночевать остались. И взбрело Мишке в голову на Музыкальный мыс сходить. И Кольку стал подговаривать: здесь, дескать, рядом... Тот, конечно, ни в какую:

– Там у бесов сейчас самый разгул – пропадёшь ни за что! Да и зачем тебе? Музыкант ты что надо – все тебя хвалят!

– Какое мне дело до всех! – скривился Мишка. – Ладно, не хочешь, не надо – спи.

А утром Колька очухался – Мишки нет. Пришлось одному на свадьбе отдуваться. Отработал кое-как, а вечером отправился на поиски. Сначала домой к Мишек вернулся, потом вспомнил ночной разговор и отправился на Музыкальный мыс. Но нашёл только шапку под кустом.

Понял Колька, что пропал друг – уткнулся в эту шапку и заплакал. А вокруг комары гудят, камыши шушукуются, листва на ивовых ветвях перешёптывается, и какая-то явственная мелодия из всего этого складывается... Оторвал Колька от шапки лицо и обомлел: звёзды сияют сверху и снизу, будто он в небе висит!

Тут закачались, зазвенели шишками кедровые кроны, в такт плеснулись волны о берег, резко проскрипел коростель... И ещё громче во всём этом музыка зазвучала – высокая, щемящая, будто звёзды запели. Не удержался Колька, развернул гармонь, прошёлся по кнопкам сверху вниз, стараясь попасть в такт с музыкой мыса. И так хорошо получилось, что самому понравилось – все песенки, которые они прежде с Мишкой по свадьбам-гулянкам играли, жалкими показались...

И вдруг чудится Кольке, кто-то ему подтягивает. Вертятся вокруг маячки полупрозрачные, то проявятся, то пропадут – заробуют. Колька слёзы утёр, но они ещё яснее проступили. И уже не таясь запели – зазывно, пьяняще...

Опустил Колька гармонь на колени, а маячки того и ждали: подхватили его под руки, потащили, закружили, как в воронку – аж в ушах засвистело! Колька глаза за-

крыл, слышит лишь, как сердце стучит, да откуда-то снизу музыка доносится. Всё ближе, громче...

Очнулся – вокруг темно, кое-где разноцветные огоньки мерцают, как кошачьи глаза. Пригляделся – и сердце оборвалось! Собралась нечисть всех мастей, все чего-то напевают, наигрывают вразнобой – на струнных, на духовых и чёрт знает на чём.

Тут же в сторонке Мишка со своей скрипкой сидит – бледный, растерянный. Бросил на Кольку мутный взгляд и, не переставая играть, спрашивает:

– Ты чего тут?

– Как чего? – оторопел Колька. – Я за тобой! Ты же меня подвёл. Мы на свадьбу вместе нанимались, а ты как сквозь землю...

– Сквозь землю и провалился! – усмехнулся Мишка. – Я тогда на Музыкальный мыс пошёл, хотел по-настоящему играть научиться.

– Ты ведь итак умел!

– Какое там – баловство одно! Вот здесь играют так играют – слышишь?!

– Хорошо, конечно, только пропадёшь с такой музыкой!

– Уже пропали... Обратного дороги нет.

– Должна быть! Если нас как-то сюда затащили – значит, и назад можно.

– Никуда отсюда не уйдёшь... Это же не игра, это чёрт знает что такое! Хочешь не хочешь, руки сами начинают подхватывать. Пальцы в кровь сбил, но остановиться не могу!

– Ну, пропадать, так с музыкой! Только уж я под чужую дудку плясать не собираюсь!..

Распахнул Колька гармошку и собственную мелодию повёл: ту, что на Музыкальном мысе слышал. Бесы же, наперекор, своё грянули – с такой залихватской удалью, что у Кольки волосы на голове шевельнулись. Чувствует, сносит его чёртова музыка, будто течением – поневоле сбиваться начинает.

Но тут Мишка со своей скрипкой его поддержал. Встряхнулся Колька, как из-под воды вынырнул, и с новой мощью заиграл.

Примолкла вражья сила, зашушукалась, потом снова вступила, на этот раз осторожно, будто издадала. Полилась мелодия тихая, обволакивающая, потянула, как в омут, как в обмороч.

Мишка в бок смычком тычет: не спи, пропадёшь! Опомнился Колька, вырвалась его музыка из бесовского хора, точно птица из лесной чащи.

Черти в ответ – всё ужлей, но и Колька не сдаётся, гребёт против них широкими замахами – то свернёт гармонь, то развернёт. И уже слышится в его игре шуршание тростников, плеск волн, шелест листьев, протяжный гул вековых кедров...

И вдруг захлебнулся бесовский оркестр – это откуда-то солнечные лучи пробилась. Закипели в них бесы, как комья соли в котле, и растворились.

Оказались Колька с Мишкой на краю Музыкального мыса. Наяривают на всю округу – один на гармошке, другой на скрипке, а петухи им вдали подпевают.

Встали они в изнеможении, умылись в рассветной реке и отправились в деревню – на свадьбе доигрывать. И как играли в тот день! Гости надивиться не могли, откуда что бралось!

От приглашений потом отбою не было. Только не долго они у нас оставались – скоро после того случая исчезли куда-то. Поговаривают, в самую Москву подались. Решили, видно, что если местную нечисть обыграли, то уж столичную как-нибудь одолеют. Городской-то бес он попроще, помельче нашего, выдержанного в таёжных чашах и болотах.

УБЕГАЮЩИЕ ГЛАЗА

Есть у хантов поверье: если ночью крепко уснуть, глаза могут выйти из глазниц и отправиться гулять сами по себе – а человек в это время будет сны видеть.

Я раньше думал, это сказки, пока со мной одна история не случилась. Вернее, не со мной, а с соседом моим Глазаном.

Прозвали его так то ли за глаза навывкате, то ли за странную прозорливость. Он про наших поселковых такие подробности знал, о которых даже родные не догадывались, а ещё мог про разные страны рассказать, хотя сам в них никогда не бывал.

Однажды пошли мы с ним охотиться, поставили шалаш на пригорке, напились чаю и спать легли. Глазан сразу с головой одеялом укрылся и захрапел.

И вижу, из-под одеяла два глаза выглянули, круглые, вроде незрелых перепелиных яичек, соскочили с топчана и шмыг под дверь! Я поскорее сапоги натянул – и за ними. А они, как маленькие юркие зверьки, по кочкам скачут, через кусты перелетают, при свете луны то там, то сям поблескивают. Ещё немного и исчезли бы из виду, но вдруг через поваленное дерево перепрыгнули и скрылись в какой-то норе.

Сел я на дерево отдышаться – сердце колотится, того гляди, из груди выскочит и тоже по кочкам запрыгает. А там, куда они нырнули, широкий лаз, заваленный ветвями и хвоей. Пока я прикидывал, как поступить, глаза опять вверх выскочили. Вылупились на меня жутко – я еле удержался, чтоб ногой их не пристукнуть. Потом перемахнули через колоду и назад поскакали, да так шустро!

Я на ходу ветку лозины срезал, стал стружки строгать вдоль следа, чтоб дорогу пометить. Но, как ни спешил, на этот раз отстал. Махнул рукой, шагом пошёл.

Возвращаюсь – Глазан уже проснулся, сидит на топчане, гляделками как ни в чём не бывало хлопает. Вскипятили мы воду в котле, чаю попили. Я спрашиваю:

– Ты что сегодня во сне видел?

Он подумал и говорит:

– Много видел. Дорогу в лесу видел, нору какую-то видел, тебя видел – вроде догонял ты кого-то.

Стал я ему рассказывать про ночное приключение, а он не верит, обижается.

Отправились вместе в лес. Он сначала за мной плёлся, оглядывался удивлённо, потом впереди пошёл, на метки мои не смотрит, сам куда надо поворачивает – дорога ему явно знакома. Перелезли мы через корягу и нашли вход в землянку.

– Я спущусь, а ты здесь оставайся, – говорит Глазан, – в случае чего сможешь выбраться.

Сиганул в нору и провалился.

– Эй, – кричу, – ты живой?

– Живой, сейчас огляжусь.

И опять пропал, сколько я ни звал – не подавал голоса. Хотел я уже лезть за ним, но тут он откликнулся:

– Чего кричишь? Давай руку.

Выбрался какой-то странный, задумчивый, один глаз ладонью прикрывает. Посидели мы, покурили, он и говорит:

– Ты, знаешь, иди домой, а то солнце скоро скроется...

– Как это иди? А ты?!

– Я, наверное, здесь останусь...

– Где останешься – в норе, что ли? – не понял я.

– Там не нора, там землянка такая... хорошая. А в ней женщина...

- Ты что с ума сошёл? Откуда тут женщине взяться?
- Не знаю, откуда. Живёт она здесь, хозяйство у неё: запасы, утварь разная...
- А хоть бы и так, тебе-то она зачем – ты что, женщин не видел?
- Видел, конечно, только она не такая, как другие. Она меня всю жизнь ждала...
- Как она могла ждать, если ты её раньше не встречал?
- Говорит, знает... И я тоже её помню, только не пойму, откуда.
- Ты не дури. У тебя же дом в посёлке! Если на то пошло, забирай её, да живите,

как нормальные.

- Куда мне – у меня вот...

Ладонь от лица оторвал, а у него вместо глаза – пустое место.

- Как же это?! – опешил я.

– Да хотел напоследок взглянуть на тебя – хоть одним глазком. А она: «Ну и иди с одним глазом».

- Так она ведьма!

Он головой покачал задумчиво.

– Нет, она хорошая... Всю жизнь меня ждала. Да и куда я такой? А ты скажи всем, что я сам в лесу остался, пусть не ищут.

Я стою и не знаю, как быть.

- Она хоть красивая?!

– Вроде ничего, глаза немного навывкате, но ей это идёт.

Пришлось мне одному возвращаться. Рассказал в посёлке всё, как есть. Никто, конечно, не поверил, решили, что повздорили мы, и бросил я его в тайге на произвол судьбы, если чего похуже на моей совести не водится... Хотели искать, но к ночи такой буран поднялся – все следы замело.

Часто я потом Глазана вспоминал, даже во сне видел. Всё казалось, мы ещё встретимся... Так и случилось: через несколько лет появился он в гости. Обнялись мы, как родные. Всё-таки не покидала меня вина за то, что оставил его в лесу.

- Ну, – говорю, – рассказывай, что да как.

– Всё хорошо, – отвечает, – всего у меня хватает, даже лишнее остаётся. На охоту хожу. Так наловчился, что по ночам сплю, а глаза мои сами зверя выслеживают. Утром остаётся только до проверенного места дойти. Это жена меня научила...

Начал и я свои новости выкладывать. Но, о чём ни заговорю, всё ему известно... То-то мне казалось, кто-то за мной следит!

- А как там твоя пучеглазая, – спрашиваю недовольно, – так и сидит в норе?

– Почему сидит? – обиделся он. – А хоть бы и сидит... Мы из своей норы подалее вашего видим. По ночам разные страны, разных людей рассматриваем, как в кино, так что могу любой уголок земли описать в подробности. В общем, в курсе всего мирового существования...

- Да ладно тебе... Скажи лучше, как меж собой ладите.

– Хорошо ладим. Обо всём одинаковое мнение имеем. А если какое непонимание возникает, мы глазами меняемся. Я тогда её глазами на всё смотрю, а она моими – очень полезно для совместной жизни.

- Зачем же ты вернулся, если всем доволен?

– Так... – замялся он, – повидаться захотелось.

- Да ведь ты и без того можешь увидеть всё, что пожелаешь.

– Могу, конечно, только наше село мне почему-то смутно показывается, как в тумане – детали не различаю... А дом, в котором раньше жил, вообще разглядеть не могу.

- Почему?

– Не знаю. – Глазами заморгал и засуетился. – Пойду, ждёт ведь.

– С соседями не хочешь увидеться?
– Да к чему? Тоже расспрашивать начнут...
– Ну, как знаешь. Совсем-то не пропадай, заглядывай...
– Постараюсь. Хотя вряд ли... Да она, в общем, хорошая – всю жизнь меня ждала...

Так и ушёл. Больше я его не встречал.

Долго потом вспоминал я этот разговор. Всё понять пытался, отчего ему наше село туманно представляется, ведь лучше он ничего на свете не знает. А потом догадался: наверное, он его сквозь слёзы видит.

Выходит, как хорошо ни живи, а всё скучаешь по родным местам.

НЕ СЕРДИСЬ!

Эта сказка длинная, её всю ночь надо слушать. Но я покороче расскажу, а не получится – не сердитесь.

В общем, жил на берегу Оби реки охотник Ран-ики с молодой женой – от всякой власти вдалеке, сам себе хозяин. Зверя тогда в тайге водилось много, рыбы в реке хватало, так что без добычи никогда не возвращался.

И вот шёл он как-то с охоты: подволоки тихонько поскрипывали, облака над головой медленно плыли, мысли в голове неспешно текли. Вверх посмотрит, про небо подумает, по сторонам посмотрит, про лес подумает, увидит, как курится дымок над родной избушкой. «Хорошо, – подумает, – завтра такой же славный день будет».

И вдруг в таёжную тишь сорока влетела:

– Эй, Ран-ики! Ран-ики!

Бросил он в неё для острастки сосновую шишку, а она отскочила и ещё громче заверещала:

– Зачем сердиться? Тебе в город надо! Там тебя родня ждёт!

– Нет у меня никого. Я и в городе-то никогда не был, – ответил Ран-ики.

А дома чаю напился и засомневался:

– Что это сорока ко мне привязалась? К какой-то родне зовёт...

– Наверно, отец про меня вспомнил, – догадалась жена. – Он в городе живёт, всем там заправляет.

– Царь, что ли?

– Да вроде того...

– Что ж ты раньше про него не рассказывала?

– Так ты не спрашивал...

На другой день уложил Ран-ики в нарту дорожные припасы и вместе с женой отправился вверх по Оби.

И сорока следом увязалась:

– Едешь, едешь – а меня слушать не хотел!

Долго были в пути, где надо – останавливались, где надо – ночевали, так и добрались до города. Глядит вокруг Ран-ики и удивляется: столько кругом свободной земли, а тут дома, словно с перепугу, один к другому прилепились, кое-где даже друг на друге стоят. И народу – что комаров на болоте!

На главной площади и вовсе не протолкнуться: все руками машут, посудой звенят, мехами трясут, трещат по-сорочьи! Увидел их царь из окна, выбежал навстречу и тоже руками замахал:

– Давно вас поджидаю! Повадился к нам людоед Мэнк-ыки-длинные-усы. Каждую ночь кто-нибудь пропадает. Сколько богатырей вызывали, никто его одолеть не может. Вся надежда на тебя, зять!

– Да где же мне, если богатыри не справляются?

– А ты постарайся, иначе у нас в городе вообще никого не останется...

После захода солнца взял Ран-ики охотничий нож, лук со стрелами и отправился к городским воротам караулить. Сорока прилетела, на створ села – закачались ворота, заскрипели на ржавых петлях.

«Сколько народу, а починить некому!» – подумал Ран-ики.

Вдруг лёд на реке с треском вздыбился, вода, как в котле, вскипела и наружу выплеснулась. Выскочил из воды Мэнк-ыки во все стороны одинаковый и к воротам заковылял. А следом будто кто-то на лыжах едет, это длинные усы по снегу волочатся.

– Эй, ворота, – кричит, – вы из моего леса рублены, должны сказать: не появлялся ли здесь Ран-ики?

– Тут он, за нами стоит, тебя поджидает, – проскрипели ворота в ответ.

– Раз так, я в другой раз приду!

Подобрал усы и обратно к реке побежал, под лёд ухнул! Ран-ики даже опомниться не успел. Хотел со злости ворота в щепки изрубить, но сорока остановила:

– Зачем сердиться? Видишь, ворота старые, на петлях еле болтаются, оттого и скрипят почём зря!

Вернулся Ран-ики во дворец, спать лёг. А утром проснулся от криков на улице – это царь со слугами по дворцовой площади бегают, торговцев палками разгоняет:

– Что расшумелись, ко мне зять приехал, вы ему отдыхать мешаете.

Ран-ики из окна высунулся:

– Я не сплю уже.

– Но ведь ты всю ночь с Мэнк-ыки сражался! Мы с утра город обошли: все целы, даже собаки на месте...

– Никого я не видел. Полночи ждал, а когда Мэнк-ыки появился, меня ворота выдали. Надо их починить, чтоб зря не скрипели.

Дал царь ему в помощь двух работников. Весь день они чинили, тесали, строгали. Под вечер Ран-ики людей отпустил, а сам караулить остался.

Поднялась полная луна поглядеть на новые ворота. Лёд на Оби треснул, вода всплеснула, выскочил на берег Мэнк-ыки. Усы по снегу волочит и кричит:

– Эй, ворота, вы мне братья, должны сказать – уехал ли Ран-ики?

Но на этот раз промолчали ворота, ни одна доска не качнулась, ни одна петля не скрипнула.

Не дождался людоед ответа и сунул голову в створ. Взмахнул Ран-ики топором, но не рассчитал, что тот вдвое выше обычного человека, – только длинный ус срубил. А Мэнк-ыки, ломая сухостой, прочь побежал, и всё набок заваливается – это оставшийся ус его перетягивает. У самой реки настигла его меткая охотничья стрела. Заревел людоед и с треском под лёд провалился.

Взял Ран-ики срубленный ус, вокруг пояса обвязал, спустился к реке и пошёл вниз по течению. Топором по льду ударит, красная вода проступит – он дальше идёт, розовая проступит – дальше идёт... Наконец стала вода в полынье чистой – свернул он в сторону.

Стоит избушка без окон и дверей, вокруг никаких следов, никакой приметы человеческой, а внутри голоса слышны.

Прилетела сорока, села возле дымового отверстия. Влез Ран-ики на крышу, заглянул в дымоход, видит – внизу на постели из пихтовых лап мёртвый Мэнк-ыки лежит.

А вокруг него три дочери: в последний путь снаряжают, последний ус расчёсывают и решают, как отцову обидчику отомстить.

– Я в лесное озеро превращусь, – говорит старшая. – Он за лосем погонится, пить захочет, наклонится: я его схвачу и всю кровь из него высосу.

Ран-ики от злости кулаки сжал, а сорока ему крылом машет: «Не сердись!»

– Я пнём берёзовым обернусь, – говорит средняя. – Понадобится ему бересты оторвать – тут я его схвачу и в ключья изорву, из костей костёр сложу, кожу на растопку оставлю.

Ран-ики от злости на ноги вскочил, а сорока опять: «Не сердись!»

– Кто так колдует?! – усмехнулась младшая дочь. – Вот я такое сделаю, чего ещё ни в одной сказке не было...

Но тут жердь под ногой Ран-ики с треском проломилась, и рухнул он прямо в людоедово логово. Топор из-за пояса выхватил, а рубить некого – нет ни Мэнк-ыки, ни его кровожадных дочерей. Лишь сорока над пустой постелью кружит: «Зачем сердился?! Так и не узнали, что младшая ведьма задумала!»

Ран-ики шапку на глаза надвинул, ничего не сказал.

Узнал царь, что не стало больше людоеда Мэнк-ыки, приказал большие поры устроить. Прикатали на дворцовую площадь сто бочонков вина, принесли сто сосудов с пенящимися отверстиями, сто блюд – варёных, копчёных и пареных. Весь день ели, пили, а к вечеру Ран-ики в обратный путь собрался. Как ни уговаривали его, он одно твердил:

– Я человек со своей землёй, со своей водой – мне домой надо.

Воротился Ран-ики в родные места, на порог дома присел, занавеску откинул. Задрожала перед ним его тень – это жена развела огонь в чувале, поползли навстречу тени таёжного бора – это вечерняя заря загорелась. Хорошо ему стало – домой пришёл.

Утром на охоту отправился и наткнулся на свежий лосиный след. Долго преследовал зверя, захотел пить. Видит лесное озеро. Только наклонился к полынье, прилетела сорока, села на кромку льда. Где царапнет, красная полоска остаётся. Вспомнил Ран-ики слова старшей людоедовой дочери, начал лёд топором крушить, пока чёрная вода в полынье красной не стала.

День по тайге бродил, решил костёр развести. Наломал сушняка, видит – торчит из-под снега пень берёзовый. Хотел бересты для растопки оторвать, но сорока на пень села: где клювом ударит, красная отметина остаётся. Понял Ран-ики, что это средняя дочь его морочит, – пень в кровавые щепки разнёс.

Под вечер набрёл на занесённую снегом избушку. «Зайду, – думает, – погреюсь, что мне будет?»

И, не слушая больше сорочью трескотню, постучал в дверь.

Встретила его молодая женщина, у очага усадила – дрова в огонь подкладывает. Пошёл жар по избе. Ран-ики рукавицы снял, шубу сбросил, шапкой лоб утирает, а хозяйка всё топит.

Скоро от духоты и угара стало нечем дышать. Ран-ики резко назад откинулся, и вдруг белый свет со страшной скоростью удаляться стал: всё дальше, дальше, пока не превратился в маленькую звёздочку. Вспомнил Ран-ики слова младшей людоедовой дочери, да поздно!

Очутился он в небесной яме: висит, зацепившись неизвестно за что, кругом звёзды горят, где-то меж ними Земля светится. Сколько висит, сам не знает, только с жизнью прощаться устал. Вдруг взвихрилась звёздная пыль – выскочила из тьмы сорока. Смотрит Ран-ики и не узнаёт: сам усох или она раздалась в полнеба? На её груди белый день светится, на спине и крутых боках – тёмная ночь, в иссиня-чёрных перьях зелёные звёзды мерцают.

– На Земле ты другая была! – удивляется Ран-ики.

– А ты по Земле не суди – там всё другое. Хватай меня за хвост, да смотри: когда вытаскивать стану, не сердись и ничего плохого не думай!

– Зачем мне сердиться, если ты помочь хочешь?

Ухватился за хвост – чуть руки не обжёг. Потянула его сорока из ямы, стала земля приближаться: вот с кедровую шишку стала, вот на ней моря, горы и равнины нарисовались, вот раскинулись таёжные дали, и уже можно различить шишки на кедровых ветвях.

«Выберусь – первым делом этой ведьме, младшей дочери Мэнк-ыки, отомщу!» – подумал Ран-ики.

И тут же руки сами собой разжались – вновь повалился он в яму, только на этот раз не в небесную, а земную.

Упал он в могилу на кладбище, такую глубокую, что не выберешься. Сорока вокруг него суетится, крыльями машет, а сделать ничего не может – опять маленькая стала.

– Говорила «не сердись»! Зачем сердился?!

– Да я же не на тебя.

– Вообще ни на кого сердиться не надо! Как теперь вылезешь? Из небесной дыры я тебя достала, а из земной мне не по силам.

Попросил её Ран-ики слетать к нему домой за верёвками. Полетела сорока, застрекотала на всю тайгу:

– Эй, жена, твой муж в могиле лежит, выбраться не может.

Охнула женщина, схватила, что под руку попало, кинулась мужа спасать. Нашла яму, где он томился, одну верёвку опустила – коротка, другая – ещё короче...

Вспомнил Ран-ики про людоедов ус на своём поясе, размотал один конец, кинул вверх, велел к самому толстому дереву привязать. А за другой ухватился и полез. Но когда совсем немного оставалось, опять не удержался:

– Теперь-то я проклятой ведьме задам!

Только это подумал, ус тут же оборвался – хорошо, жена успела за рукав ухватить!

Выкарабкался Ран-ики, лежит на краю ямы чуть живой. Жена над ним хлопочет и сорока себя крыльями по бокам хлопает:

– Опять не слушался! Отощал весь, душе не за что зацепиться, а всё сердится!

Много времени прошло, пока снова стал Ран-ики здоровым и крепким – на охоту ходил, зверя добывал. Поначалу преследовала его в тайге младшая дочь Мэнк-ыки – то морозы насылала, то следы путала, но он внимания на неё не обращал и злые мысли к себе не допускал. Мороз в тайге не диво, а следы разбирать – на то он охотник.

В общем, как ни старалась ведьма, не смогла к нему подступиться. В конце концов, сама от злобы высохла и превратилась в сухую уродливую корягу.

А Ран-ики до глубокой старости прожил. Детей, внуков растил и учил всему, что сам знал и умел: следы зверей распознавать, голоса птиц различать, понимать, где и в какое время рыбу ловить.

Но главное, учил никогда ни на кого не сердиться. Хоть не стало больше людоеда Мэнк-ыки и его злобных дочерей, но мало ли какая нечисть в тайге водится... На всех сердиться – самому никакой жизни не будет.

Сергей Куклин

ДОМОЙ!

Майским утром в казарме, наполненной тяжёлым ночным духом, прозвучала жизнерадостная команда: «Рота, подъём! Форма одежды – голый торс!». Задорно толкаясь, солдаты построились для ритуальной утренней пробежки. В это же время три свежих дембеля вылезли из-под брезентового тента УРАЛа, пожали руку водителю и настороженным шагом двинулись к зданию вокзала. Для них накануне прозвучала команда «Домой!».

За два года они отвыкли от самостоятельного перемещения по местности, и долгожданное ощущение свободы от строя и постоянного командирского догляда ещё не пришло. В мозгах обитало совместное ожидание, почти предчувствие вероятного подвоха в любой момент их продвижения к дому. Прозвучала команда «Вольно!», но может последовать и «Смирно!»: вдруг билетов не дадут по требованию или поезд не придёт по расписанию?

Матёрая тётка в кассе с лицом школьного завуча, внимательно посмотрев их документы, билеты выдала, и через полчаса они плюхнулись на свои плацкартные полки, скинули на столик фуражки, переглянулись и согласно захохотали. Тыкали друг друга кулаками в плечи, аккуратно стучались лбами, и нервический смех длился, пока за окном вместо вокзальных строений не закачались хакассские степи.

Все трое были земляками. Два года назад, ещё ни разу в жизни не побрившись, высадились на этой станции в окружении подобной братии под присмотром двух мутноглазых похмельных офицеров. Теперь они умели брить молодую щетину тупыми лезвиями «Нева» и спешили предъявить свои возмужавшие физиономии родным и близким.

Старший из них по званию и средний по росту – Саша – имел три сержантские лычки, что сейчас уже не имело значения, но по его необоснованному суждению прибавит ему важности при внедрении в долгожданную среду семьи и друзей. В командирской позе удовольствия не нашёл и к своей должности замкомвзвода относился как к некоему природному явлению, выделившему его из общего слоя не за особые качества, а по странной случайности. Чёрные погоны Лёши и Вовы были непорочно чисты, однако это не убавляло их амбиций зрелых мужчин, обладавших тайным опытом бытия, недоступного другим людям.

Закончилось время накопления потенциальной энергии, когда все их шаги определялись командами и жёстким распорядком. Поступков не было. Теперь бойцы перешагнули порог, за которым начинался процесс расходования этой энергии по своему хотению и направили её на то, чтобы сделать свой путь домой памятным и весёлым. Потом, в ближайшем будущем, они думали употребить умы и силы на делание своих жизней красивыми и плодотворными. Дух захватывало, как интересно и жутковато стало из-за отсутствия направляющей чужой воли.

В мозгах порхала мысль-обманка, словно птичка в райском оперении. «Теперь я буду делать то, что хочу, а не то, что должен».

Просмеявшись, скрупулёзно подсчитали наличные деньги, необходимые для возведения факта демобилизации на праздничный пьедестал. Основанием пьедестала послужил столик в вагоне-ресторане, а украшением праздника стала молодящаяся кротобёдрая официантка.

Трезвая и аскетичная служба прошла на ракетной точке, отделённой от унылой степи несколькими рядами колючей проволоки под током, с минным периметром. Увольнения и самоволки были им знакомы только по солдатским байкам и легендам.

Женские прелести больше угадывались, чем наблюдались лишь в строгом облике советских певиц при разрешённом просмотре праздничных телепередач.

Теперь перед ними над тарелками и графинчиками маячили настоящие пышные груди официантки, выложенные в декольте, словно редкий деликатес на витрине. В момент, когда эта завлекающая наглядность начинала слишком близко плавать перед глазами, непринуждённый разговор уступал место групповому оцепенению. Полёт стыдных фантазий прерывался с помощью полных рюмок, оказавших, однако, не объединительное, а разобшительное действие на непривычные к спиртному молодые организмы.

Сашу затошнило и он, опростав желудок в ближайшем гальюне, продолжил праздник на своей полке, молчком радуясь колёсному перестуку, сжимающему время пути. Вова непонятным для себя зигзагом оказался за одним столиком с прапорщиком внутренних войск, испытывающим свой организм на устойчивость к убойной смеси водки и пива.

Лёша, оставшись в одиночестве, ушёл в немое ожидание очередного выхода официантки, встречая недоступный соблазн многозначительным округлением глаз. Роста он достиг небольшого, сложения рыхловатого. Дома, очевидно, был толстым парнем, да армия, нагрузив физподготовкой и другими упорными занятиями, вроде копания траншей «отсюда и до ужина» привела его фигуру в пригодную форму. Намёк на телесное изобилие в гражданском будущем, однако, имелся. В разговорах часто улыбался, но весёлость его зачастую таила неозвученное ехидство. Саша был с ним в доверии, хотя понимал, что Лёша всегда себе на уме и вряд ли когда-нибудь переступит грань, отделяющую приятельство по сложившимся обстоятельствам от дружбы, когда душу кладут за други своя.

Из пограничного состояния между сном и явью Сашу выгнал громкий разговор и хохот за перегородкой. Недолго посидел, прислонясь к стенке и превозмогая дурноту. Умный организм вовремя отказался принимать алкоголь и поэтому скоро почувствовал тягу и способность к действиям. Заглянул за перегородку, и перед глазами замельтешили аксельбанты и прочая самодельная мишура на дембельских нарядах незнакомых братьев по сроку службы, внедрившихся в вагон, пока он дремал. Сам он считал глупостью подобные украшения и ехал в той же «парадке», которую ему выдали ещё в «учебке».

Голубые береты, аккуратно выложенные на верхней полке, полосатые тельники под вольно распахнутыми кителями говорили за себя – ребята отпрыгались и отбегались в ВДВ. Его появление восприняли как нормальное событие, усадили меж собой и без расспросов сунули в руки стакан с вином. Пришлось выпить, опасно прислушиваясь к своему нутру, но оно теперь не подвело. Четверо бойцов ехали в Саратов прямым ходом, и о пересадках им заботы не было, в отличие от Саши с товарищами, которым к вечеру нужно выходить на узловой станции Тайга, чтобы пересест в другой поезд, который доставит их в родимый город.

Полностью отдаться весёлой говорильне Саше мешало беспокойство за земляков, за то, как они сейчас используют свободу. Он покинул новую компанию, никак не обратившую на это внимания, и пошёл по вагонам искать старую. Миновав несколько грохочущих тамбуров, вошёл в ресторан и увидел замечательную сцену. Лёша сидел на прежнем месте, откинувшись на спинку стула, голый по пояс, уронив голову на грудь, измазанную салатом. За стойкой озабоченные работницы общепита обсуждали проблему, куда его теперь девать. Вовы в помещении не было.

Саша вспомнил, что Лёша пришёл сюда без кителя, однако возник вопрос: куда девалась рубашка. Участливая официантка сообщила, что солдат выкинул в форточку сей предмет парадного обмундирования, громко объявив, что теперь он человек

вольный и делает, чего хочет. Она принесла чистую тряпку, заботливо обтёрла тело изнемогшего бойца, приговаривая по-сестрински:

– Ну всё, покуражился и будет, теперь баиньки и к маменьке. Маменька дома скучает по сыночку, два годика его не видела, а он, проказник эдакий, чего учудил, рубашечку свою в окошечко выкинул, салатиком грудочку намазал. Ну ничего, теперь мы почти чистенькие, а поспим и трезвенькими будем.

Саша поволок его восвояси. Ноги Лёши иногда помогали движению по длинному вагонному тоннелю, иногда мешали, но основным затруднением было его стремление прилечь на любые свободные полки, попадающиеся на пути.

Когда тащить становилось совсем нелегко, Саша выдавал команду: «Рядовой Рыжов, смирно!». Лёша с полузакрытыми глазами принимал вертикальное положение и ход возобновлялся. В своём вагоне совсем обмякшее тело помогли дотащить два десантника, курившие в тамбуре. Когда возложили его на полку, один из них уважительно произнёс:

– Молодец какой, вот это по-нашенски, по-дембельски.

Отказавшись от стакана, Саша отправился на поиски Вовы, чудесным образом обнаружив его в купейном вагоне. Чудо заключалось в том, что в одном купе дверь была отодвинута, и он увидел друга, трясущего за грудки невменяемого прапорщика, напрягая его вопросом: «Где моя парадка, скотина?». Вова был в рубашке, форменный галстук торчал из нагрудного кармана. Старший по званию собутыльник блаженно улыбался, но ответа не давал. Саша отцепил руки друга от чужого туловища.

– Вова, пойдём до места, наша станция скоро.

– А как я дальше поеду без кителя и без военника?

Он ненадолго застыл, затем решительно снял с вешалки китель прапорщика, вытащил из карманов какие-то документы, скомканные деньги, положил на столик рядом со спящей головой. Прихватил ещё фуражку, без которой в его новой форме не будет комплекта, и, шатаясь, побрёл по вагону в правильную сторону. Образумливать его Саша не стал, зная настырный характер нарымского парня.

В роте между собой его прозвали «дядей» за взрослое выражение лица, которым он обладал по причине наличия стальных передних зубов, каковых не имела двадцатилетняя поросль, обходясь пока собственными. В его серьёзной рассудительности никто никогда не сомневался, иногда даже обращались за советом по щепетильным вопросам. Вроде того, стоит ли устраивать «пресс» объявившемуся стукачу или обойтись общим молчаливым презрением.

Ранним вечером они сидели на скамейке недалеко от вокзала станции Тайга, укрытые традиционными зарослями акации, и вяло жевали пирожки с картошкой из станционного буфета. Лёша время от времени поглядывал на свою голую грудь, с робкими притязаниями на будущую мужскую волосатость, и жалобно тянул:

– Ребята, купите мне рубашечку зелёную, пусть гражданскую, ну как же я домой заявлюсь с голым пузом, как бич какой-то, а не дембель. Ведь должен здесь быть какой-нибудь одёжный магазин...

Друзья на его хныканье внимания не обращали, потому что уже ответили категорически: «Не порти воздух, денег нет». Они обсуждали более важную задачу: как двигаться дальше. Выяснилось, что последняя электричка до родимого города уже ушла, а ближайший пассажирский поезд будет только утром. Выходило, что сидеть здесь всю ночь, потому что в здании вокзала к их оригинальной форме мог прицепиться патруль, который, по солдатским слухам, здесь частенько шарил.

Дорога домой вместо торжественного шествия получалась каким-то неуклюжим шараханьем на заплетающихся ногах с томительным выжиданием на поворотах.

Появление красных повязок в просвете между кустами принудило всех замолчать, а Лёшу ещё и спрятать голову в раскрытом чемоданчике. В такой позе было труднее углядеть его голое тело в развороте кителя. Патруль краснопогонников «ВВ» поравнялся со скамейкой, и старший сержант неожиданно откозырял:

– Товарищ прапорщик, разрешите обратиться?

Вова чинно кивнул. В новом звании он заметно поважнел. В движениях возникла барственная неторопливость, в речах – властная снисходительность.

– Слушаю, сержант.

– Вы случайно не видели поблизости пьяного солдата? В самоволку сорвался и где-то здесь болтается.

– Нет, не замечал, хотя я здесь со своими воинами уже час сижу – в здании вокзала душно.

Старший приложил руку к фуражке, и патруль скрылся за поворотом аллеи. Долго сидели молча, наблюдая сгущающиеся тучи в закатном небе, да не пропуская без внимания местных крепконогих молодежи в коротких юбках, спешивших по своим загадочным делам. Барышням они были совсем неинтересны, но это не удручало, потому что каждому верилось, что его милая фемина, пока ещё неведомая, скоро дождет своего счастья в облике достойно отслужившего мужчины. Чистая – как родниковая вода, ласковая – как майский ветерок, задорная, словно песня Аллы Пугачёвой. Хотя и не знает она сегодня о его скором появлении, но предчувствует. Девичье сердце непременно подсказывает, что он уже близко. Мается бедная, но ничего, недолго осталось, ещё чуть-чуть – и небо засияет чудными переливами, и жизнь её станет нескончаемым праздником.

Грёзы расстроил возникший из сегодняшней реальности мужик с беспокойным взглядом, в помятом костюме. Заговорил учтиво и нерешительно:

– Не будете возражать, если я рядом присяду? Не помешаю?

Освоивший начальственный статус Володя степенно кивнул:

– В нашей казарме места хватит. Нам уже никто не мешает.

Человек присел на краю скамейки, положил на колени модный пластмассовый дипломат-мыльницу и начал страдать. Голова его непрерывно крутилась, руки оглаживали портфельные бока, щёлкая замками, ступни искали удобного положения на земле. Наконец спросил:

– Я извиняюсь, конечно, но вы не будете против, если я пива выпью, не то нутро моё сгореть может запросто.

Подав мрачный голос Лёша:

– Делайте чего вам нужно, мы же не менты, мы, можно сказать, сами скоро кончимся.

Крышка «мыльницы» распахнулась – и все увидели шесть бутылок пива, уложенных в ряд. В руке страдальца появилась открывашка, и через мгновение раздалось бульканье, прекратившееся только с опустошением сосуда. Спасшийся от угара поинтересовался уже вальяжным тоном:

– Куда, служивые, путь держите, если не военная тайна?

Заговорил Саша, надеясь хоть так выйти из тупикового уныния:

– До Томска, дядя. Только не служивые мы таперича, а самые что ни на есть настоящие дембеля. Только вот в Тайгу поздно припёрлись, теперь до утра здесь куковать, до мариинского поезда.

Человек оживился и, похохатывая, рассовал каждому в руки по бутылке пива, выговаривая беспередышно:

– Вот и хорошо, значит, повезло мне, значит, земляков, попутчиков встретил. Не то думаю, с кем бы мне вместе, а одному страшновато как-то, неподручно как-то, непривычно как-то одному на грузовом ехать.

Ребята недоумённо слушали его, держа в руках нераскупоренные бутылки. Их неискушённые организмы, впервые познавшие мрачную тягость похмелья, ещё не ведали о сладостных минутах оздоровления.

Опять продолжил общение Саша:

– Дядя, ты о чём вообще, тебе зачем компания наша понадобилась? Объясни толком.

Человек, передавая ему открывашку и приглаживая назад редкие волосы на темени, отвечал учительским тоном:

– Нет, бойцы, вначале пива хлебните, тогда легче решиться будет на отважный поступок, а то я смотрю: у вас тут какое-то кладбищенское настроение. Поправляйте здоровье, я же издаля увидел, что вам сейчас нужней всего в этой жизни.

Когда наставления бывалого горемыки были выполнены, он продолжил:

– Значит, так – я командировочный, из Красноярска добираюсь, да загулял тут ненароком, а завтра с утра мне на работе край нужно быть. У нас на «Контуре» с этим строго. Анатолием Петровичем меня, кстати, зовут. А план у меня такой: здесь недалеко грузовая станция имеется, а оттуда до Томска товарняки постоянно ходят. В грузовой вагон мы, конечно, не попадём, но есть открытые платформы, и залезть туда пара пустяков. Вот быстрый переезд и получится.

На измождённом лице земляка читалась тягостная история о полной невзгод и лишений жизни советского командировочного.

– А поехали! – выпалил Саша, и никто не возразил. Резоны, повлиявшие на согласие ехать грузовым поездом, у каждого были свои. Сашу увлекла сама необычность такого хода, близкого к ненормальности. Он засиделся на службе, и теперь самым доступным для него удовольствием было самостоятельное движение, неважно каким образом. Движение подтверждало факт появившейся воли взамен надоевшей рутины распорядка.

Вова, нарядившись прапорщиком, ступил на путь авантюрных походов, и теперь для него стало очень даже естественным продолжать путь любыми нестандартными способами. Хоть верхом на кобыле.

Лёше с плохо прикрытым пупком казалось всё-таки надёжнее перемещение с товарищами, нежели в одиночку. Самочувствие его было примерно таким же, как у девушки, сегодня утром нечаянно утратившей невинность и вынужденной теперь добираться домой в одних колготках на потеху прохожим.

Майское солнце в своей закатной тяге устроило красочное небесное представление над серыми крышами городка. Сумрачные тучи вспыхнули торжественным багряным цветом на безмятежном лазурном фоне. Дивной красоты зрелище непостижимым образом внушало уверенность в том, что всё у них получится как следует, как сейчас решено. Общий сумрачный настрой сменился воодушевлением от предстоящих дерзких шагов.

Дружной стайкой пошагали по тесному переулку навстречу металлическому голосу, разносившему на всю округу команды, какой вагон куда цеплять. Это и был ориентир грузовой станции. Вышли на множество путей с ожидающими своего хода составами и застыли в недоумении: куда залазить?

Возле зелёного деревянного строения на скамеечке сидел мужичок в фуражке железнодорожника и в оранжевой безрукавке, смотрящий на них подозрительным взглядом. Анатолий Петрович подошёл к нему, что-то говорил, потом раскрыл свой «дипломат» и отдал последнюю бутылку пива. Вернулся к ожидающим в сторонке ребятам и деловито сообщил:

– Значит, так: шестой путь, состав с ГАЗ-53 на платформах. Через час идёт на Томск.

На четвереньках пролазили под вагонами, отгоняя мысли о том, что колёса могут в любой момент и провернуться. Наконец увидели «свой» состав с грузовиками, хитроумно закреплёнными по три штуки на одной платформе. Одна машина, как и положено, стояла на четырёх колёсах, а две последующие опирались передними колёсами на кузов стоящей впереди. Вся система была надёжно закреплена брусковыми колодками, распорками, тросами. Чувствовалась отработанная технология перевозок.

Залезли под стоящий на дыбах «газон», уселись на свои дембельские чемоданчики. Анатолий Петрович, жалеючи «дипломат», сидел на корточках. Его опять подминала похмельная пытка. Взгляд стал тусклым и тяжёлым, дышал открытым ртом, ладони тёрли макушку. Посидели несколько минут, и он выдал:

– Сидите здесь, я сбегаю до магазина. Он должен быть где-то неподалёку. Я шустро. Отозвался Вова:

– Мы-то здесь будем, никуда не денемся, ты сам не опоздай. Время убытия у нас приблизительное.

Когда профессиональный бедолага слез на землю и исчез под вагоном, раздался гудок, лязгнули буфера, и поезд с пассажирами медленно двинулся.

Вова грустно усмехнулся:

– Вот и спрыгал шустро за пивком.

Саша молча потряс головой. Слов не было. Лёша безучастно смотрел в пол, потом заметил:

– Ну и как мы теперь выясним, точно в Томск едем или тоже приблизительно? Никак мы не выясним, куда куда-нибудь не приедем, – ответил сам себе. – Нам остаётся только верить. Как говорил наш взводный – усысья со смеху.

По мере неспешного продвижения бессчётное количество путей уменьшалось, и когда все железные линии слились в одну, по бокам исчезли стоящие вагоны, появились робко зеленеющие перелески, поезд набрал свой крейсерский ход. Саша постарался облегчить ситуацию:

– Смотрите, солнце садится слева от нас, значит, там запад, а мы прём на север, как и положено. До Томска по железке 80 километров.

Лёшу всё же не отпускал зуд сомнений.

– Ты-то откуда знаешь, чего и где находится? Под землёй, что ли, научился?

Половину службы они просидели в подземелье за радиоприёмниками в непрерывном ожидании сигнала на запуск баллистических ракет, готовые мгновенно передать его офицерам на командный пункт. Сигнал так и не поступил, и всякий человек на планете мог пока заниматься своими привычными делами и иметь доступные удовольствия. Дембеля – любоваться частично вспаханнами полями по обе стороны железной дороги, чернокожие подростки на тротуарах Гарлема танцевать брейк-данс, а президент США Картер перечитывать перед сном любимые страницы конституции своей страны. Леонид Ильич после диетического ужина слушать, как ему читают написанную им же эпохальную книгу «Целина», а лесозаготовители Верхнекетского района радоваться вручению родному леспромхозу переходящего красного знамени, как символа их победы в социалистическом соревновании. Всё шло своим мирным чередом, но почти никто этим не мучился и радикальных перемен и потрясений не желал.

Саша взъелся на последние Лёшины слова:

– Да вот и знаю. Пока ты, умник, устав партии учил, нам, балбесам эдаким, только атлас СССР в руки попался, да география за седьмой класс.

Лёша примолк, опасаясь дальнейшего ехидства за свою принадлежность к направляющей и руководящей силе. На излёте службы он умудрился вписаться в члены КПСС. На такой шаг его потащило вовсе не искреннее желание быть в передовых рядах строителей коммунизма, а трезвый расчёт, что с партбилетом он в лёгкую откроет

двери, ведущие в обеспеченную, престижную жизнь. Высшее образование, а далее работа денежная и лёгкая для него и завидная для других, теперь достанутся ему без особого напряжения. Главное: вовремя и перед нужным носом помазать корочками.

Времена истерической, фанатичной веры в большевистские идеи, преподнесённые людям, давно минули. Все довольно спокойно относились к системе, в границах которой вынуждены были существовать, а наиболее шустрые и предприимчивые научились извлекать из её порядков максимальную для себя пользу. Молодые наглецы в мечтах примеряли костюмы комсомольских и партийных секретарей разнообразного уровня, стареющая верхушка, снисходительно похихатывая, поправляла здоровье в закрытых пансионатах на Чёрном море, зрелая середина, цепко держась за свои кабинетные кресла, зорко и настороженно поглядывала по сторонам.

Народ привычно молчал, довольный тем, что давно, целых тридцать четыре года не было войны и прилежным работникам на успешных предприятиях дают квартиры с ванной и унитазом. Очереди, правда, длинные, но и это привычно, и маячит надежда, что до пенсии придёт санфаянсовое счастье с центральным отоплением.

Лёша сейчас тоже молчал, не отвечая на подначки сослуживцев, поглядывая на них свысока, со своей тайной ступени. «Смейтесь, придурки, посмотрю, как засмеётесь, когда через десяток лет будете шагать в колонне трудящихся, а я вам с трибуны ручкой махну. Если, конечно, настроение на то будет».

Задумки на будущее его товарищей были много скромнее. Саша хотел выучиться на инженера, чтобы не тупеть на заводском конвейере, как его отец, Вова планировал стать шофёром, то есть однозначно уважаемым мужиком в нарымском жизненном пространстве.

Закат солнца состоялся окончательно, и движение в кромешной тьме, в непонятном направлении, было бы довольно жутковатым, но такому настроению препятствовал азартный юный оптимизм, ещё не побитый на житейских ухабах. Верилось без доказательств, что выбранный ими ковчег принесёт их куда нужно. Ну, конечно, домой. Мир вокруг казался нереальным, и вся действительность заключалась в стуке колёс и поскрипывании тросов, которыми крепились грузовики к платформе. У Володи неожиданно случился приступ остроумия.

– Мужики, не парьтесь, куда-нибудь да приедем, за границу не увезут. Всюду наша родина необъятная будет. А вообще-то неплохо было бы сейчас куда-нибудь до Югославии доехать, говорят, у них там тёплое море плещется. Только наши «газоны» там навряд ли нужны, а мы тем более.

Они нашли умиротворение в этой ночи, когда самостоятельно двигаться не нужно и ждать нечего до той поры, пока не рассветает и не придёт ясность, куда они едут. Тем более что узнать, где они сейчас трясутся, попросту невозможно.

Саше вообразилось: «Вот бы подольше так полёживать и не страдать от желания есть, пить, иметь женщину, много денег, кому-то доказывать свою нужность или правоту, искать удачные пути». Тем не менее, он знал, что всё это придёт с рассветом.

Впереди по ходу движения появились фонари и скоро проехали мимо синего деревянного строения с освещённой вывеской, успев прочесть очень важное для них слово: «Межениновка». От коллективных объятий удержала суровая сдержанность, замешанная на вернувшемся ожидании возможной подлянки. Только Саша позволил себе скромный прогноз:

– Однако, через час дома будем.

Общий градус настроения заметно повысился. Въезд в город для них был равнозначен приходу домой, хотя Вове ещё предстояло путешествие по реке, но это уже симпатичные пустышки. Шесть часов сплошного удовольствия на быстроходной «Ракете», в твёрдой уверенности, что она его точно доставит в родное село.

Ветер задувал капли дождя от невидимых туч под машину, служившую им укрытием, но это не заботило, потому, что в эту ночь они везли домой самое ценное своё достояние – озорной интерес ко всем событиям. Неожиданно стало достаточно светло, чтобы увидеть объявившиеся дома и куски пустынных улиц. Саша подскочил от возбуждения, ударился головой об карданный вал и упал на насиженное место.

Вскоре яркий прожекторный свет оповестил, что они подъехали к вокзалу, однако поезд невозмутимо миновал эту территорию и ушёл в малоосвещённую сторону. Стало понятным, что остановки здесь и не планировалось. Уцепившись руками за бортик платформы, растерянно смотрели на пронесившиеся городские задворки. Вот прогремели по мосту через Ушайку, вот нырнули под путепровод и выскочили на сияющее, словно в солнечный день, пространство грузовой станции, заставленное рядами вагонов и цистерн.

В мозгах защebetала надежда, что здесь точно будет остановка, но по мере того, как уходили за спину прожекторные мачты и становились малоразличимыми путевые окрестности, жизнерадостный щебет умолкал и вскоре мог перемениться на скулѐж. Саша озвучил общее беспокойство:

– Эдак мы в Асино уедем или напрямиком до Белого Яра попрѐм. Быстрый переезд получается.

Невидимый возникший, однако, замедлил ход, и вскоре движение закончилось. Первым в наступившей тишине соскочил на землю Вова, следом Саша. Лѐша подал в протянутые руки чемоданчики с дембельским барахлом и уже закинул ногу на железный борт, как состав заскрипел, и его фигура в такой неповторимой позе медленно поплыла прочь от застывших истуканами товарищей. Прыжок всё же состоялся, но приземлившись на откос насыпи, он тут же повалился набок, словно тренировочная кукла в борцовском зале. Когда подбежали к нему, выяснилось, что дикая боль в левой лодыжке не позволяет стоять.

Лѐша сидел на сером замазученном щебне, выпучив глаза от боли, и больше ничего не говорил. Саша расшнуровал ему ботинок на повреждённой ноге, но снимать не решился, опасаясь, как бы хуже не натворить. Покалеченный сделал это сам, и все подивились выдающейся опухоли. Нужно было что-то придумать, чтобы добраться до вокзала. Вова проявил солдатскую смекалку и приволок найденный в полутьме поддон из-под кирпича.

– Вот, заместо носилок будет. Туда же и вещички сложим.

Так и поступили. Лѐша, с ботинком в руках, посаженный на поддон, обложенный чемоданами, вытянул ноги. Невеликий рост позволял ему уместиться целиком. Вова встал спереди, Саша сзади, на «раз-два взяли» груз подняли и потопали по неширокой дороге вдоль путей к зареву грузовой станции. Во время передышки, когда сидели на поддоне втроѐм, Саша посильно шутил:

– Спасибо армии родной за то, что Лѐху обезжирила. Я помню, каким он колобком катался в учебке, по первости, после маминых харчей. Того Лѐху мы бы не утащили. Сам бы полз сейчас по шпалам.

Небо на востоке слегка посветлело, допустив даже скромную вольность в виде розового оттенка, намекая тем самым на неизбежность близкого рассвета. Будущие шофѐр и инженер несли на руках будущего работника советско-партийного актива, и все были в довольстве от приближающегося конца приключения. Завернув за угол, в конце объявившейся пристанционной площади увидели телефонную будку, что было весьма удачным. Теперь имелась возможность позвонить в «скорую помощь», и тогда неходячего друга доставят туда, где искусные руки хирурга поставят его на ноги.

Справа, из окна милицейского поста, напоминавшего киоск «Союзпечать», за их торжественным шествием наблюдали бдительные глаза стражей порядка, однако

никакой реакции от них не последовало. Тем более что всё происходило на виду, и поддон с ношей благополучно поставили рядом с уличным телефоном. Небо светлело, фонари тускнели, всё приобретало отчётливый облик. Неподаляку два милиционера волокли на пост свежую добычу – изнемогшего на ночном празднике жизни мужика с поникшей головой. В городе ничего не изменилось за время их отсутствия. Это умиляло и обнадеживало одновременно.

Вова закурил «Приму», Саша набрал две известные цифры и сообщил, где сейчас нужна неотложная помощь. Скоро они давали отмашку выскочившей из переулка «скорой», подтверждая, что именно здесь и находится нуждающийся. Врач с усталым и насмешливым взглядом, нисколько не удивляясь нестандартности ситуации, осмотрел предьявленную Лёшей ногу, всё же поинтересовался:

– Что ли дембель неудачно из вагона десантировался, не утерпев до полного stopa? К девкам невтерпёж было?

Никто ничего не ответил, да он и не дожидался, а распорядившись перекладывать тело на выдвигной лежак, напоследок объявил, что встреча солдата с родными теперь может состояться в Первой горбольнице после процедуры рентгена и наложения гипсовой повязки. Дверь захлопнулась, и Лёша помчался в новую жизнь, где не бывает команды «подъём!», еду подают в постель, а в туалет он поскачет на костылях.

Саша с Вовой долго сидели на автобусной остановке и молча наблюдали рассыпающийся город. Появились первые прохожие, где-то звякнул трамвай, рядом притормозило такси и тут же умчалось. Водитель разглядел потенциальных пассажиров и передумал предлагать услуги. Воодушевления не наступало. Оно притаилось в закоулках сознания, в душевных глубинах, терпеливо дожидаясь своего мгновения.

Вот и первый автобус подрулил, на котором Вова сможет доехать к причалу. Друзья хлопнули друг друга по плечам, в момент прощального рукопожатия легонько стукнулись лбами, и пути их разошлись на серьёзный кусок жизни.

Через двадцать лет шофёр Володя, едучи по трассе в трёхстах километрах от города, сподобился тормознуть возле сломанного уазика, откликнувшись на взмах руки. Человек в наглаженных брюках, в походной куртке с капюшоном, попросился до Парабели и, получив согласие, влез в кабину. С ходу, как бы оправдываясь в причинённом беспокойстве, начал рассказывать о своих передрыгах. О том, как ждут его на газокompрессорной станции, а он не мог выехать из города из-за тамошних срочных дел, а когда поехал, то машина сломалась. Володя хлопнул его по плечу:

– Саша, не парься, довезу, куда надо. Это тебе не на платформе под грузовиками, хотя мы и тогда не промахнулись.

Только тогда озабоченный пассажир разглядел, кто его везёт. Вова и Саша снова ехали вместе. После необходимых вопросов «как ты?», «а ты как?» Вова поинтересовался:

– Чего тогда у Лёхи с ногой-то случилось? Кстати, как он сейчас живёт?

– Перелом у него случился. Я в тот же день после обеда к его родителям зашёл и сказал, где они теперь с сыном могут встретиться. У них дома телефона не было. Адрес свой мне Лёха записал перед дембелем. Ничего, кости молодые быстро срослись, через месяц мы с ним на пляже плюхались в компании девчонок. Потом вместе в политехническом учились, только на разных факультетах. Не знаю уж, как он там свою специальность освоил, только через пару лет после окончания института в райкоме вынырнул. Это уже перестройка была, но всё катилось по старым рельсам. Хотя я в этих делах слабо разбираюсь, я всё больше ремонтом оборудования занят.

Достал сигарету и крутанул ручку, открывая окно. Вова вздохнул.

– Вот и ты задымил, а в армии, помню, один некурящий был на весь взвод.

Саша на это ничего не ответил, продолжая начатую тему.

– Они потом, при Ельцине, из своих партийных кресел в думские пересели. Лёха теперь депутат областной думы, жизнь нашу налаживает по уму. У меня забота скромнее – сломанный компрессор наладить, чтобы газ по трубе гнал как следует.

Вова подхватил:

– Во, верно, как у меня – чтобы мой «Урал» всегда на ходу был и запчасть нужная под рукой имелась. Ещё сына на удачный путь направить – он в этом году школу закончил. Чтобы профессию нормальную получил. Скучно?

Саша улыбнулся:

– Ты что! Так и должно быть. У нас с тобой нормальные мужинские заботы. Потому что мы делаем свою жизнь, а не изображаем, что печёмся о жизни людей всей области, или того пуще – всей страны.

Он вздохнул:

– У меня тоже такие беспокойства. Дочка на врача учится, а как работать будет? Врачам сейчас ни хрена не платят. Надеюсь, что всё наладится со временем. Ладно, ты расскажи, как домой заявился прапорщиком.

Вова рассказывал, давясь смехом.

– Ну тут уж я покуражился. Объявил, что за особые заслуги меня в прапоры произвели. В военкомат потом пришёл, конечно, по гражданке одетый, на учёт вставать и сказал, что военный билет потерял в дороге. Ничего, они по своим каналам запрос в нашу часть сделали, и пришёл ответ – дескать, да, служил такой, уволен в запас. Военник новый выдали, без проблем.

Убегало под колёса шоссе, проносились разноцветные картины ранней осени – золотистые берёзы, краснеющие осины под голубым небом. Саша долго безмолвно смотрел на эту природную роскошь, а потом его вдруг понесло.

– Только не подумай, что я Лёху, иже с ним, осуждаю или обсуждаю. У каждого в жизни своё удовольствие. У меня оно в том, что я сейчас с тобой еду к людям, которым нужен. У него в том, чтобы изображать нужного людям деятеля. Может, заигрались до того, что ощущают себя действительно при деле. Они мне не мешают. Я свой сороковник недавно перешагнул и теперь знаю, что топтать мне по этой земле осталось меньше, чем протопано. Теперь для меня самое дорогое – это время. Время своё я потрачу только на то, что принесёт удовольствие мне и моим близким людям. Депутаты и им подобные в этот круг не попадают, – он весело встряхнул головой: – Хотя Лёху сейчас сюда неплохо было бы посадить. Похохотали бы, вспоминая, как он с голым пузом в ресторане сидел обиженный, что титьки той пышной официантки ему недоступны, – он слегка ткнул друга в бок. – Помнишь, Вова, официантку-то?

– Официантку не помню, титьки её выдающиеся помню. Я потом долго у всех своих баб сравнивал – лучше тех сказочных или так себе.

Кабину встряхнуло от хохота, а может, от дорожной выбоины.

Показались двухэтажные кирпичные дома попеременно с деревянными – въезжали в Парабель. Перед железными воротами газокompрессорной станции Саша выгнул из кармана блокнот и, записав номер своего телефона, отдал другу страничку.

– Это чтобы опять на двадцать лет не потеряться.

Потом Вова смотрел на его спину, удаляющуюся к проходной, и думал о том, что это очень хорошо, что их тогдашний путь домой не стал обыденным жизненным эпизодом в веренице многих других. Чья-то неведомая воля превратила эту поездку на ждэ транспорте в замечательное событие, о котором можно и самому с улыбкой вспомнить, и людям рассказать, вызывая живой интерес. В чашу жизни тогда упала ещё одна капля напитка и по сей день бодрящего рассудок.

Наверное, просто случай такой выпал.

Никита Зонов**ТАК ТЕРЯЕТ ВОДЫ РЕКА**

* * *

Это раннее утро для осенних калек.
Тротуары запудрил восхитительный снег.
И стоят, чуть сутулясь, фонари, и горят
по периметрам улиц, словно виселиц ряд.

Звёздно-снежную россыпь довершает сполна
поражённая оспой молодая луна.
Снег до одури светел, неприступен и чист,
Он ложится, как пепел, на асфальтовый лист.

Ты попробуй иначе, ты не бойся людей,
гуттаперчевый мальчик городских площадей,
это так, постояльцы, – отцвели, да легли
под асфальтовый панцирь равнодушной земли.

Это жизнь в тебе, мальчик, пробивает ростки,
то от белой горячки, то от чёрной тоски,
это ветры-пропойцы призывают в полёт...
Ты лети, да не бойся. Это скоро пройдёт.

Это раннее утро и на вкус и на цвет
отдаёт перламутром, – да товарищей нет,
и похоже, что скоро переплавит заря
рассветающий город в суету ноября.

*1984 г.***Музыка стиха**

Когда замолкнет музыка стиха,
дыхнёт борей, затягивая лужи,
и огонёк, который потухал,
со дна души потянется наружу.

Пусть до небес рукой не достаю,
но всё тянусь, сквозь проруби и стёкла.
Она во мне. И я её пою,
и не хочу, чтобы она умолкла.

Нет ожиданий слаще и больней.
И этих слов, не высказанных ране,
ещё звучит мелодия во мне,
уйдёт она, и за собой поманит.

Задрёт душа, пустынна и тиха,
едва замолкнет музыка стиха.

* * *

Нынче тихо. Опять не спится
на окраине февраля.
Посмотри, как твоя синица
превращается в журавля

и врывается в мир манящий,
настоящий, как всё вокруг,
где её всё больней, и чаще,
и больней выпускать из рук

в это небо, где только звёзды
нам остались. На свет добра,
в этот чистый морозный воздух,
состоящий из серебра.

И совсем не законы химии,
а простые мои слова
на стекле превращают иней
в белоснежные кружева...

Понимаешь, в одну из вёсен,
после долгих холодных стуж
иногда наступает Осень –
состояние тел и душ.

Просто снег – это те же листья,
молодой журавлиный пух,
просто азбука наших истин –
научиться считать до двух,

бросить гати, раздвинуть топи
и пройти. Как пройдёт любой.
Что ж так холодно? Как в окопе
перед боем. А утром – бой.

* * *

Она ушла, и комната пуста.
На ширине тетрадного листа
и на словах, которые вдвоём,
не скажется отсутствие её.

Она ушла. Вестимо ли, мой друг!
Её искать бессмысленно, как звук,
как отпечатки пальцев на воде –
её искать... Искать её везде...

Она ушла. Расхоже. Хоть кричи.
Не от себя оставила ключи.
Лишь окоём оконного стекла
запомнил миг, когда она ушла.

Она ушла. Куда – ни приведи
Господь, – я никогда не уходил.
Разрежен воздух в комнате пустой.
Но, всё равно, спасибо за постой.

8.08.2008

* * *

Д.К.

Светит в небе звезда. Я стою у окна.
За окном пелена, в пелене – города.
Все дороги-пути у предместий в плену.
Ты меня отпусти. Я пойду в пелену.

Я сумею дойти до начала начал,
где строгают пути тот, кто нас обвенчал.
Вот знакомый причал. Пароходик. Ту-ту...
Я себе обещал, что себя обрету.

Но гудят провода, что из пыли да в пыль,
освещает звезда придорожный ковыль,
и глядит свысока из заоблачных сит,
озаряя бока тех, кто в небе висит.

Так что, вырасти дверь, или выбей окно, –
осознание потерь осознать не дано.
Я играю свой блиц законных утех...
Листья падают вниз.
Люди падают вверх.

* * *

Ты, не вопрошая «зачем?»,
Мне хоть пару слов напиши,
Как она там дышит, и чем,
В этой непролазной глуши.

Что ей эта душная клеть?
Небо ей – родительский кров!
Иней у неё на стекле
Отчеканит розу ветров.

Северный приятель борей,
На часок покинув Эдем,
Увенчает голову ей
Лучшей из своих диадем...

Так теряет воды река,
Берег – реку, лыко – строку.
Господи, прости дурака,
Что такие речи реку.

* * *

Ты помнишь, как это было –
по мановению крыл
она его не любила,
и он её не любил.
Они встречались нечасто,
и за потоками слёз
то замирали от счастья,
то засыпали поврозь.
Ты знаешь, как это будет.
И через век или год
она его не осудит,
а он её не поймёт.
И всё вернётся на круги,
где нет судьбы солоней.
Но, говорят, что подруги
подчас завидуют ей.

* * *

Прозелень дней мнём.
Тенью речных ив,
каждым своим днём
мы создаём миф.

Ты не кружи, гриф.
Ты не дрожи, глаз.
Мы создаём миф.
Миф создаёт нас.

Вода

Пеняют люди на года, винят природу.
О чём вы думали тогда, ступая в воду?
Вода поманит за собой, на перекаты,
кому достанется прибой, кому – закаты.
Ведь после всех перипетий и перепитий
в неё два раза не войти, да и не выйти.
Так пей, но дело разумей, ведь дело к ночи,
вода, ты знаешь, и людей, и камень точит.
Здесь каждый молод и богат, в её теченье,
здесь всех абцисс и ординат пересечение,
как путеводная звезда, а не лавина,
она выносит нас всегда на середину.
А вы, по молодости дней, в немом укорё,
подчас не думали о ней, впадая в море.
Вода везде или нигде, она такая.
И вы пойдёте по воде, не намокая.

* * *

Е.П.

Шью по коже иглой.
Никого не виню.
Я не то чтобы злой –
просто, обувь чиню.
Я, тоской обуян,
вам в лицо хохочу:
я не то чтобы пьян –
просто жить не хочу...

Шьёт по коже игла,
от заката – к войне.
Закуси удила:
жизнь поката вдвойне,
и, увы, коротка,
как мерцанье наяд.
Ей торгую с лотка...
Только пальцы болят.

* * *

*Пойдем встречать зарю на острове твоём,
Похожем на зеленого каймана...*

Эрнесто Че Гевара. «Песнь Фиделю»

Пора мой друг, пора... Пусть в сердце нет покоя.
Давно пора тонуть, но жизнь не водоём.
Я правду говорю! Но что это такое?
Пойдём встречать зарю на острове твоём.
И нам хотелось жить. Без боли и обмана.
Дыханием травы. Иди себе, кури...
На острове твоём, похожем на каймана,
Иду себе на «вы»... – Себя не умори.

Так, в твой последний миг, рвались смурные годы.
Нам время умирать – мы жить не устаём!
Мы встретимся с тобой на острове Свободы,
На острове твоём. На острове. Вдвоём.

Пришла пора желтеть и пальмам, и берёзам,
А время, как всегда, не стоит головы.
Не страшно умирать ни пьяным, ни тверёзым...
Пора, мой друг, пора...
Увы, мой друг, увы...

2013

* * *

Чертил слова по лекалам,
теряя контуры снов.
Мешая белое с алым
для сотрясения основ.

Чертил по скатерти мелом,
смывая сны наяву,
мешая чёрное с белым.
А я иначе живу.

Штрихую равным размером,
хоть тают сны на бегу.
Мешаю серое с серым,
и размешать не могу.

* * *

Пусть на плаху обречён веком,
мёрзлой яростью, сырой грустью.
Паруса, наперекор брегам,
подниму и поплыву к устью.
Я не ветром те крыла полню –
ветры побоку, и смерть мнима.
Не печальтесь, я о вас помню...
А сума не проплывёт мимо.

* * *

*Мне кажется, я узнаю себя
в том мальчике, читающем стихи.
Б.Г.*

Выброси стихи. И не крути мячик.
Не проси стихий, ты подожди, мальчик.
Я ж тебя люблю, как своего сына,
я не опалю, я из огня выну.

Время жечь мосты, да поспешат стрелки,
станут щи пусты, а жемчуга – мелки.
Станет тяжелей. Так принимай вызов,
в списке кораблей возьми второй снизу.

Доля велика, она всегда внове.
К морю привыкай, и привыкай к крови.
Утро подождёт, пускай пройдёт ломка.
Понт до горизонта. Да и тот скомкан.

2011 г..

Анна Савченко

ЭТО Я, ЭТО ТЫ, ЭТО МЫ

* * *

Видите, летит? –
глаз не отвести!
Как его полёт
точен!
Слышите, свистит? –
на своем пути
воздух жадно рвёт
в клочья.
Видите, летит? –
с места не сойти!
Буду я стоять
с вами,
глядя, как летит
с кем-то по пути
брошенный в меня
камень.

* * *

У тебя
отражаются звёзды больших городов в глазах.
У тебя
в голове, словно в гугле, ответ – на любой вопрос.
У тебя
стёрты сотни ботинок дорогами, дом – вокзал.
У тебя –
интересная жизнь, в этой жизни всё так всерьёз!

У меня
на окошке – герань. Это, в общем, и есть мой мир.
У меня
в голове – куча дел очень бабских опять с утра.
Для меня
топография стен поважнее, чем мир с людьми.
У меня
горизонт вызывает обычно огромный страх.

Это ты
подчинил себе звуки, играя, шутя, смеясь.
Это ты
называешься «гений», и, знаешь, тебе не льстят.
Это я
собираю в букеты обрывки забытых фраз,

Это я
нанизать, словно бисер, пытаюсь слова опять.

Это мы
называемся парой, как стрелки на тех часах.
Это мы
называемся целым, хотя человека – два.
Это мы,
словно кара с виной, – только вместе, одной – нельзя.
Это мы,
словно решка с орлом, так прилипли – не разорвать.

Он уходит...

На пределе – нервы и мозг – на взводе,
надрываясь, сердце в груди кричит.
Он уходит! Слышите? Он уходит
просто так – без повода, без причин.

Было всё нормально, обычно вроде...
Лучше б смерч, потоп, наконец, пожар!..
Он уходит! Видите? Он уходит,
и его никак мне не удержать.

Жить спокойно нынче, увы, не в моде,
и покой забыть мне давно пора.
Он уходит. Господи... Он уходит!
Только б навсегда, а не как вчера!

Визит Музы

Ты занят делом: ну, к примеру, в ванне
намыливаешь жирные бока.
Или не так: лежишь себе в нирване
и ни о чём не думаешь пока.
И тут – она. И – хватъ тебя за горло,
за мыльный бок ли (да не в этом суть!),
и говорит: «Прости, опять припёрло,
вторые сутки не могу уснуть».
Ну, что поделать, ты – бегом за ручкой,
забыв, что занят был, что в мыле – бок,
и пишешь то, что шепчет эта сучка,
разматывая слов тугой клубок.
Она гипнотизирует как будто:
тебя бросает в жар, а после – в дрожь.
Ты зол, но знаешь: это – те минуты,
когда не существуешь, а живёшь.

* * *

Давай говорить искренно,
давай ерунду даже.
Пусть будут слова – выстрелы,
пусть будут черней сажи.
Не надо их мыть фильтрами,
стирать, полоскать тоже:
а вдруг порошок вытравить
всё лучшее в них сможет?
Ковер, изо лжи выстланный,
непрочен, поверь, очень.
А если нельзя искренно –
давай уходить молча.

Укради!

Я уже ничего не жду:
среди людей огнём среди льдин
я бреду, как будто в бреду.
Укради меня, укради!

Укради меня у забот,
у рутины с именем «быт»,
у болота, в котором брод
для меня, как видно, закрыт.

Укради меня у тоски
и со слабых плеч, словно шаль,
этот траур безумный скинь,
чтоб дышала легко душа.

Укради меня у тревог,
разрушающих краски дня,
и у этих бездарных строк.
Укради меня у меня!

* * *

Я опять сижу у окна и вою, как волчица, вдруг потерявши волю.
Говорят, что в поле один – не воин, я ж воюю с полчищем злобных дум.
Слёз уже, наверное, литр пролит, посыпаю раны на сердце солью.
Я надеюсь, ты остался доволен, мной пополнив список несчастных дур.
Просто взял и, будто бы между прочим, в отношениях наших поставил точку,
а ещё недавно кричал: «Захочешь – навсегда у всех тебя украду!»
Вот и утро, и за окном светает, и снежинок лёгких летает стая.
Говорил не раз ты, что я – святая, видно, «редкая дура» имел в виду.

* * *

Сегодня грусти пинка под зад я
влеплю и стану счастливой самой,
увидю небо с улыбкой синей
и вдруг раскрою большую тайну:
что осень – птица, вся в перьях рыжих
(а серый – линька, бывает с каждым),
что в жизни этой всё очень просто,
и мир прекрасен, и даже лучше,
любовь – прозрачней и чище водки,
а счастье – ближе, чем нам казалось,
что всё так классно!.. И лишь поэты
способны грустью испортить осень.

* * *

Не ложится стих,
не тревожат сны,
а в окне блестит
мне пятак луны.
Всё как прежде: тишь,
нагота витрин.
Только ты болишь
у меня внутри.
Не спеша, с небес
я сниму пятак,
приложу к тебе,
чтоб болел не так.

* * *

Войду я в судьбу твою солнечным светом
и тенью луны,
короткой мелодией тёплого лета,
тревогой весны.
Однажды войду я ласкающей тело
речною волной,
юлою кружащей метелицей белой,
раскатисто-злой
грозою весенней. Когда я устану
плевать на любовь,
навсегда, войдя в твою жизнь, я останусь
с тобой.

* * *

Какая ночь, такие и мысли,
понятен ответ.
А что до стихов, так они все скисли
ещё в голове.
Какая ночь, такие и чувства,
точней, никаких:
свободна душа, да и сердце пусто –
чисты и легки.

Какая ночь! И круглая эта
торчит за окном.
Я мозг от сети отключаю тщетно –
кипит всё равно.

Какая ночь, такие и мысли...
висится луне...
и мысли мои вот так же повисли
на чьём-то окне.

Спасенья нет ни в крепости ставен,
ни в глухости штор.
И мысли мои вот так же давят
и шепчут вздор.

* * *

Булгаков, о рукописях говоря,
был прав не совсем, как мне кажется: спору нет,
на свете есть те, что в огне не горят,
но есть и такие, не тонут которые.

* * *

В наше время на любовь до гроба
шансы у меня невелики –
конкурентов стало слишком много:
водка, Интернет и мужики.

* * *

Если ты поймал за хвост удачу,
радоваться, думаю, не надо.
Хвост в руке одно лишь может значить,
что она к тебе стояла задом.

Виктор Лойша

ООО, или МОЯ ОНКОЛОГИЯ

Заметки по живому

Никакой беллетристики. Никаких завитушек. Записи сделаны по свежим следам. Не очень суразные житейские эпизоды.

Я долго сомневался: следует ли вообще публиковать это фрагментарное повествование. Кому оно нужно?

Потом понял: именно по принципу «нужно» публикация имеет право быть. Возможно, она кому-нибудь да поможет...

Сегодня 24 ноября, вторник. В окно смотрит луна. Её фаза – ровно половиночка без одного дня. Операцию мне сделали точно две недели назад, во вторник 10-го. Значит, тогда было $\frac{3}{4}$.

Месяц шёл на ущерб. Как и жизнь, – но такая мысль мне не приходила в голову. Да и сейчас, честно говоря, не отягощает.

* * *

На пакете с рентгеновскими снимками стояла моя фамилия и крупные буквы ООО. Ну, не общество же с ограниченной ответственностью, подумал я. Наверно, три нуля – как антитеза трём плюсам (+++), означаям *положительный* результат анализа на болезнетворную флору-фауну. Скажем, «РВ три креста: реакция Вассермана подтверждает высшую заражённость организма бледными спирохетами»...

Оказалось всё проще: Отделение общей онкологии, куда меня и определили.

* * *

Перед тем, как назначить операцию, это существо долго и многосторонне обследовали. По несколько раз брали на анализ кровь из пальца и из вены, делали рентгенографию грудной клетки, просвечивали ультразвуком лимфатические узлы, печень, селезёнку и прочие разные органы. Ещё впихивали в желудок оптико-волоконный зонд: мучительный процесс, носящий название гастроэнтероскопия. В целом, изучение моего организма предполагало поиск метастазов.

– Пока всё чисто, – сказал мой врач. – Похоже, можно резать.

– А если б они обнаружились? – спросил я. – Направили бы к патологоанатому?

– Отчего же? – он не захотел поддержать шутку. – Лечили бы – только другими способами. Химиотерапия, скажем...

Последнее, что оставалось, когда все остальные подозрения были сняты, – томография скелета. Уложили на кушетку, велели не двигаться... И внушительный, массивный и умный белый аппарат начал медленно перемещаться вдоль моего тела, сканируя его на всём протяжении. Меня разбирали по косточкам – почти буквально.

Когда эта процедура закончилась, доктор поинтересовалась: не в Северске ли я живу.

– Нет, – сказал я. – Но езжу туда часто.

– Тогда мы дадим вам справку.

– О чём?

– О том, что гамма-излучение вашего организма вызвано медицинскими причинами. Помните укол, который я вам делала утром? Это радиоизотоп...

– А какой конкретно?

– Технеций девяносто девять, – скучно ответила она.

Из чего я сделал вывод: физическая защита нашего атомного города поставлена неплохо, коли даже на внешнем КПП улавливаются слабые потоки гамма-частиц.

Метастазов не нашлось и в костях. И назначили мне хирургию.

* * *

... Человек, увидев которого, я внутренне вздрогнул: настолько знакомо показалось мне его лицо. Я долго не мог избавиться от неприятной тревоги, всё ломал голову: на кого же он так похож? И вдруг понял: а на меня на самого.

Такой же сухощавый и сутулый, с черепом долихоцефала, с некрасивым лицом и умными глазами, глядящими чуть исподлобья.

Он обитал в седьмой палате. Я – в восьмой. А в палате № 6 лежала очень красивая девушка с саркомой коленного сустава на одной из длинных, прямо-таки модельных ног. Она ходила в розовых шортиках, вовсе не скрывающих и не скрашивающих ничего, и жутковатый диагноз «саркома» мог бы поставить любой человек с самым средним неспециальным образованием.

Девушка передвигалась на костылях, и лицо её было неизменно бесстрастно. Оно просто ничего не выражало и не отражало. Такую замкнутость человека в себе самом невозможно представить, если не увидишь.

– Это – болезнь второго десятилетия, – сказал доктор, которого я попросил дать популярные пояснения насчёт саркомы кости. – Преимущественно второго. Да.

Подразумевался возраст от десяти до двадцати.

Памятуя про «Госпиталь» Артура Хейли, читанный мною лет тридцать назад, я пробормотал что-то вроде синяков и шишек, неизбежных для растущих мальчишек и девчонок.

– Травматическая природа исключена! – с жаром сказал доктор. – Да, раньше эта гипотеза была в ходу, но теперь от неё практически отказались.

– Тогда – что же?

– Изменения на генетическом уровне.

* * *

Оперировали меня под общим наркозом, что само по себе представляло интерес: я такого ещё не испытывал, только слышал от товарищей. Но действительность и тут опрокинула мои ожидания: никакого веселящего газа, никакого медленного погружения в небытие...

Притянули руки и ноги к операционному столу, протёрли кожу какой-то жидкостью, поставили инъекцию, и я лежал как будто забытый: ни хирурга, ни операционных сестёр не было, и не блещел зловещий инструментарий. Только доктор Ли, анестезиолог, прохаживался по палате,

– Ещё один небольшой укольчик, – сказал он. – Так... Не больно?

Боли не было: аккуратная работа.

– Извините, доктор, а как вас зовут? – поинтересовался я.

– Андрей Анатольевич, – охотно ответил он.

И меня не стало.

Очнулся уже в реанимационной.

* * *

– Просыпайтесь, просыпайтесь! – женский голос раздражал и надоедал. От него хотелось отмахнуться, как от комариного жужжания.

– Какого чёрта? – хотел сказать я. – Всегда просыпаюсь самостоятельно, встаю мгновенно, и уговаривать меня не надо...

Но слов не получилось, а выходило из кирзового рта только нелепое клокотание.

– Тошнит? – участливо спросил голос. Я помотал головой.

– Болит что-нибудь?

– Нет, нет.

– Как вы себя чувствуете?

Тут я поднатужился и выдавил, едва переваливая огромный язык:

– Положительно.

И потом, основательно подумав, выдал сравнение:

– Как с похмелья.

Что было, в общем-то, враньё, поскольку состояние тяжкого абстинентного синдрома мне вовсе не знакомо.

Но обломки мыслей сцеплялись трудно, сквозь них пробивалась умильная какая-то доброта, и мне очень захотелось сказать:

– Какая же вы милая, Катя!

– Откуда вы меня знаете? – удивился голос. Но я этого и сам не знал, потому что опять исчез.

Когда я окончательно пришёл в себя, никакой Кати рядом не было. Наблюдалось в поле зрения около дюжины белых халатов, размеренно мельтешащих далеко справа. «Как бабочки», – подумал я. Капустницы... От этого правого углового стола неслись мужские стоны и резкие чёткие команды дежурного врача.

Стоны не удивляли и не пугали, воспринимаясь как нечто должное. Между ними и мною – ещё один стол, и на нём покоилась внушительная женская туша. Именно так, поскольку обнажённую брюшную полость очерчивал огромный кровавый шрам, какие, наверно, возникают у самураев после харакири. Женщина была в сознании и смотрела в мою сторону устало и безучастно. Инстинктивная деликатность заставила меня отвести глаза.

С левой стороны было ещё двое пациентов. Разглядеть их у меня уже не хватило сил, тем более что лежать приходилось с наклоном вправо. Да и веки опускались сами собою под давлением неяркого света.

– Утку? – спросили меня. По участливости голоса я понял, о чём идёт речь, кивнул и, получив некое приспособление, справил в него малую нужду, которой оказалось на удивление много.

Стонущего человека увезли, как я понял, опять в операционную. Я ещё несколько раз засыпал и просыпался. Ничто не тяготило, ничего не хотелось. Разве что ещё раз попросил утку.

Потом нас стали развозить по палатам. Поочерёдно выкатили соседей слева. Соседке справа сказали: «А вам у нас придётся побыть ещё. У вас ведь диабет». – «Как? – вскричала она слабым голосом. – Отродясь не было!» – «Чрезвычайно повышенный уровень сахара, – отрезал доктор. – Не волнуйтесь, всё уладится».

Переложили на каталку и повезли меня. Коридорные повороты здесь не слишком удобны для транспорта, и на каком-то этапе маршрута я сказал старательным сестричкам:

– Ничего, можно и вперёд ногами.

Одна прыснула, а другая сказала сурово:

– Не надо спешить.

* * *

Спросил у врача:

– Моя опухоль – что-то типа саркомы?

– Что вы! – удивлённо воскликнул он. – У вас – обыкновенный рак. Самый примитивный. Хотя случай и несчастый.

* * *

– ...Брился, порезался. Крови-то? Да нет, ерунда. Как комар носом ткнул, не более. А она, падла, внедрилась.

Непритязательный старичок повествовал историю своего рака.

* * *

Вдруг мужики в палате ни с того ни с сего заговорили о переселении душ. В него очень хотел бы верить самый молодой из нас, Никита, статный симпатичный политехнический студент. Ему двадцать два, и у него опухоль мочевого пузыря.

– Ну, и кем бы ты хотел стать в следующей жизни?

– От моего желания ничего не зависит, – смиренно объяснял он. – Всё происходит по велению высших сил и совершенно непредсказуемо. И твой новый облик будет определяться тем, насколько правильно ты прожил предыдущее существование.

Никита говорил складно, и народ призадумался.

– И ничего ранешнего не будешь помнить?

– Совершенно ничего. Всё начнётся заново.

– Так в чём же смысл? Никакого опыта, – значит, можешь опять грешить напраую?

– Можешь, но – не греши. И тогда при очередном переселении возвысишься.

– Ну, а если во всех жизнях – неправильно? По наклонной? Так ведь и до глиста какого-нибудь можно докатиться. До амёбы! До вируса!

Похоже, классификацию живых организмов наши люди знают неплохо.

Призадумались:

– А если по восходящей? Докуда можно дорасти? Вот я, допустим, шофёр, так что же, в следующей жизни стану начальником автобазы?

– Ну, зачем же так прямолинейно... – упрекнул Никита. – Тут, конечно же, подразумевается не должностной рост, а просветление души и разума. Вы можете стать, допустим, великим мудрецом.

– Это хорошо. А дальше?

– Дальнейшее приближение к божеству.

– Оно мне надо?

Мужики призадумались.

* * *

Медсестричка Даша, ангельски нежное создание. Шутя бросил ей на ходу:

– Пойдём, Дашенька, покурим?

– Пойдёмте, – согласилась она.

Я опешил:

– О! А вы разве курите?

– Я же сказала: пойдёмте, – и достала пачку сигарет.

Всё было очень бонтонно. Только вот говорить совершенно не о чем. Темы не нашлось...

Молчал и любовался её белокурыми локонами.

* * *

– Что ж, будем делать ароматного мужчину...

И доктор обильно умастил мои послеоперационные кровоподтёки (огромные, надо сказать, и безобразные) мазью Вишневского. Распространился резкий, но вовсе не отталкивающий запах.

– Дёготь, – пояснил врач. – Древнейшее народное средство. И очень надёжное.

И сразу же мелькнула картина детства: коновязь у районной больницы, лошади окунают морды в длинное деревянное корыто, выдолбленное из цельного тополёвого ствола; вода струится самотёком, – должно быть, где-то рядом должна быть предназначенная для этого скважина, либо родник. Знойный день, но вода ледяная, – почему-то это я знаю точно, наверно, попробовал на ощупь. И запахи: карболки, конского пота, сырмятной сбруи – и дёгтя, дёгтя!

При чём здесь больница? Никаких неприятных ассоциаций в памяти не возникает, значит, нашу мальчишечью ораву занесло сюда по чистой случайности. Мы смотрим на терпеливых колхозников: это они пригнали сюда коней с разнообразными повозками, а теперь вот присели в тени и дымят аккуратными самокрутками; все они чего-то ждут. За хлипкой оградой гуляют по палисаднику пациенты в сереньких одинаковых пижамах...

Разморённая беда.

* * *

– ...Адреналиновая хирургия! – с лёгкой и небрежной иронией сказал Евгений Юрьевич, человек, который меня резал. Он подразумевал некую медицинскую школу, не ведомую мне.

Я понял: это ремесло, пусть и очень добротное, но далёкое от научного осмысления сути.

* * *

Таня из города Кызыл. Это столица Тувы, верховья великой реки Енисей и географический центр Азии. Во всяком случае, в городе установлен обелиск, утверждающий такую центральность.

Таня проходит уже второй курс химиотерапии. Мы с ней познакомились в курилке. Она улыбочива и простодушна – какими бывают женщины только в очень надёжной сибирской глубинке.

– Вот, начинаю линять, – пожаловалась извиняющимся тоном и несильно дёрнула рыжую короткую гривку. В руке остался изрядный пук волос. – Ничего не поделаешь, химия...

22 декабря она улетает домой, в середине января вернётся для прохождения третьего курса. Озабочена подарками для внуков. Её отец был геологом Тувинской экспедиции. А родом Таня из Гусиноозёрска. Бурятия, почти что Монголия.

Вся эта география мне по разным причинам близка и дорога.

* * *

Здесь вообще много людей издалека. Томский НИИ онкологии Академии медицинских наук – единственное за Уралом учреждение такого ранга по данной специальности. Конечно, в каждой области, крае, республике имеются собственные онкологические диспансеры, но здесь и медико-техническое оснащение лучше, и квалификация врачей заведомо выше. Вот почему в разных непростых случаях сюда направляют больных из Якутии, Приморья, Амурской области, с Колымы... По здешнему контингенту можно изучать не только географию, но и этнографию Сибири.

Кроме бесценной помощи людям, онкоцентр ведёт обширную программу научных исследований. О ней можно говорить долго, меня же более всего привлекает один аспект: статистика медицинской географии. В каких природных условиях и у каких народов наиболее часты те или иные злокачественные заболевания, а где они, напротив, редки или даже вовсе отсутствуют.

По каким причинам?

Ответ на эти вопросы уже означает начало системного подхода к профилактике рака.

* * *

Конкретная болезнь: рак молочной железы. Спрашиваю: какова статистика?

– Растёт! – бодро говорит доктор. Как будто рапортует об увеличении надоев.

Видя моё недоумение, поясняет:

– Всеобщая диспансеризация. Профилактические обследования. При них массово выявляются на ранних стадиях такие случаи, которые раньше вообще не попадали в поле зрения медиков.

Иными словами, рост заболеваемости не зависит от каких-то внешних факторов. Но если даже и зависит, однозначно сказать об этом невозможно: не с чем сравнивать! Не то что век, но и пятьдесят, и даже двадцать лет назад онкологи имели дело преимущественно со случаями запущенной болезни.

Ранняя диагностика может натолкнуть на неверный вывод, будто рак «молодеет». Вообще анализ статистических выкладок требует холодного и строгого ума. Всякие эмоции, адреналиновые выплески при такой работе только вредят делу.

А один старый и мудрый врач сказал так:

– Нет такого диагноза – смерть от старости. Даже самый изношенный организм прекращает существование в результате какой-нибудь болезни, и очень часто – онкологической. Можно, пожалуй, сформулировать: рак есть некая неизбежность на завершающей стадии жизни.

Он горестно вздохнул.

– К сожалению, не каждый человек доживает до своего рака...

* * *

В столовой никогда не выключается телевизор. За обедом, ужином, завтраком производимая им работа – всего лишь информационный шум, неизбежный фон, почти что не замечаемый.

В промежутках между приёмами пищи перед «ящиком» сидят в одиночестве или особо депрессивные пациенты, или эстеты, выискивающие программу, сообразную личным вкусам и пристрастиям.

Надо отметить, что каждая палата имеет собственный телевизор, но там по отношению к нему обычно устанавливается среднестатистический интерес: трое, четверо

или пятеро постояльцев, немного поспорив и придя к общему знаменателю, тупо смотрят всякий хлам, никому не интересный, но всех как бы устраивающий.

Но и в демократической столовке иногда находится энтузиаст, который готов испортить общий аппетит ради обнародования личного мнения.

– Надо же! – рычит крепкий мужской голос. – Нет, вы только подумайте! Сбежать – из **пожизненного** заключения! Сразу вдвоём!..

Никто не слушал новостей, все были заняты общением с соседями по столу либо своими мыслями, потому повернулись на этот басок с некоторым недоумением.

– Теперь уж точно не поймают! – заключил крутомордый дядя с какой-то странной и злорадной многозначительностью.

Народ безмолвствовал.

Нам бы, товарищ хороший, ваши заботы... Примерно так читалось это молчание.

* * *

Этот сангвиник (его звали Артём) неожиданно помер примерно через неделю. Легко и незаметно, не дождавшись даже хирургического вмешательства в свой организм.

Во сне.

Были серьёзные разбирательства. Вывод: внезапная остановка сердца.

Что ж, всякое случается. Ждёшь костлявую с одной стороны, а она норовит зацепить тебя совсем невообразимым способом.

* * *

Своя столовая имеется на каждом этаже больницы. И в каждой столовой – шкаф или два с книгами, локальная такая библиотечка самообслуживания. Никакой системы нет, комплектация осуществляется самими больными, добровольно и стихийно, оттого разнородной и необычайной.

Детективы, дамские романы, очень дрянная фантастика, кое-что из научно-популярной литературы. Имеется и классика: Тургенев, Чехов, Паустовский, мемуары Анны Сниткиной, более чем странный Златовратский. Даже стихи: не без удивления обнаружил приличные томики Арсения Тарковского и Николая Рубцова.

(Спёр оба. Для домашней, так сказать, библиотеки. Хотя ещё неизвестно, доберусь ли я до неё).

Роман Д. Фурманова «Чапаев». На форзаце – дарственная надпись:

*Волковой Ларисе
в день окончания
3-го класса.
29/V-87 г. школа № 44.*

Прикинул. Сейчас Ларисе Волковой (сохранила ли она свою фамилию?) должно быть уже тридцать два года. И вот, значит, попала она в это учреждение... Невольно начинаю просчитывать возможные варианты её предыдущей и дальнейшей судьбы – и становится неловко, как при вторжении в чужую жизнь.

* * *

«Чапаева», кстати, я перечитал. Не от скуки, но из любопытства. Ведь впервые книга попала мне в ранние школьные годы, а с тех пор и в руки не брал, но какие-то детали в памяти сохранились. Что если взглянуть зрелым взором?

Удивительная вещь. Конечно, никакой это не роман, скорее, сборник сырых очерков, сделанных поспешно и неумело, склёпанных друг с другом на живую нитку и объединённых образом заглавного персонажа. Сквозная мысль: как вести политрабoту на уровне дивизии, как загонять крестьянскую стихию в бетонное русло партийных требований. Об этом Фурманов пишет так много и подробно, что можно говорить о методическом пособии, несколько даже нудноватом, поскольку очевидны повторы. О слоге и стиле рассуждать вряд ли приходится...

Но взгляните на последнюю строку книги. Там дата окончания работы: 20 января 1923 года. С момента гибели заглавного героя прошло чуть более трёх лет. Значит, писалось сочинение по горячим, по неостывшим ещё следам памяти, и очевиден дневниковый характер многих эпизодов.

Следовательно, «Чапаев» – живой документ эпохи, более серьёзный и важный, нежели многие позднейшие мемуары, а тем более – исторические штудии.

Относительно претензий на беллетристичность в конкретном сочинении, – что ж, это всего лишь курьёз.

Неумело и несуразно.

* * *

Кстати, – точнее, совсем некстати, – вспомнил, как двадцать лет назад, когда я всё лето провалялся дома со сломанной ногою, приятель Серёжа Попов принёс мне утешительную вырезку из какого-то медицинского журнала. Там, среди прочих случаев текущей врачебной практики, была опубликована предельно краткая заметка под заголовком: «Уникальное совмещение двух заболеваний».

Сообщалось буквально следующее:

«В областном городе А., в травматологической клинике им В., у больного С., находящегося на стационарном лечении в связи с осколочным переломом таза, была диагностирована острая свежеприобретённая гонорея. Больной С. до этого находился в клинике ровно четырнадцать дней».

– Вот, Виктор Андрееч, – поучительно сказал Серёжа. – Будь я писатель, сочинил бы о больном С. очень патетическую вещь. И назвал бы её – «Повесть о настоящем человеке»!

* * *

Один из препаратов, применяемых при общем наркозе, обладает не очень сильным, но и не очень хорошим побочным действием: он может вызывать галлюцинации. Далеко не всегда, не у всех, но такое случается. Что поделать: индивидуальные реакции организма, причуды биохимии...

Это средство сейчас применяется довольно успешно. Мне его тоже вводили, но, увы, никаких оригинальных ощущений оно не вызвало. Но вот позавчера несколько этажей больницы были разбужены и взбудоражены воплями ужаса. На выходе из наркотического сна после операции, пребывая в сумеречном состоянии, девушка Марина увидела огромного паука, стремящегося к ней, чтобы выпить всю её кровь.

– Он был – с пятиэтажный дом, – рассказывала позже Марина, колотясь от страха. – И я его видела не во сне, всё – по-настоящему.

Наутро я сидел рядом с этой девушкой в преддверии перевязочного кабинета. Лет двадцати, кареглазая, высоконькая, субтильная, с миловидной мордашкой и длинными тёмными волосами, с немного застенчивой очень доброй улыбкой, она вовсе не производила впечатление истерички.

– Такие вещи непредсказуемы a priori, – ответил доктор на мой вопрос. – Всё является эмпирическим, простите, путём. Честно говоря, я удивлён, что такая бурная реакция случилась именно у этой пациентки. Но если б мы могли предсказывать подобные ситуации заранее, наше лечение было бы гораздо эффективней.

Спустя несколько дней мы снова оказались в соседних креслах, ожидая назначенных процедур. Чтобы не маяться вынужденным бездельем, я читал какой-то детектив, а девушка внимательно просматривала листки компьютерной распечатки. Скопив любопытные глаза, я увидел заголовок таблицы:

«Результаты анализов воды оз. Хубсугул по итогам Российско-монгольской экспедиции 2009 г.».

О, умный город Томск! Пациентка либо биолог, либо гидролог, а то и гидрохимик...

* * *

Всякий человек, задумывающийся об устройстве жития, о самом смысле собственного существования, обязан побывать в онкологической лечебнице. Не надо в качестве пациента, хотя бы вольным созерцателем. (Но всё же надёжней – с диагнозом, пусть и ошибочным или сомнительным). Только увидев людей, страдающих по-настоящему, бредущих по грани того и этого света, можно понять преимущества, случайно выпавшие на твою долю.

Жестокая моя рекомендация распространяется, в первую голову, на писателей. Не убеждён, что Солженицын стал бы тем Александром Солженицыным, которого мы знаем, если, пройдя «круг первый» и несколько последующих лагерных кругов, не отведал бы «ракового корпуса».

Вообще же онкологическая тема затронута отечественной литературой крайне мало. Именно «крайне» – то есть краешком, по касательной, вскользь.

Тому же туберкулёзу отдано гораздо большее и пристальное внимание, не говоря уже о психических заболеваниях, о родильной горячке, о сыпном и брюшном тифе, о всякого рода травматологических казусах...

Знаю, кроме Солженицына, только одного писателя, подошедшего к «раковой» теме вплотную и проникнувшего вовнутрь. Это Владимир Солоухин с повестью «Приговор». Там рассказан клинический случай меланомы. Достоинство художника – в передаче ужаса, охватившего героя при одной только постановке диагноза.

Вот! В том-то, пожалуй, дело. Писатель, хотел бы он того или не хотел, как бы перевоплощается в своего персонажа. Проникает в душу, примеряет одежды, осваивается в чужом теле, созданном собственным воображением.

Процесс заведомо не очень удобный, и можно понять инстинктивное отталкивание от организма, поражённого злокачественной болячкой.

Ведь что есть рак в обыденном представлении? Нечто фатальное, зловещее, немолимое, да ещё и непременно связанное с тяжкими мучениями. Это не та смерть, что красна на миру, не мгновенное прекращение жизни от случайной пули, не тихое и благостное угасание в кругу близких...

Очевидная малость наших познаний в этой области способствует развитию суеверий и усугубляет страх.

Разумеется, невозможно не вспомнить «Смерть Ивана Ильича». Хотя рассказ совершенно **не про то**, и нравственный его заряд весомее самой болезни, к ней следует присмотреться. Она не названа определённо, однако и симптоматика, и течение недуга заставляют с большой вероятностью предполагать именно рак.

Великий еретик, Лев Толстой и здесь пошёл супротив традиции современной ему морали. И в чисто литературном смысле – тоже: он не побоялся пережить жесточай-

шие муки, выпавшие на долю его героя. А не переживши этого, такой вещи – не создашь.

...А диагноз «меланома», определённый Солоухину (или его лирическому герою), оказался ошибочен.

К счастью, бывает и так.

* * *

Одним прекрасным утром в середине декабря на нашем втором этаже появилась ёлка. Ростом метра два с половиною, пушистая и уже наряженная, она приветливо расположилась перед процедурным кабинетом. Страдальцы отделения общей онкологии, выходя в коридор, улыбались совсем по-детски.

Ёлочку специально поставили ночью, чтобы получился сюрприз. И сёстры украшали её любовно и вдумчиво.

Кусочек радости.

* * *

Это звучало уверенно и тревожно, как армейский сигнал пробудки.

Я и проснулся. На часах было 11.38.

Дня.

Никого в доме, не считая кота, спавшего рядом и открывшего глаза только в ответ на моё движение. Неслышный шелест снегопада за окном. Ни малейшей надобности куда-нибудь спешить. А заснул я просто от общей потребности слабого, но уже выздоравливающего организма.

Это меня перевели на амбулаторный режим.

А «тридцать восемь» мне просто приснилось. Никакими будильниками никогда не пользуюсь: встаю по внутреннему звонку.

* * *

А потом выдали справку. Датирована 15 декабря 2009 года...

Клинический диагноз: Сг левой молочной железы. *Сопутствующие заболевания:* ИБС, стенокардия напряжения. ФК I-II на фоне атеросклероза аорты, сосудов головного мозга. Хр. бронхит курильщика в фазе ремиссии. Диффузный пневмофиброз.

Проведено лечение: 10.11.09 – операция: радикальная мастэктомия слева.

Гистологическое исследование № 19620/09: инвазионный Сг на фоне атипической протоковой гиперплазии в эпидермоидной кисте с выраженным хроническим воспалением.

В послеоперационном периоде лимфорея.

Сг означает сансег. Прочий букет тоже хорош. Пока ещё не живой труп, но уже попахивает.

* * *

Что ж, следует делать выводы – и жить дальше.

2009 – 2013

У КАЖДОЙ ДУШИ – СВОЁ ЗВУЧАНЬЕ

Северское литературное объединение самодеятельных авторов «Гармония» возникло на основе небольшой группы пишущих медиков в октябре 1999 года. Вскоре (2001г.) вышел в свет первый коллективный сборник «Родники».

В литературное объединение «Гармония» ежегодно приходят новые авторы. Творчество студийцев давно известно читателям в городе, в области и даже за её пределами.

У многих появились свои почитатели и поклонники. На некоторые стихи северские самодеятельные композиторы написали и пишут лирические и военно-патриотические песни. В настоящее время в «Гармонии» около сорока северчан, они пишут прозу, стихи, басни для взрослых и детей. Свет увидели коллективные сборники «Гармонии»: «Родники» (2001 г.), «Золотые россыпи» (2006 г.), «Тебе, любимый Северск» (2009 г.), «Память сердца» (2010 г.), «Хрустальные звоны» (2011 г.), «Здравствуйте, детишки» (2012 г.), «И в шутку, и всерьёз» (2012 г.), «Нити Небесного Света» (2013 г.).

Народ у нас неутомимый, позитивный и оптимистически настроенный. В настоящее время ведётся активная работа по подготовке к изданию коллективного сборника «Грани» в честь юбилеев: 65-летия Северска и 15-летия ЛИТО «Гармония».

Творчество авторов отражает множество самых разных тем, чувств, личных переживаний. Оно, как грани души человека, где одна не похожа на другую. Верно сказала автор «Гармонии» Н. Огородова: «... У каждой души своё неповторимое звучание, но под управлением Его Величества Творчества это многоголосье сливается в гимн жизни, любви и добра...».

*Галина СЕМИЧЕВА,
руководитель ЛИТО «Гармония»*

Надежда ЛУБКИНА

Уголок детства

Как часто в мыслях возвращалась
Я в детства милый уголок.
Так незаметно жизнь промчалась,
И вот он вновь, родной порог.

Здесь день казался бесконечным,
Где я когда-то родилась.
С единственным на свете местом
Незримая осталась связь.

Чужие люди, судьбы, дети...
Не встретишь здесь знакомых лиц.
Лишь так же слышно на рассвете
В лесу соседнем пенье птиц.

И вдруг я вижу: под окошком,
Едва заметно среди травы
Белеют многолетки-флоксы,
Что с мамой посадили мы.

Светлана ГЛЕБОВА

* * *

Бороться за любовь... Что это значит?
Навязывать себя и ревновать?
Или ловить вспорхнувшую удачу?
Или скандалы дома затевать?

Шпионить и копаться в телефоне?
И почту электронную вскрывать?
Подозревать измену в грубом тоне?
Коварные вопросы задавать?

Не возратить того, что завершилось.
И как связать оборванную нить?
Бороться за любовь... А это значит
Сильнее всех любить... Любить... Любить.

Галина СТОГИС (СЕМИЧЕВА)

О счастье

Счастье горькое, счастье ли сладкое
Неожиданно в двери стучит,
Неразгаданной входит загадкой,
Долго смотрит в глаза и молчит.
А бывает, влетит и запрячется
И приходится годы искать,
А найдёшь – насмеёшься, наплачешься,
Только счастье нельзя поменять.
Вот моё – будто конь необъезженный,
И в узду всё никак не возьму.
Ах! Как хочется розами свежими
Хоть бы раз восхититься в дому!

Детство

В позолоченной солнцем избе
Подрастало холщовое детство.
И любой неуютно злобе
Было в детском моём королевстве.
Жизнь тревожна, горька, как полынь:
Голод, страх... Так несносно бывало!
Шла война, но от мамы – теплынь...
И ребячья душа расцветала.

Маргарита СЕНЧИЛО

* * *

Я теперь опишу, не солгу,
Как прекрасны деревья в снегу;
И наполнен, взволнован мой пульс –
Всё увидеть, впитать тороплиусь.

Не сумеют, однако, уста
 Рассказать, как природа чиста.
 Ну, а коль рассказать не могу,
 Остаюсь перед нею в долгу.

Календарь

В гардинах солнечного цвета
 Всегда присутствует тепло.
 А ива за окном раздета,
 Стучится ветками в окно.

Мне не согреть тебя, голубка,
 Ведь на дворе седой январь,
 Там для тебя из снега шубка.
 Что обещает календарь?

Уж в феврале мороз отступит.
 Зато метель на все лады
 Заголосит, завоет, скрутит,
 Все перепутает следы.

А солнце засмеётся в марте,
 С крыш прыгнет первая капель;
 Хороший знак – весна на старте.
 Привет, весна! Салют, апрель!

Людмила АРСЁНОВА

Сила взгляда

Когда мужчины смотрят вслед,
 Мы не идём – порхаем.
 И груз не тянет прошлых лет.
 (Мы их не замечаем).

И кажется нежней рассвет,
 И нет болячек вроде,
 Когда мужчины смотрят вслед
 Нам при любой погоде.

Светлей становится денёк,
 И ярче солнце светит,
 В глазах сверкает огонёк,
 Не раздражают дети;

Походка кажется плавней,
 Стройней, чем раньше, ноги,
 Не замечаем мы людей,
 Ухабы на дороге.

И ждём нечаянных побед,
 Признаний, вдохновенья,

Когда мужчины смотрят вслед,
Хотя б одно мгновенье!..

Детство босоное мое

От бессонницы куда мне деться?
Ночью мнится речка и жнивье –
Та страна, куда умчалось детство,
Детство босоное мое.

Я порой всю ночь перебираю
В памяти счастливые года.
И светлее этих лет не знаю,
Тех, что были прожиты тогда...

Вновь я – босоногая девчонка –
Собираю ягоду в лугах,
В блузочке и ношенной юбчонке,
С цыпками на содранных ногах.

Юрий МАЛЫШЕВ

Россия

Отчизна, Русь моя, Россия!
Так в чём краса твоя и сила?

Быть может, в этих деревеньках
Со сдобным духом из печей,
Где на истёршихся ступеньках
Ждут хлебом-солью в дом гостей?

В разливах, может быть, речушек
Со звоном вешних ручейков?
Их песни молча можно слушать,
Как речи мудрых стариков.

Или в медовом разнотравье,
Когда невестятся луга,
Где ждут любимых на свиданье,
Чтобы услышать слово «да»?

Ну как без русских тут гармошек,
Без свиста с плясками в притоп,
Частушек, шуток, скоморошек!
Без них и праздник уж не тот.

Да, этим всем живёт Россия!
Она ещё и тем сильна,
Что в ней слились единой силой
И мать, и вера, и жена.

Вера ШАБАНОВА**На пасеке**

Запах таволги белой кружит голову мне.
Я не знаю, что делать, я сейчас как во сне.
Мы на пасеке были все как будто в бреду.
Сок берёзовый пили, что бродил на меду.

Вкусный, сладкий напиток я впервые пила.
Были ноги тяжёлы и хмельна голова.
Тот напиток заманчив, я, ей-богу, права,
Только был он обманчив, как шальные слова.

Татьяна ЯРОСЛАВЦЕВА**Отец**

В лётной форме с военного фото
Ты с улыбкой глядишь на меня.
И выносит мне память так просто
Эпизоды ушедшего дня.

У тебя, будто снова в объятьях,
Ощущаю тепло сильных рук,
И сердечко ликует от счастья;
Никаких нет страданий и мук...

Над тобою летаю, как птица,
Возвращаюсь на крепкую грудь,
Это счастье так часто мне снится
И в глазах неизменная грусть.

Время памяти бремя стирает,
Но сердечко твой образ хранит.
Мне отцовской любви не хватает,
И душа, вспоминая, болит.

Михаил КРИВОШЕИН

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНИЮ

Жил в деревне один мужик. Да не мужик, а так себе мужичишко. Ножонки кривенькие, глазки косоватые и весь, как шарнирный, только при ходьбе не скрипел. Но самым большим «достоинством» у мужичишки был нос. А нос-то у него вырос не простой, как у всех смертных, а с забабакой. То ли предки наградили его такой надстройкой, или «Бог пометил», как считала жена Акулина, чтобы не совал его, куда не следует. Но лезть во все дела было его характерной чертой, не мог он дать себе окорот: где бы что ни делалось, он тут как тут. Ему бы молчать, и имя-то у него Карп, но как же он не посоветует: а вдруг сделают неправильно. Ставит жена квашню, а он ей под руку: «Не домяла тесто, хлеб будет рыхлый». Матрена ему скалкой по лбу. Везде, бедолага, принимал страдания.

Но в этой деревне, как и в любой другой, жили не только такие, как Карп, но и люди мастеровые, основательные. На окраине в добротном доме жил Матвей. Он умел все. За что бы ни взялся, сладит чин-чинарем. Вязал он людям и хорошие неводы для рыбалки, хотя сам рыбаком не был, и говорил: «Кто охотится и удит, у того ни хрена не будет». Рыбачить-то не рыбачил, а рыбу бачил. Имел для себя небольшой невод. Даст его ребятам, а они к вечеру несут невод и долю рыбы к нему.

Стоял ясный солнечный денёк. Пришли к Матвею два паренька, взяли невод и направились по речке побродить. А речка там не ахти какая, кривенькая, как у Карпа ноги, то туда повернет, то обратно. Кустарниками дико заросла, но рыбешка в ней водилась. В омутах даже щуки крупные обитали. Иногда так сплавится – волна на берег набегаёт. Рассказывали, что одна щука уток целиком глотала, у какого-то рыбака даже сапоги яловые съела, а наутро подковки выплюнула.

Вот и завели ребята невод раз, другой... Рыбы уж полведра, а ведро таскать некому. И откуда нелегкая вынесла Карпа – никто не знает, не ведаёт. Он уже советы даёт, где крупную рыбу поймать. И тут не утерпел. Видать, носатого могила исправит. «Ты лучше, дядя Карп, ведро с рыбой таскай, а мы тебе рыбки на ушицу дадим», – сказали ребята. А Карпу того и надо. Ребята снова невод завели, а он по берегу бегаёт, команды отдаёт: «Слева заходи, справа заворачивай!» А те ведут ровно, знают свое дело. Уж стали на берег выводить, как что-то вдруг как даст в невод и завозилось в мотне, они бегом на берег. Вытянули и упали разом на рыбину, придавили к земле и ждут, когда она притихнет. А Карп командуёт: «Что разлеглись-то? Давайте, вытряхивайте, посмотрим, что там за чудо!» Щука попритихла. Ребята вынули её из невода и поручили Карпу за ней присматривать, а сами стали выбирать остальную рыбу.

Карп встал возле рыбины на колени и разглядывал её, а она раскрывала рот и пошевеливала плавниками. Карпу показалось, что она пытается что-то сказать. У него шевельнулась шальная мысль: вдруг щука волшебная, а попрошу-ка я её исполнить одно желание. Желание-то у него было не корыстное: чтобы у жены рука на него не поднималась. Он, озираясь, пригнулся ниже и зашептал, а она в ответ опять рот разевает. Карп взял её на руки, приподнял за морду, и в это время щука сильно открыла рот. Он прямо припал к ней и сунул нос, а щука и сомкнула свои зубастые челюсти. Карп зарорал нечеловеческим голосом. Ребята обернулись и увидели, что у Карпа на носу висит щука, а он, бедный, извивается от боли, пытается разжать челюсти, но это была смертельная схватка, и потому ни Карп, ни ребята ничего не могли сделать. Так со щукой на носу они и пришли в село.

«Скорая помощь» приехала быстро. Врач был удивлен. За много лет работы видел всякое: укусы собак, бешеных лис, одному пьяному мужику теленок ухо отжевал, но чтобы щука укусила – это было впервой! Народу сбежалось много. Все советы дают, а врач ничего сделать не может. У Карпа слезы в три ручья, щука уж просолилась, хоть копти. Но тут на выручку пришел Матвей, он принес ножницы по металлу. Перекусил челюсти, а щуку домой забрал. Врач осмотрел нос и решил, что Карпа нужно госпитализировать. Они уехали в город. В больнице Карпу долго лечили нос, но безуспешно. Пришлось делать операцию. А через пару недель его на такси привезли домой. Карп

долго не показывался на улице. Когда все зажило и спала опухоль, Матрена не могла наглядеться на своего мужа. Его нос стал ровный и красивый, как у Алена Делона, а самое главное – Карп молчал, как рыба, и не лез не в свои дела. Односельчан поражали эти перемены. Мало что вид у него стал благородней, но и дурь куда-то подевалась. Из мужичишки получился настоящий мужик. Значит, щука и впрямь оказалась волшебная, и Матрена даже забыла, где скалка лежит. Зауважала Карпа и зовет с тех пор его Карп Иванович. Прямо как в сказке!

ПРИТЧА

У Назара умерла жена. Ей бы жить да жить, но от переживаний хватил удар. Сначала переживала, что посадили сына, а потом ещё и дом сгорел.

Назар остался один и жил в летней кухне. Ему не хотелось варить, мыть, стирать, и он стал «опускаться». Ходил по деревне неопрятный, часто нетрезвый. Помер прямо на дороге. Соседки обступили вокруг: охают-ахают, кто же будет хоронить? Назар уже на том свете стоит к Богу в очередь. У Бога там всё без проволочек. Не успел Назар утомиться, а перед ним только один мужичок в шляпе и с папкой, видно, из чиновников. Назар уши наострил.

Бог спрашивает и кидает серебряные монеты на весы, то на одну чашу, то на другую. У мужика плохих и хороших дел поровну. Бог задаёт ему вопрос:

– Ну, а насчёт дерева, дома и сына как?

Мужик с гордостью ответил, что деревьев в жизни посадил много, построил дом и вырастил двух сыновей. Бог сыпанул ему три монетки на правую чашу весов, и райские врата отворились. Подхватили ангелы мужика под руки, и полетели они в райские кущи.

Назар предстал перед Богом. Глянул ему в глаза и понял – здесь врать бесполезно. На все вопросы отвечал быстро, и летели монетки только в правую чашу. Выходило, что Назару уготован рай. Бог спросил:

– А пил ли ты зелье крепкое?

Назар ответил:

– Да! Но я пил много потому, чтобы другим меньше досталось, чтобы народ не разлагался.

Бог озорно так улыбнулся и метнул ещё целую горсть монет в пользу Назара. Потом Бог задал последний вопрос:

– А как насчёт дерева, дома и сына?

Назар ответил, что в этом смысле у него не всё удачно:

– Я срубил дерево, посадил сына и сжёг дом.

Бог перегнулся через весы, крикнул:

– Убирайся, – и как щёлкнет Назару в лоб. Назар полетел кувырком и очутился на дороге. Открыл глаза, вокруг соседки охают:

– Глянь-ка, ожил!

Он резко подскочил на ноги, отряхнулся и пошёл домой. Дома размышлял, то ли правда был у Бога, то ли это сон? Но Назар как-то приободрился. Истопил баню, помылся, побрился, постирал вещички, прибрался в своём жилище. Выпрямил спину и стал ходить быстро. Стал останавливаться и шутить с женщинами. Где и как он снюхался с молодойкой, но избушка его ожила. Через девять месяцев жена родила ему сына.

Весной Назар насадил много деревьев и начал призадумываться о крыше над головой. Вырастет наследник, а наследовать нечего. Расчистил фундамент и начал строить дом. Жизнь пошла весёлая. Деревца обрядились зелёной листвой, сынок растёт, и дом поднимается.

Так в труде прошли три года. Дом Назар достроил, забил последний гвоздь и скоропостижно скончался. Думается мне, что теперь-то ему хватило добрых дел. Но жить надо так, чтобы не стоять два раза к Богу в очередь.

НАМ ПИШУТ

Не скажу, что роман Вениамина Колыхалова читается на одном дыхании. Слишком многое (вместе с историком Гореловым) надо осмыслить. Прокрутиться на жерновах его растущего осознания истинных причин, истоков тяжёлой действительности. Виток за витком, по спирали, спотыкаясь, запинаясь о повторы, расширяющие и углубляющие понимание, искать вместе с героем ответы на вопросы: «Почему? Кто виноват?» И главное: «Как с этим жить?»

Но плотно окупёшься в вольную стихию авторского слога, освоишься с довольно своеобразной лексикой писателя – и это уже твой мир, и герои – живые люди, твои соседи, твои знакомые, даже родственники. Нарымский край... Мой родной край. И события, описанные в романе, хоть краешком коснулись, заделали почти каждого нарымчанина. И вопрос «И с этим – жить?» явно или подспудно тревожит каждого. Во всяком случае, пока не ушло наше поколение, пока живы наши дети...

Для наших внуков Колпашевский Яр и 1938-й, и 1979-й годы – события уже далекие, как Полтавская битва, как Бородинское сражение.

И поэтому замечательно, что роман написан.

**Л. Лапина,
г. Стрежевой**

Только что прочла фрагменты романа «Тот самый яр...» В. А. Колыхалова.

Читаешь и опускаешься в бурлящие воды. Роман Вениамина Анисимовича помогает излечиться от трёх опасных болезней: неверия, жадности, равнодушия. Понимаешь, что многие наши беды от разобщённости, ведь мы стараемся ничего на себя не брать – никакой ответственности. Роман даёт энергию невозврата. На мой взгляд, нам надо всё ещё раз осмыслить, покаяться. Спасибо нашему земляку В.А. Колыхалову – другу колпашевских библиотекарей – за гражданский поступок! У Вениамина Анисимовича, отметившего в этом году своё 75-летие, богатый арсенал прозы и поэзии. Три года работал автор над романом о Яре. Читайте книги Колыхалова.

**В. Калинкина,
г. Колпашево**

С 2013 года читаю публикации Томской писательской организации в вашей газете «Мастерская» – приложение к областной газете «Красное знамя». Очень интересно, и поучиться есть чему. Скопилось уже немало материалов, которые я перечитываю периодически. Рассказывайте больше о томских писателях и их произведениях.

**В. Литвинова,
с. Мельниково**

**Никита Владимирович
ЗОНОВ**

Родился в 1968 году. Учился в Томском государственном университете. Публикации в журналах России, в томских журналах «Начало века» и альманахе «Каменный мост». На его стихи написаны десятки песен. Живёт и работает в Томске.

**Александр Петрович
КАЗАРКИН**

Родился 27 ноября 1941 года в деревне Дресвянка Новосибирской области. Доктор филологических наук, профессор Томского государственного университета. Член Союза писателей России. Автор книг «Пульс времени» (1985), «Литературно-критические оценки» (1987), «Где та земля Чистая?» (о природе и литературе Сибири)» (1988), «Вокруг “Мастера и Маргариты”» (1988), «Русская литературная классика XX века» (1995), «Русская литература и философия Серебряного века» (2001), «Русская литературная критика XX века» (2004). Автор и составитель учебника «Сибиреведение» и книги «Предания старого тракта». Лауреат Всероссийской литературной премии имени Н.А. Клюева.

**Владимир Иванович
КОЗУБОВ**

Родился в 1949 г. на Алтае. Окончил Семипалатинский геологоразведочный техникум по специальности «Гидрогеология». Служил в Советской Армии.

Работал в экспедициях Южного Казахстана и Алтая, в Головном КБ по водоснабжению пастбищ (г. Чимкент). В настоящее время работает ведущим технологом в Институте физики прочности и материаловедения СО РАН.

Автор и соавтор десятка статей в республиканских и союзных журналах по тематике работы КБ. 7 авторских свидетельств и 8 патентов на изобретения.

Первая публикация – гипотеза «НЛО: связь времен...» в журнале «Уральский следопыт» (1990). Представлен в нескольких поэтических сборниках, печатался в журналах «Начало века» (2010) и «Книжный клуб» (2011).

В 2011 году вышел сборник стихов «Амплитуда».

Живёт в Томске.

**Михаил Александрович
КРИВОШЕИН**

Родился в 1951 году в селе Кривошеино Томской области, детство и юность провёл на Алтае, с 1976 года проживает в городе Мыски (Кемеровская область). Автор четырёх прозаических книг, изданных в Кузбассе.

**Владимир Михайлович
КРЮКОВ**

Родился в 1949 году на севере Томской области. Закончил историко-филологический факультет Томского университета. Сборники стихотворений «С открытым окном» (1989), «Созерцание облаков» (1994), «В области сердца» (2005), «Стихотворения» (2009) и др. Книги стихов и прозы «Линия ветра» (1999) и «Жизнь пунктиром» (2007).

Публикации в журналах России «Звезда», «Знамя», «Москва», «Литературная учёба», «День и ночь», в русскоязычных альманахах Германии.

Член Союза российских писателей.

Живет в селе Тимирязевском под Томском.

**Сергей Александрович
КУКЛИН**

Родился в 1959 году в Томске. Окончил геологоразведочный факультет ТПУ. Геолог.

Первая публикация прозы – рассказ «Староверы» в журнале «Начало века» (№3, 2007). Рассказ «Строительное настроение» (альманах «Каменный мост», 2008). Книга прозы «Там реки вместо улиц».

Живет в Томске.

**Виктор Андреевич
ЛОЙША**

Родился в 1947 году в рабочем посёлке Тальменка Алтайского края.

Выпускник геолого-географического факультета ТГУ. Работал на Колыме, Чу-

котке. Написал три десятка документально-публицистических книг, «в том числе «СМИТЬё моё» (2006), «Прощание в июне» и «Как, прекрасен этот мир? Посмотри...» (2008), «Шершавая книга» (2009), «Наш строгий взгляд пронзает каждый атом» (2010)», «И это всё о нас» (2012).

Автор поэтических сборников «Век мой кончается» (2000), «Антропоген» (2004).

Живёт в Томске.

**Татьяна Ефремовна
МЕЙКО**

Родилась в Томске. Окончила отделение журналистики ТГУ. В девяностые годы работала в Томской областной писательской организации, где занималась издательской деятельностью. Её сказки и рассказы опубликованы в шести странах мира. В 1999-м она окончила Высшие литературные курсы Литературного института имени М. Горького. Руководит литературной студией «ЮГ». Член Союза писателей России.

**Геннадий Кузьмич
СКАРЛЫГИН**

Родился в Кемеровской области. Закончил Томский геологоразведочный техникум, затем Томский государственный университет. Стихи публикуются в журналах «Наш современник», «Московский вестник», «Сибирские огни», «Алтай», «Российский колокол», «День и Ночь», «Огни Кузбасса», «Барнаул», «Начало века», в альманахе Академии поэзии и других изданиях. Стихи вошли в Антологию русской сибирской поэзии. 20 век, в Антологию сибирской поэзии – «Слово о мате-

ри». Книги – «Ветер скитаний», «Всё унесёт река», «Утренний человек» и другие.

Секретарь правления Союза писателей России. Председатель Томской областной писательской организации.

**Анна Владимировна
САВЧЕНКО**

Родилась в Томске. Выпускница Томского государственного педагогического университета. Стихи публиковались в «Литературной газете», журнале «Начало века», коллективных сборниках «Творческие четверги», «Горизонты», располагаются в Интернете на сайте stihni.ru

**Николай Валентинович
СЕРЕБРЕННИКОВ
(псевдоним
Николай БРЕННИКОВ)**

Родился в 1954-м в Томске. Окончил исторический факультет ТГУ. Доктор филологических наук. Куратор Томского литературного музея. Автор нескольких поэтических и литературоведческих книг. Живёт в Томске.

**Николай Васильевич
ХОНИЧЕВ**

Родился 19 мая 1964 года. Выпускник биолого-почвенного факультета ТПУ (1987 г.). Работал в областной лесозащите. Начал печататься с 1983 г. Автор и исполнитель песен на свои стихи и музыку. Член Союза писателей России. Издал шесть поэтических книг: «Венерин башмачок», «Ходики дождя» и другие.

Живёт в Томске.

НАЧАЛО ВЕКА

Литературный и краеведческий журнал
Издание томских писателей

Главные редакторы
Г. Скарлыгин
В. Крюков

Вёрстка журнала
Л. Кулманакова

Корректор
В. Дмитриева

Редакция журнала принимает к рассмотрению первые экземпляры
рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала
либо набранные
на компьютере через полтора интервала (12-14 кегль),
желательно с приложением набранного текста в любом формате
на любом цифровом носителе.
Редакция знакомится с письмами читателей,
не вступая в переписку.

Учредитель: Томское региональное отделение Союза писателей России.

Адрес редакции: г. Томск, ул. Шишкова, 10.

Адрес издателя: г. Томск, ул. Шишкова, 10.

Адрес учредителя: г. Томск, ул. Шишкова, 10.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС121331 от 21 марта 2007 года.

Выдано управлением Росохранкультуры РФ по Сибирскому федеральному округу.

© Составление и оформление: «Начало века», 2014 г.

Формат 70×108 ¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,2. Тираж 2000 экз. Заказ № 1539.

Дата выхода журнала 25.03.14. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Полиграфия Ускоренной

Высококачественной Доппечати»,

г. Томск, пр. Ленина, 207/а